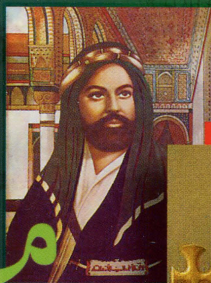

Анри Пирен

ИМПЕРИЯ КАРЛА ВЕЛИКОГО И АРАБСКИЙ *халифат*

Арабские завоевания,
потрясшие Европу и Азию,
отрезали Восток от Запада.
Средиземноморское единство
было нарушено окончательно
и бесповоротно.

محمد
Конец
античного мира

ИМПЕРИЯ КАРЛА ВЕЛИКОГО
И АРАБСКИЙ ХАЛИФАТ

А. Пирен

Анри Пирен

ИМПЕРИЯ
КАРЛА ВЕЛИКОГО
И АРАБСКИЙ
халифат

Henri Pirenne

**MOHAMMED
AND
CHARLEMAGNE**

Анри Пирен

ИМПЕРИЯ
КАРЛА ВЕЛИКОГО
И АРАБСКИЙ
халифат

КОНЕЦ АНТИЧНОГО МИРА

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)3
П33

*Оформление художника
И.А. Озерова*

Пирен А.
П33 Империя Карла Великого и Арабский халифат.
Конец античного мира / Пер. с англ. канд. ист.
наук. С.К. Меркулова. — М.: ЗАО Центрполиграф,
2011. — 351 с.

ISBN 978-5-9524-4969-5

Исследование известного бельгийского историка Анри Пирена посвящено истории Западной Европы, тому влиянию, которое оказало на ее развитие вторжение варваров в пределы Римской империи, а затем завоевание арабами-магометанами части этой территории и включение ее в состав Арабского халифата. Автор отмечает, что вторжение германцев не нарушило средиземноморского единства античного мира. Разрыв с античной традицией произошел позже, и причиной послужило быстрое распространение ислама в результате вторжения арабов-магометан. В итоге Восток был окончательно отделен от Запада и средиземноморскому единству пришел конец. Упадок, в который погрузилась монархия Меровингов, привел к появлению династии Каролингов. Папа римский вступил в союз с новой династией, порвав с императором Византии, уже неспособным обеспечить Риму реальную защиту. Главенствующую роль в Европе стали играть церковь и феодалы. Европа явила миру свой новый лик. Начинались Средние века.

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)3

ISBN 978-5-9524-4969-5

© Перевод, ЗАО
«Центрполиграф», 2011
© Художественное оформление,
ЗАО «Центрполиграф», 2011

ИМПЕРИЯ
КАРЛА ВЕЛИКОГО
И АРАБСКИЙ
халифат

КОНЕЦ АНТИЧНОГО МИРА

Часть первая

ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА ДО ВТОРЖЕНИЯ АРАБОВ–МАГОМЕТАН

Глава 1

СОХРАНЕНИЕ СРЕДИЗЕМНОМОРСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ ПОСЛЕ ВТОРЖЕНИЙ ГЕРМАНЦЕВ

1. «Романия»¹ до вторжений германцев

Из всех черт того замечательного, созданного людьми образования, коим была Римская империя, самой яркой и поразительной и в то же время наиболее важной была та, что империя эта носила в целом средиземноморский характер. И хотя на востоке она была греческой, а на западе латинской, именно ее расположение в Средиземноморском бассейне превращало все входящие в ее состав части в уникальное единое целое. Это внутреннее море, коим является Средиземное, полностью оправдывает используемый для него латинский термин «маре ностра» — «наше море»; именно благодаря ему шел активный обмен идеями, осуществлялось взаимодействие различных религий, бурно развивалась торговля².

Расположенные на севере империи провинции — Бельгия (Белгика), Британия, Германия, Реция, Норик, Паннония — служили лишь оплотом против вторжения

¹ Термин «Романия» появился в IV в. и обозначал совокупность территорий, входивших в состав Римской империи.

² Именно благодаря Средиземному морю была фактически сохранена внутренняя целостность империи и удалось избежать двоевластия после окончания правления Феодосия I Великого.

варваров. Настоящая же жизнь была сконцентрирована и буквально бурлила на побережье этого уникального моря-озера. Не будь его, Рим не смог бы получать столь необходимое ему зерно из Северной Африки. Особенно важное значение средиземноморское судоходство приобрело после того, как было покончено с пиратами: ничто не мешало теперь получать полномасштабную выгоду от активного торгового обмена. Все торговые пути, проходившие по провинциям империи, неизбежно сходились в портовых городах. Последним действительно крупным городом на севере империи был Лион. Трир обязан своим влиянием лишь тому факту, что он выполнял функции временной столицы. Все же другие важные города — Карфаген, Александрия, Неаполь, Антиохия — были расположены либо непосредственно на море, либо неподалеку от него. Средиземноморский характер Романии стал наиболее ярко проявляться после IV в., поскольку новая столица империи, Константинополь, была прежде всего крупным прибрежным городом и морским портом. Константинополь оспаривал влияние у Рима, являвшегося ни много ни мало «городом потребления» благодаря тому, что в нем были расположены многочисленные ярмарки и рынки; Рим также был ремесленным центром и важной морской базой. Рост активности Востока шел одновременно с ростом его влияния; Сирия представляла собой конечную точку империи, откуда продолжались каналы связи и торговые маршруты в Индию и Китай, а через Черное море поддерживалась связь с расположенными к северу от него районами.

Запад зависел от поставок Константинополем ремесленных товаров и предметов роскоши.

В империи не было деления по принадлежности к Азии, Африке или Европе. Даже при наличии разных цивилизаций у всех была единая, общая средиземноморская основа. Мы можем обнаружить одни и те же порядки, правила, манеры и привычки, одни и те же вероисповедания на различных частях средиземномор-

ского побережья, где ранее уже существовали такие известные цивилизации, как древнеегипетская, тирская и карфагенская.

Торговое судоходство в Средиземноморском бассейне было сконцентрировано в его восточной части¹.

Сирийцы, или те, кого таковыми считали, были ведущими мореплавателями и торговцами в Восточном Средиземноморье. Именно благодаря им такие товары, как папирус, специи, слоновая кость и изделия из нее, а также изысканные дорогие вина попадали даже в самые отдаленные места, например Британию. Из Египта везли дорогие тончайшие ткани. Сирийские землячества-колонии можно было встретить по всему Средиземноморью, а половину населения такого порта, как Марсель, составляли греки.

Кроме сирийцев во всех средиземноморских городах можно было встретить и евреев, которые также селились там небольшими общинами. Они были мореплавателями, торговыми посредниками, банкирами (ростовщиками и менялами), и их влияние в экономической жизни было в то время так же велико, как влияние Востока в искусстве и религии. Так, именно с Востока прибыли на Запад по морю аскеты; таким же путем пришли с Востока христианство и традиция носить митру — богато украшенный головной убор, надеваемый во время богослужения представителями высшего православного духовенства и некоторыми заслуженными священниками.

Невозможно представить себе Рим без Остии — базы римского флота и главной гавани города в устье Тибра. А расположенная в противоположной части Италии Равенна стала императорской резиденцией в качестве *заморской западной резиденции* — это свидетельствует о том, какими влиянием и уважением поль-

¹ Ряд исследователей подчеркивает, что преобладающее влияние Востока все более обнаруживалось начиная уже с III в. Это положило начало процессу разделения между Востоком и Западом, который был окончательно завершён в результате нашествий арабов-магометан.

зовался Константинополь и какой притягательной силой он являлся.

Благодаря Средиземноморью Римская империя обладала вполне реальной и ощутимой экономической целостностью. На всей ее обширной территории взимались пошлины и налоги, но не было никаких таможен. Также по всей территории имела активное хождение общая денежная единица — солид; эта введенная при императоре Константине золотая монета содержала 4,55 г чистого золота.

Известно, что со времени правления императора Диоклетиана в империи наблюдался общий экономический упадок. Однако похоже, в IV в. экономическая жизнь восстановилась и денежное обращение значительно активизировалось.

Длительное время для обеспечения безопасности границ империи было достаточно держать легионы на границе Сахары, на Евфрате, Дунае и Рейне. Однако «вода» за пределами этой «защитной дамбы» все прибывала и становилась более и более бурной. В III в., отчасти из-за внутренних волнений и конфликтов в империи, в этой «дамбе» появились сначала трещины, а потом и целые бреши. Со всех сторон в пределы империи буквально хлынули франки, алеманны и готы, которые разграбили Галлию, Рецию, Паннонию и Фракию и даже достигли пределов Испании.

Правители Иллирии отразили эти нападения, и граница была восстановлена. Но прежних укреплений и сил было уже недостаточно, чтобы обеспечить безопасность границы с германской стороны. Необходимы были серьезные дополнительные мероприятия по укреплению обороноспособности империи. Города, удаленные от границы, были дополнительно укреплены; главные центры империи, Рим и Константинополь, представляли собой теперь образцовые крепости.

Более уже не стоял вопрос о том, допустить или нет варваров в пределы империи. Население ее сокращалось; солдат превратился в наемника. Варвары были

необходимы и как наемники в римские легионы, и как сельскохозяйственная рабочая сила. Тем более что они сами добивались разрешения поступить на службу к Риму. Таким образом, пограничные районы империи теперь в основном были заселены германцами; но преобладание германской крови не привело к утрате римского влияния, поскольку все, кто вступил в пределы империи, довольно быстро романизовались¹.

Все германцы, переселившиеся в пределы Римской империи, как раз и хотели поступить на римскую службу, которая сулила блага и богатые возможности. Они относились к Риму с теми почтением и уважением, с которыми варвар относится к цивилизованным людям. Очень быстро они переняли язык и вероисповедание, распространенные в новом месте их проживания; они приняли христианство, отказавшись от своих прежних верований, стали посещать те же храмы, что и местное население; постепенно латынь и христианство стали для них родными, и они практически слились с общей массой населения империи.

Вскоре почти вся римская армия состояла уже из варваров, а многие из них, в том числе вандал Стилихон, гот Гайна и свев Рикимер, прославились на римской военной службе².

2. Вторжения варваров

Известно, что в течение V в. западные территории Римской империи были захвачены племенами варваров-германцев.

Это был уже не первый случай нападения германцев на римскую территорию. Подобная угроза существовала давно, и именно поэтому были воздвигнуты пограничные укрепления на Рейне и Дунае, где в то время про-

¹ Тем не менее согласно закону, принятому императорами Валентинианом и Валентом в 370 или 375 г., запрещались браки между римлянами и варварами; нарушение этого закона каралось смертной казнью.

² Даже во времена правления Феодосия I Великого франка Арбогаста называли «военачальником» и «образцом для солдат».

ходила граница Римской империи. До III в. этого было достаточно; однако после первой мощной атаки варваров стало ясно, что спокойные времена прошли и чувствовать себя за действующими пограничными укреплениями так же комфортно, как и прежде, больше не удастся. Пришлось признать, что следует перейти к долгосрочной обороне, а для этого реформировать армию: сократить ее численность, сделав при этом более боеспособной и мобильной. В конце концов практически вся римская армия вскоре состояла из наемников-варваров. Благодаря принятым мерам Римская империя смогла защищать себя еще в течение двухсот лет.

Почему же в итоге она все же потерпела неудачу?

Ведь у нее были крепости, против которых варвары были бессильны; действующие стратегические маршруты продвижения войск, военное искусство, имевшее многовековые традиции, совершенная дипломатия, которая знала, как разделить врагов империи и использовать противоречия между ними, а также как подкупить их, — и это было важнейшим фактором обеспечения обороны империи; к тому же враги империи, вторгавшиеся в ее пределы, не могли договориться между собой. Наконец, в распоряжении Римской империи было Средиземное море; ниже мы увидим, какие огромные и важные преимущества это ей давало вплоть до того момента, когда вандалы захватили Карфаген и укрепились там.

Я понимаю, конечно, что у римлян не было такого преимущества в вооружении по сравнению с варварами, какое имеют сегодня развитые страны по сравнению с отсталыми; однако римляне обладали внушительным превосходством благодаря тому, что у варваров не было тылового обеспечения и интендантской службы, как и настоящей воинской дисциплины. Конечно, варвары обладали численным превосходством, но они не знали, как снабдить всю эту «ораву» необходимой провизией. Подумайте только, ведь вестготы умирали от голода в Аквитании, хотя уже и обжились там; то же самое произошло с соплеменниками Алариха в Италии!

Несмотря на вышеупомянутые преимущества, против империи играл тот факт, что римлянам приходилось держать войска на границах своих владений в Африке и Азии, в то время как их враги бросили им вызов в Европе. Также ослабляли империю внутренние неурядицы и конфликты; многие появившиеся узурпаторы, без сомнения, заключали сделки с варварами; немалый вред наносили и придворные интриги, в частности, Руфиний выступил против Стилихона. При этом население империи было пассивно в плане борьбы против варваров и не проявляло никакого гражданского духа в противодействии им; фактически оно оказалось неспособным к какому-либо сопротивлению и хотя в душе презирало варваров, но в то же время было готово смириться с их владычеством. Таким образом, рассчитывать при обороне империи на моральный дух ее подданных не приходилось; это касалось как армии, так и тыла. К счастью для империи, моральный дух ее противников тоже оставлял желать лучшего. У германцев не было никаких причин враждебно относиться к Римской империи: ни расовых, ни религиозных, ни политических. У германцев не просто не было ненависти к империи; они еще и преклонялись перед ней и восхищались ею. Все, чего они хотели, — это осесть в империи и пользоваться ее достижениями. Не было и тени тех противоречий, которые имели место позднее между арабами-магометанами и христианами. Язычество варваров не вызывало у них ненависти к богам, в которых верили римляне; у них также не возникало враждебности по отношению к единобожию, которого придерживались христиане. Около середины IV в. гот Ульфил, принявший в Византии христианство в форме арианства и ставший первым избранным готским епископом, перевел Библию с греческого на готский, проповедовал и распространял новое вероисповедание среди своих соплеменников, живших вдоль Днепра, а те, в свою очередь, распространили его далее среди германцев, вандалов и бургундов. Готы, выражаясь словами Саяльвиана, были «еретиками по неведению»

(католическая церковь объявила арианство ересью), однако их христианская вера еще более сблизила их с римлянами.

С другой стороны, жившие в восточных районах германцы уже имели опыт контакта с цивилизацией и усвоения некоторых ее достижений. Поселившись на побережье Черного моря, они общались с жившими в Крыму греками и сарматами и через них ознакомились с восточной и греческой культурой. В частности, они овладели искусством производства тонко выполненных ювелирных изделий с ярким, оригинальным узором; позднее эти изделия пользовались популярностью по всей Европе, а стиль их изготовления стали называть *варварским* или *скифским*.

Германцы по морю доходили до Босфора, где 11 мая 330 г. стал столицей империи великий город Константинополь, построенный на месте греческой колонии Византий. Именно из Константинополя к германцам пришло христианство; и вряд ли стоит сомневаться в том, что донесший его до своих соплеменников Ульфила был далеко не единственным, на кого произвело столь сильное впечатление великолепие новой столицы империи. Они были обречены подпасть под очарование этого великого города, влияние которого, естественно, должно было распространиться далеко за пределы черноморского побережья, и это воздействие вполне ощутили на себе варяги некоторое время спустя.

Варвары не вдруг напали на Римскую империю. Они были вытеснены туда мощным нашествием гуннов; именно это нашествие и стало причиной ряда вторжений варваров в пределы империи. Впервые Европа ощутила, как через Сарматскую долину (как называли тогда Северное Причерноморье) до нее докатились отклики тех столкновений и конфликтов, которые происходили в столь, казалось бы, отдаленных районах Азии.

Итак, пришествие гуннов подтолкнуло готов к нападению на Римскую империю. Манера боевых действий гуннов, возможно, сам внешний облик этих ко-

чевников, наводивший ужас на оседлые племена и народы, делали их почти непобедимыми.

Разбитые гуннами остготы ушли в Паннонию, а вестготы перешли Дунай. Произошло это осенью 376 г. Римлянам пришлось пропустить их. Сколько их было? По мнению Л. Шмидта, готов было 40 тыс. человек, включая 8 тыс. воинов.

Границу перешел практически целый народ во главе со своими вождями. Римский император дал на это согласие при условии выполнения ими обязательств союзников, или федератов (от *лат.* «федере» — договор, союз): они должны были предоставлять солдат для римской армии.

Возникла совершенно новая ситуация, и это имело огромное значение. Остготы вошли на территорию империи как чужеземная, инородная этническая группа, сохранявшая свои законы, организацию, уклад жизни и известную обособленность внутри империи. Причем это была довольно сплоченная этническая группа, а не просто рыхлое и аморфное объединение разрозненных племен. Условия их пребывания на территории империи были выработаны в спешке: им не предоставили какой-то определенной территории для проживания, и, оказавшись в неплодородной, практически голой гористой местности, готы в 377 г. подняли восстание. Они добивались выхода к Средиземному морю и начали свое продвижение в этом направлении.

9 августа 378 г. готы разгромили римскую армию под Андрианоподем; возглавлявший ее император Валент был убит. Была разграблена практически вся Фракия, за исключением городов, которые варвары не смогли взять. Готы дошли до Константинополя, который оказал им сопротивление, как позднее арабам.

Однако германцы смогли утвердиться на побережье и без покорения Константинополя, взяв таким образом под контроль жизненно важный район, являвшийся центром империи. Но они были выбиты оттуда в 378 г. войсками полководца Феодосия, ставшего в следующем

году императором. Одержав победу над готами в 382 г., Феодосий вынудил их поселиться в провинции Мезия. Они по-прежнему оставались сплоченной этнической группой; постоянным местом жительства для них была определена Фракия, они сохранили свои законы, управлялись своими вождями, были свободны от налогов, но должны были поставлять империи войска в качестве федератов. В ходе войны власть вождей была заменена на королевскую, что объяснялось, безусловно, причинами военного характера; королем готов стал Аларих. Представляется вполне естественным, что он пожелал расширить занимаемую готами территорию и захватить манивший его Константинополь. Однако мы не должны видеть за этим намерением, как это делает Л. Шмидт, ссылаясь на авторитетное мнение Исидора Севильского (!), стремление Алариха создать национальное германское государство на Востоке. Хотя количество варваров, находившихся под руководством Алариха, значительно возросло благодаря большому количеству вновь прибывших из-за Дуная, считать готов германцами можно было в значительно меньшей степени, чем раньше, поскольку они были сильно «разбавлены» примкнувшими к ним рабами и многочисленными искателями приключений, не имевшими к германцам никакого отношения.

Римская империя не предприняла в отношении готов каких-либо мер предосторожности, если не считать закон, принятый Валентинианом и Валентом и запрещавший под страхом смерти браки между варварами и римлянами. Однако, препятствуя таким образом ассимиляции готов, этот закон в то же время, очевидно, сохранял их этническую обособленность и сплоченность, они остались этнически консолидированным и политически самостоятельным целым, а это давало готам ощущение своей силы и подталкивало их к новым авантюрам против Рима.

Увидев, что путь свободен, готы опустошили территорию Греции, разграбили Афины и Пелопоннес. Стихихон перебросил войска с восточного направления и

выбил готов в Эпир. Однако они продолжали оставаться в пределах империи, и император Аркадий разрешил им поселиться в Иллирии, по-прежнему в качестве федератов; а для того, чтобы сделать Алариха более подконтрольным и надежным союзником империи, ему была предоставлена должность *военного наместника Иллирии*. Таким образом, Константинополь был надежно защищен от готов, но теперь перед ними лежала не разграбленная пока еще Италия, и в 401 г. Аларих двинулся туда. Стилихон нанес готам поражение у Полленции, а затем у Вероны и в 402 г. отбросил их на прежние позиции. По мнению Л. Шмидта, Аларих вторгся в Италию, чтобы реализовать свои планы «завладеть миром». В таком случае следует признать, что 100 тыс. человек, находившихся под началом Алариха, по утверждению Шмидта, было достаточно, чтобы на месте Римской империи создать Германскую империю.

На самом деле Аларих был типичным кондотьером, то есть наемником, готовым ради выгоды на любое дело. О том, насколько он был лишен каких-либо моральных принципов и обязательств, говорит тот факт, что он по собственной инициативе продался Стилихону за 4 тыс. фунтов золота (1,3 т), чтобы совместно выступить против восточноримского императора Аркадия Флавия, на службе у которого он находился, заключив с ним уже упоминавшийся союзнический договор.

Алариху повезло. Заграждавший ему путь в Италию Стилихон был казнен в результате придворных интриг. Значительно пополнив ряды своей армии солдатами из войска Стилихона, Аларих в 408 г. вновь двинулся в Италию¹.

¹ Аларих, возможно, был бы и рад не предпринимать похода в глубь Италии и остаться там, где он находился. Но все дело в том, что он не мог этого сделать, поскольку для этого должен был получить официальное разрешение императора на поселение готов в Италии, а последний не собирался предоставлять им какой-либо итальянской территории для постоянного проживания. А с восточноримской стороны готам также было отказано в постоянном проживании во Фракии.

Аларих был хорошим примером того, как варвар превратился в поднаторевшего в политических интригах римского военачальника. В 409 г., после того как император Гонорий отказался сотрудничать с ним, Аларих организовал провозглашение императором сенатора Атталы Приска, после чего последний назначил Алариха на высший военный пост — *особым военачальником при императорском дворе*. Затем, надеясь примириться с Гонорием, Аларих предал своего собственного ставленника. Но у Гонория не было ни малейшего желания становиться вторым Атталом. Тогда Аларих в 410 г. неожиданно подошел к Риму и захватил его. Город был разграблен, а покидая его, Аларих увел с собой сестру императора Галлу Плацидию. Собирался ли он вернуться и напасть на Равенну? Совсем напротив. Аларих направился в Южную Италию, которая не была еще разграблена, намереваясь переправиться в Африку — главную житницу Рима и самую процветающую западную провинцию империи. А по дороге его армия занималась грабежами, чтобы обеспечить себя продовольствием. Алариху не суждено было добраться до Африки; в конце 410 г. он умер. Он был похоронен возле Казенции, на дне реки Бузенто; его похороны напоминали похороны героев древних эпосов.

Сменивший Алариха на престоле его шурин Атаульф повернул обратно на север. После нескольких месяцев пути, сопровождавшегося грабежами, готы достигли Галлии, где власть захватил узурпатор Иовин. Атаульф во что бы то ни стало хотел получить от римского императора какую-нибудь должность. После ссоры короля готов с Иовином, который был убит в 413 г., и отказа Гонория отвечать на его предложения о сотрудничестве Атаульф в 414 г. женился в Нарбонне на красавице Галле Плацидии, став, таким образом, зятем римского императора. Именно тогда он сделал свое знаменитое заявление об отношении к Римской империи, которое было записано ис-

панским священником и писателем начала V в. Орозием¹.

«Начать хочу с того, — сказал он, — что я страстно желал искоренить само слово «римский» и превратить Римскую империю в Готскую империю. *Романия*, как ее называют в народе, должна была бы стать *Готией*; Атаульф занял бы место римского императора. Однако многолетний опыт показал мне, что готы из-за своего варварства и неуправляемого, буйного характера не способны соблюдать законы. А без законов нет государства (*республики — где все делают общее дело на общее благо и где законы обязательны для всех*). Поэтому я решил приложить максимум усилий для возрождения славы Рима во всей ее полноте, чтобы сила готов укрепила и его силу. Я надеюсь остаться в памяти потомков как человек, восстановивший могущество Рима, а не как тот, кто его разрушил»².

Это заявление было своего рода жестом доброй воли по отношению к Гонорию. Но римский император остался к нему столь же безучастен, как и до этого. Он не хотел вступать в какие-либо договорные отношения с германцем, который, как он опасался, мог попытаться, используя свой главный опорный пункт в Нарбонне, распространить свое влияние на все Средиземноморье и добиться там господствующего положения.

¹ К. Зангмайстер и Л. Шмидт считают, что вестготам уже во время пребывания в Восточной империи якобы была присуща «национальная идея», которая нашла воплощение в «национальной правительственной программе Атаульфа», носившей антиримский характер. Е. Штайн, напротив, ничего не упоминает об этом и подчеркивает, что после женитьбы Атаульфа на Галле Плациии его политика по отношению к Риму носила дружественный характер.

² Л. Шмидт, безусловно, основывает свою точку зрения о «германизме» Атаульфа на приведенном выше заявлении. Однако, хотя тот и думал о том, чтобы заменить Римскую империю «Готской», он не собирался придавать этому государству германский характер; Атаульф всего лишь хотел, чтобы это была та же империя, но во главе которой стояли бы он и готы. Он отказался от этой идеи, когда понял, что готы не смогут жить по законам, то есть по римским законам. Тогда он решил поставить силы своего народа на службу Римской империи, что подтверждает отсутствие у него намерений уничтожить Романию.

Тогда Атаульф, видя, что император не нисходит до него своим вниманием, вновь провозгласил западно-римским императором Аттала Приска, чтобы произвести в империи изменения, которые позволили бы ему найти в ней свое место.

Однако неудачливому готу пришлось сняться с места и продолжить свой поход, поскольку его подданные голодали. Так как войска Гонория заблокировали побережье, Атаульф направился в Испанию, надеясь, вероятно, переправиться в Африку. Но в 415 г. его настигла смерть — он был убит человеком из своего же собственного окружения, который настойчиво советовал его брату Валии сохранять верность Риму.

Обнаружив, что голод преследует его соплеменников и в Испании, поскольку порты были заблокированы, Валия попытался переправиться в Африку, но сильнейший шторм помешал ему это сделать. Западная империя в то время находилась в отчаянном положении. В 406 г. продолжавшие свое нашествие гунны вынудили вандалов, аланов, свевов и бургундов перейти через Рейн. После столкновений с франками и алеманнами те двинулись через Галлию на юг и достигли побережья Средиземного моря и Испании. Для того чтобы противостоять им, римский император обратился к Валии. В силу сложившихся обстоятельств тот вынужден был согласиться помочь империи; получив за это от Рима 600 тыс. мер зерна, он повернул назад на север Испании, чтобы остановить поток варваров, которые, так же как и вестготы, хотели добраться до Африки.

В 418 г. римский император разрешил вестготам поселиться в провинции Аквитания II (Аквитания Секунда) в качестве федератов, предоставив таким образом Валии, как до этого Алариху, титул союзника Рима.

Готы получили теперь возможность постоянно жить на территории между реками Луарой и Гаронной рядом с побережьем Атлантического океана. Они оказались отрезанными от средиземноморского побережья, которое уже было для них окончательно потеряно, но по-

лучили наконец землю на территории империи для постоянного проживания, чего они всегда добивались¹.

К варварам теперь относились так же, как и к римским войскам: они получили тыловое обеспечение и снабжались фуражом и продовольствием².

С другой стороны, место для поселения готам выделили постоянное. Они не могли покинуть предоставленную им землю и жили в самой гуще римского населения. Король готов не имел власти над римлянами. Он был военачальником и повелителем своего народа, их королем. Но он был *королем готов*, а не *королем Аквитании*. Готы жили бок о бок с римлянами, и король должен был обеспечить их целостность и единство. Над королем готов стоял римский император, и для римского населения этот король германцев был всего лишь военачальником наемников, находившихся на службе империи, а предоставление готам места для постоянного проживания рассматривалось как проявление силы и мощи Рима.

В 417 г. Рутилий по-прежнему писал о вечном могуществе и процветании Рима³.

Обретение вестготами статуса федератов и союзников империи, а также предоставление им права на постоянное поселение в Аквитании не привело к их успокоению и умиротворению. Двадцать лет спустя, воспользовавшись тем, что Стилихон отозвал римские легионы из Галлии для защиты Италии, а король вандалов Гейзерих с успехом завоевывал римские территории в Африке,

¹ Сначала римские союзники были поселены в провинциях с неплодородными землями: вестготы — в Мезии, а затем в Аквитании II; бургунды — в Савойе, а остготы — в Паннонии. Нетрудно догадаться, что все они хотели поскорее покинуть эти провинции.

² Принцип «трети», согласно которому варвары получали две трети пашни (треть оставалась римлянам), половину лесов и лугов и треть рабов на землях, предоставленных им для проживания на территории империи, был распространен на готов лишь позднее. Что же касается снабжения их продовольствием, то об этом можно подробно узнать в работах Е. Штайна.

³ Ф. Лот, Фистер и Ганшоф отмечают, что после смерти Гонория, последовавшей в 423 г., Римская империя восстановила свою власть в Африке, Италии, Галлии и Испании.

вестготы напали на Нарбонн (437) и нанесли поражение римлянам под Тулузой (439). В результате готы добились нового договора с Римом, по которому они были уже не федератами, а практически получили от империи признание своей независимости.

Причина краха империи в Галлии состояла в том, что Гейзерих переправился в Африку и успешно завоевывал там римские провинции.

То, что не получилось у готов, удалось королю вандалов Гейзериху. В 427 г. он при помощи карфагенского флота пересек Гибралтар с 50-тысячным войском и высадился на африканском побережье. Для Римской империи это было решающим ударом. Как писал Сальвиан, была уничтожена основа могущества империи, ее душа. Когда в 439 г. Гейзерих захватил Карфаген — а это был оплот влияния в Западном Средиземноморье, — а вскоре после этого Сардинию, Корсику и Балеарские острова, позиции империи на западе были полностью подорваны. Римская империя потеряла Средиземноморье, которое до этого было важнейшим оружием ее обороны.

Снабжение Рима продовольствием оказалось под угрозой. Аналогичная ситуация сложилась и со снабжением армии; это стало главной причиной мятежа Одоакра. Море оказалось под контролем варваров. В 441 г. император направил экспедицию против вандалов, но она была безуспешной: варвары отразили ее, выставив против византийского флота карфагенские корабли. Императору Валентиниану пришлось признать в 442 г. контроль вандалов над богатейшими территориями Африки — Карфагеном, Бизаценой и Нумидией.

Но это перемирие было всего лишь временной передышкой.

Гейзериха считали гениальным человеком. Та выдающаяся роль, которую он сыграл в истории, объясняется, безусловно, теми позициями, которые ему удалось завоевать. Он добился успеха там, где потерпели неудачу Аларих и Валия. Он завладел самой процве-

тающей частью империи и находился теперь в краю изобилия. Захватив крупнейший и важнейший порт, каковым являлся Карфаген, он отныне мог спокойно и с большой выгодой предпринимать пиратские вылазки. Он мог угрожать как Западу, так и Востоку и чувствовал себя достаточно сильным, чтобы бросить вызов империи, а имперские должности и титулы его не интересовали — он хотел не служить империи, а диктовать ей свои условия.

Почему же империя была столь пассивна после заключения перемирия в 442 г.? Ответ прост: причиной тому было нашествие гуннов.

В 447 г. Атила, вторгнувшись в пределы империи с берегов Тисы, разграбил Мезию и Фракию, дойдя до Фермопил. Затем он повернул на запад, прошел через Галлию, весной 451 г. пересек Рейн и разграбил и разорил по пути следования всю территорию вплоть до Луары.

Римский полководец Аэций при поддержке германцев, франков, бургундов и вестготов, проявивших себя как надежные союзники, преградил гуннам путь. Решающая битва произошла на Каталаунских полях (при Мауриаке близ Труа). Военное искусство римлян и доблесть и отвага германцев образовали то непреодолимое препятствие, о которое разбилась волна гуннского нашествия. Король вестготов Теодорих I, пытавшийся выступить в роли спасителя империи, к чему ранее так стремился Атаульф, был убит. После смерти Атилы, последовавшей в 453 г., основанная на его завоеваниях гуннская держава рухнула. Ее основание оказалось шатким и ненадежным, а Западная Европа была таким образом спасена от вариации монгольского нашествия. Теперь империя занялась Гейзерихом. Он представлял для нее главную проблему с учетом той угрозы, которая от него исходила, и был, так сказать, первым на очереди.

В 455 г. Гейзерих воспользовался убийством императора Валентиниана III и расторг договор 442 г., что-

бы окончательно развязать себе руки. Он не признал нового императора Петрония Максима, тем более что последний выдал дочь Валентиниана III Евдокию, которая в 446 г. была обручена с сыном Гейзериха Хунерихом, за своего сына, и в июне 455 г. прибыл со своим флотом в гавань Порт в устье Тибра. В Риме началась паника, Петроний Максим погиб. После двухнедельного разграбления города Гейзерих с войсками ушел из Рима, уведя с собой вдову Валентиниана III Евдоксию и его дочерей Евдокию, которую он тут же выдал за своего сына Хунериха (ей удалось бежать в Иерусалим лишь в 472 г.), и Галлу Плацидию. Он также забрал с собой тысячи пленных римских ремесленников.

Аналогичным образом порвал отношения с империей и король вестготов Теодорих II (правивший с 453 по 466 г.); он поддержал назначение императором Авита, который в 439—446 гг. служил наместником в Галлии в должности префекта претория (высшая инстанция гражданского управления после императора) и уже тогда был близок ко двору короля вестготов Теодориха I. Получив приказание от Авита направиться в Испанию для борьбы со свевами, Теодорих II немедленно двинулся к средиземноморскому побережью. Авит потерпел поражение от главного военачальника Западной империи Рикимера и был взят им в плен; впоследствии он стал епископом. Но вестготы продолжали свой поход. В это же время бургунды, которые были побеждены Аэцием и в 443 г. отправлены на постоянное поселение в Савойю¹, в 457 г. захватили Лион.

С этой новой угрозой в лице бургундов пришлось разбираться только что взошедшему на императорский

¹ Их поселили в Савойе на основе уже упоминавшегося принципа «римской трети» — они получали две трети пашни на новом месте, половину лесов и лугов и треть рабов. Брюннер подчеркивает в своем исследовании, что к бургундам относились как к побежденному народу. Поскольку на аналогичных условиях поселяли на территории империи вестготов и остготов, можно предположить, что принцип «трети» был предложен самими римлянами.

трон Майориану. В 458 г. он вернул империи контроль над Лионом, а затем спешно выступил против Гейзериха. В 460 г. Майориан пересек Пиренеи, чтобы переправиться через Гибралтар в Африку, однако в 461 г. он был убит в Испании.

Сразу после его гибели бургунды вновь захватили Лион и заняли всю долину Роны вплоть до Прованса.

Теодорих II продолжал свои захваты. Он не сумел взять Арль, и благодаря защитникам города, отстоявшим его, был спасен Прованс. Но в 462 г. вестготы взяли Нарбонн. Сменивший его на троне Эйрих (правивший с 466 по 484 г.) напал в Испании на свевов, оттеснил их в Галисию и установил контроль над всем Пиренейским полуостровом. В это же время византийский флот во главе с Василиском в ряде сражений разбил вандальский флот и стоял у мыса Меркурия (Кейп-Бон) в 60 км от Карфагена. Гейзерих, договорившись с Василиском о перемирии, по окончании переговоров неожиданно напал на византийский флот: брандеры (корабли, нагруженные горючими и взрывчатыми веществами, применявшиеся во времена парусного флота для поджога неприятельских судов) уничтожили большую часть византийских кораблей, а оставшиеся отошли к Сицилии. Партия, таким образом, была проиграна; Гейзерих одержал очередную победу над империей.

Для успешного противостояния своим врагам империи во что бы то ни стало нужно было вернуть контроль над морем. В 468 г. восточноримский император Лев I провел подготовку невиданной по масштабам экспедиции в Африку; как считают, он потратил на это 9 млн солидов, снарядив 1100 кораблей.

А в Равенне император Западной Римской империи Анфимий оказался фактически заложником в руках главного военачальника Западной империи Рикимера и ничего не мог предпринять. Все, что он сумел сделать, — так это оттянуть путем переговоров (поскольку у него больше не было флота) захват Прованса, на ко-

торый нацелились вестготы Эйриха. Последний уже установил контроль над Испанией и Галлией, границу своих владений в которой он довел в 469 г. вплоть до Луары.

После отстранения от власти последнего западно-римского императора Ромула Августула вестготы в 476 г. захватили Прованс; с этого момента Западное Средиземноморье было потеряно для империи.

Рассмотрев все аспекты данного вопроса, можно лишь удивляться тому, как империя смогла продержаться столь долго, и одновременно восхищаться теми упорством и стойкостью, с которыми она преодолевала невзгоды судьбы. А император Майориан, отобравший у бургундов Лион и предпринявший поход в Испанию против Гейзериха, заслуживает восхищения и самых лестных оценок. Увы, в своей обороне Римская империя могла рассчитывать только на союзников, которые постоянно предавали ее, как это было с вестготами и бургундами, а также на войска наемников, хранивших верность империи, так сказать, лишь до первой неудачи. К тому же сказались трудности со снабжением армии вследствие захвата вандалами африканских провинций и островов на Средиземном море.

На Востоке империя была незащитна против угрозы нападения вдоль всей границы по Дунаю. Восточная Римская империя сумела выступить лишь против Гейзериха. Безусловно, если бы варвары хотели уничтожить империю, им для этого потребовалось бы всего лишь договориться между собой, после чего успех был им практически гарантирован¹. Но в том-то и дело, что они не хотели ее уничтожать.

Императоры, восходившие на трон Западной Римской империи после гибели в 461 г. Майориана, представляли собой жалкое зрелище; они были полностью под властью военачальников-варваров, возглавлявших

¹ Коль скоро этого не произошло, следует признать неточным утверждение Л. Гальфена о «методических» усилиях варваров в этом направлении.

войска из своих соплеменников. До своей смерти в 472 г. высшим военачальником Западной империи был свев Рикимер, затем его сменил бургунд Гундобад. Когда Гундобад покинул Равенну, чтобы завладеть престолом в Бургундском королевстве, главным военачальником стал Орест, по происхождению гунн. Он отстранил от власти императора Юлия Непота, присланного из Византии, и возвел на престол своего собственного сына Ромула Августа.

Но когда Орест отказался раздать землю солдатам¹, они убили его, а их командир Одоакр² был провозглашен войсками королем. Против него выступил только сын Ореста Ромул Августул; Одоакр сослал его в том же году в Лукулланский замок в Мессине (провинция Кампания).

Император Восточной империи Зенон пошел даже на то, что присвоил Одоакру статус патриция. Фактически от этого ничего не изменилось: Одоакр продолжал занимать пост на императорской службе, как и раньше.

В 488 г., стремясь удалить остготов из Паннонии, где они представляли угрозу для империи³, Зенон направил их на завоевание Италии, предоставив их королю Теодориху статус патриция и натравив, таким образом, одних германцев на других. В 489 г. произошло сражение у Вероны, в 490 г. — у Адды, и, наконец, в 493 г. Одоакр был взят в плен и казнен в Равенне. Теодорих был уполномочен Зеноном управлять Италией,

¹ Продовольствия из императорских хранилищ было недостаточно для снабжения армии. Этот факт еще раз подчеркивает, сколь важную роль играло Средиземное море. Солдаты хотели получить землю для поселения, оставаясь при этом на военной службе империи.

² 23 августа 478 г. Одоакр был главой многонационального войска, а не состоявшего из представителей лишь какого-то одного народа или племени. Он стал королем, но не национальным. Он просто пришел к власти «на штыках» (или, точнее, на копьях) своих солдат. Одоакр отослал императорские знаки отличия в Константинополь; он не оставил их себе, так как не претендовал на этот титул, поскольку стал правителем просто по факту.

³ Хотя их поселили здесь в качестве федератов после смерти Атилы, в 487 г. они угрожали Константинополю.

оставаясь при этом королем своего народа, который получил право поселиться в Италии на условиях «римской трети». После этого на Западе не было своей императорской власти (за исключением короткого периода в VI в.) до правления Карла Великого. Вся западная часть империи теперь представляла собой мозаику из варварских королевств: остготского в Италии, вандальского в Африке, свевского в Галисии, вестготского в Испании и к югу от Луары и бургундского в долине Роны. Небольшая часть Северной Галлии, находившаяся под контролем последнего галльского наместника империи Сиагрия, была завоевана Хлодвигом в 486 г. Хлодвиг покорил алеманнов, живших в долине Рейна, и вынудил вестготов уйти из Южной Галлии в Испанию. Наконец, англосаксы установили контроль над Британией. Таким образом, к началу VI в. на территории, составлявшей западную часть Римской империи, не осталось ни пяди земли, непосредственно подчиненной императору, где управлял бы назначенный им человек. На первый взгляд казалось, что это катастрофа, причем настолько серьезная, что впору было считать отстранение от власти Ромула Августула началом второго акта мировой драмы (первым по важности было само создание Римской империи). Но по здравом размышлении становится ясно, что это событие было не таким уж и важным.

Император по-прежнему обладал законной властью. Он не утратил ее ни на йоту. Союзники империи как были «якобы союзниками», так таковыми и остались — полагаться на них всерьез не приходилось, как и раньше. А те, кто вновь пришел к власти, не подвергали сомнению приоритет императорской власти.

Власть императора не признавали только англосаксы. Для остальных он был по-прежнему полноправным верховным правителем. Теодорих правил от его имени. Бургундский король Сигизмунд писал императору в 516—518 гг.: «Всегда преданный Вам вместе с моим народом». Хлодвиг был очень горд тем, что получил от

императора титул консула. Никто не осмелился присвоить себе титул императора¹, до Карла Великого на Западе не было своего императора. Константинополь по-прежнему оставался столицей всего этого конгломерата варварских государств, и именно к Константинополю обращались короли вестготов, остготов и вандалов, как к арбитру, который мог разрешить возникшие между ними споры и разногласия. Формально империя продолжала существовать.

3. Германцы в Романии

На самом деле Римская империя мало что потеряла: только полоску земли на севере Галлии, а также Британию, где над романизированным местным населением более или менее начали довлеть англосаксы; многие же британские римляне переселились на континент, в частности на полуостров Бретань. Чтобы понять, какая территория была утрачена на севере², надо сравнить старую линию римских пограничных укреплений по Рейну и Дунаю с нынешней границей между германской и латинской группами языков. Здесь «германские позиции» улучшились за счет империи.

Кельн, Майнц, Трир, Рат и Вена сегодня являются городами с германоязычным населением; *пограничные районы* распространения этой языковой группы можно обнаружить на фламандской земле. Конечно же романизированное местное население не вдруг покинуло места своего проживания. И если в таких городах, как Тонгерен, Турне и Аррас, римского населения практи-

¹ Даже Одоакр не осмелился этого сделать, что подтверждает правильность утверждений Шмидта о том, что Аларих и Валия хотели заменить Римскую империю на Германскую империю. Все влиятельные германцы — Рикимер и др. — назначали императорами именно римлян, хотя те и были их ставленниками и порой марионетками. Одоакр был первым, кто отказался от этой практики и признал власть императора в Константинополе.

² По мнению Ф. Лота, речь идет о седьмой части территории Галлии; при этом надо отметить, что в составе утраченной территории не было районов, представлявших какую-либо серьезную ценность и значение.

чески не осталось, то в Кельне и Трире проживало немало христиан — а значит, римлян. Однако те люди, которые остались на насиженных местах, постепенно германизировались. Свод германских законов — Салическая правда — распространялся и на тех *римлян*, которые не покинули родных мест, а из Жития св. Северина мы узнаем о государстве в Норике, носившем «промежуточный» характер между римским и германским. Мы также знаем, что существовал ряд тесно связанных римских общин, которые в течение довольно длительного времени проживали в горных районах Тироля и в Баварии¹.

На этих территориях позднее произошла колонизация и замена одного населения другим; фактически осуществилась германизация. То, что произошло *массовое* оседание западной части германских племен на границе территории своего проживания, явно контрастировало с действиями большей части германцев, которые в ходе миграции достигали гораздо более отдаленных территорий: пришедшие из районов, прилегающих к Днепру, готы осели в Италии и Испании, бургунды совершили путешествие от Эльбы к Рейну, а вандалы — с берегов Тисы в Африку. Германцы же ограничились прибрежными районами вдоль речной границы империи; как раз там, где им и разрешил проживать римский император. Лежит ли объяснение этого в национальных корнях и особенностях? Я так не думаю. Ведь те же относящиеся к германцам франки дошли в III в. до Пиренейских гор на границе Галлии и Испании, а саксы, также являющиеся германцами, вторглись в Англию.

По-моему, все объясняется географией. Оседая на границах империи, германцы не могли представлять угрозы для самых жизненно важных ее районов — Константинополя, Равенны и африканских провинций. Поэтому для римлян было разумно разрешить им по-

¹ В исследованиях Ф. Лота приводятся данные об обнаруженных следах проживания римлян в Эльзасе, Швейцарии и Баварии.

стоянное проживание на данной территории — а ведь именно в этом получала отказ восточная часть германских племен, пока вестготам наконец не позволили поселиться в Аквитании. Для того чтобы удержать германцев в определенных границах проживания, император Юлиан предпринял несколько походов против франков и алеманнов; римское население отступало перед варварами, освобождая им территорию для поселений, причем они селились не как наемные войска в соответствии с принципом «трети», а просто постепенно колонизировали захваченную ими территорию и прочно на ней обживались. Этим и объясняется тот факт, что, когда в 406 г. из этого района ушли римские войска, всего нескольких небольших укрепленных пунктов и *крепостиц* вдоль римской границы по линиям Бавэ—Куртре—Булонь и Бавэ—Тонгерен оказалось достаточно для того, чтобы германцы оставались в пределах занимаемой ими территории. Они продвигались на юг очень медленно; Турне был занят ими лишь в 446 г. Они не представляли собой армию захватчиков; это был переселяющийся народ, ищущий максимально удобную и плодородную землю для постоянного проживания. Они не смешивались с галло-римским населением, которое постепенно уступало им свою территорию, и этим объясняется, почему германцам удалось сохранить свои древние, воспетые в эпосах традиции и то, что принято называть «германским духом». Они привнесли с собой на вновь занимаемую территорию свой язык и религию, а также дали ряду мест новые географические названия. Германские имена и названия, оканчивающиеся на *-ze(e)le* и *-inghem* произошли от имен и названий первых германских колонистов.

От полностью германизированной территории германцы постепенно продвигались на юг; здесь со временем возникла зона смешанного населения, охватившая Валлонскую Бельгию, Северную Францию и Лотарингию. На этой территории названия многих мест говорят о том, что здесь жили германцы, которые позднее рома-

низировались¹. Двигаясь таким образом на юг, германцы достигли берегов Сены².

Но в целом следует отметить, что *массовая* германизация имела место лишь там, где удалось сохранить германский язык. Романия потеряла свое культурное влияние лишь на территориях, относящихся к последним захватам Римской империи и являвшихся защитными бастионами, прикрывающими путь к Средиземноморью. Речь идет о провинциях Германия I и II, Белгика I и II, Реция, Норик и Паннония.

А на остальных территориях культурная целостность Романии сохранилась, да иначе и быть не могло. Римская империя осталась страной римлян, как и Североамериканские Соединенные Штаты — страной англосаксов, несмотря на наплыв эмигрантов самых разных национальностей.

На самом деле осевшие на территории империи варвары составляли лишь незначительную часть от всего римского населения. С научной достоверностью приводить точные цифры не представляется возможным, поскольку нет подтверждающих источников. Каково было население Римской империи?³ 70 млн? Я не думаю, что мы можем согласиться с подсчетами К. Юлиана, утверждающего, что на территории Галлии проживало от 20 до 40 млн человек⁴.

Делать точные утверждения в этом вопросе невозможно. Одно можно сказать с определенностью: германцы растворились в массе римского населения.

По мнению Дана, готов, которым император Валент позволил вступить в пределы Римской империи, было

¹ Как отмечают М. Блох и Ж. Ванеру, эти названия оканчиваются на *-baix*, *-stain* (*-stein*) и т. д. В Турени, по данным Г. Курта, никаких франкских названий не обнаружено.

² Как отмечает Гамильшер, «земля между Сеной и Луарой являлась территорией распространения франкской культуры; здесь еще не было преобладания какой-либо другой культуры».

³ Согласно Е. Штайну, к концу III в. население Римской империи составляло 50 млн человек.

⁴ К. Юлиан считает, что к концу II в. в Галлии проживало 40 млн человек, а в IV в. эта цифра сократилась вдвое.

миллион человек. Л. Шмидт, ссылаясь на Утропия и на данные битвы при Андрианополе, говорит о 40 тыс. готов, включая 8 тыс. воинов. Их количество действительно могло быть значительно пополнено за счет прикнувших к ним германцев, рабов, наемников и т. д. Как считает Шмидт, когда Валия в 416 г. вступил в Испанию, под его началом было 100 тыс. вестготов.

По мнению Готье, общее количество вандалов и аланов, включая всех мужчин, женщин, детей и рабов, пересекших Гибралтар и вступивших на африканское побережье, должно было составлять 80 тыс. человек. Эту же цифру дает Виктор из Вита. Готье считает, что данную цифру можно считать точной, поскольку нетрудно было посчитать общую вместимость кораблей, пересекших Гибралтарский пролив. Он также высказывает вполне достоверные предположения¹ о том, что численность населения римских провинций Африки была такой же, как и численность населения этих территорий сегодня, — 7—8 млн человек; а это означает, что местного населения было в 10 раз больше, чем вторгшихся орд вандалов.

Вряд ли у нас есть основания утверждать, что вестготов в их королевствах, простиравшихся от Луары до Гибралтара (Тулузском и Толедском), было намного больше, чем вандалов; поэтому следует признать, что цифра 100 тыс. человек, приведенная Л. Шмидтом, может быть принята как весьма вероятная.

Что касается бургундов², то их, похоже, было не больше 25 тыс., включая 5 тыс. воинов.

¹ Е. Штайн с ними соглашается.

² Согласно Л. Шмидту, бургунды в 406 г. были поселены в провинции Германия I; по этому вопросу велась полемика между М. Грегваром и М. Ганшофом. Племенной король бургундов Гундахар попытался вторгнуться в провинцию Белгика, но в 435—436 гг. был разгромлен римским полководцем Аэцием, который в 443 г. разместил бургундов в качестве римских федератов в области Сабаудия (занимавшей часть территорий Западной Швейцарии и Юго-Восточной Франции к северу от Лиона). Приводимые Фистером и Ганшофом данные о том, что бургундов было 263 700 человек, не имеют под собой никаких оснований.

Согласно Дорену, все население Италии в V в. насчитывало 5—6 млн человек. Однако никаких достоверных данных на этот счет у нас нет. Что же касается численности остготов, то, по оценкам Л. Шмидта, их было 100 тыс., включая 20 тыс. воинов¹.

Все это, конечно, лишь предположения. Безусловно, было бы слишком смелым считать, что в западных провинциях империи за пределами линии пограничных укреплений германцы составляли 5% от всего населения.

Для того чтобы меньшинство могло задать направление развития целому народу, на территории которого оно находится, это меньшинство должно очень сильно стремиться к господству, должно относиться к местному населению с презрением и пренебрежением, считая его лишь инструментом для достижения своих целей, простым объектом эксплуатации. Именно такое отношение демонстрировали норманны в Англии, арабы-магометане везде, куда они вторгались, и даже сами римляне на всех завоеванных ими территориях. Но германцы не хотели ни уничтожить Римскую империю, ни эксплуатировать ее население. У германцев не было презрения к Риму и римлянам; наоборот, они восхищались ими. Германцы не имели над римлянами морального и культурного превосходства. Героический период в истории германцев завершился с их расселением на территории империи. Сохранившиеся памятники героического эпоса, например сказание о нибелунгах, были написаны значительно позднее и уже в самой Германии. В результате практически во всех случаях торжествующие завоеватели предоставляли жителям захваченных провинций тот же юридический статус, какой имели сами. Все дело в том, что германцам практически во всем было чему поучиться у римлян. Как в таком случае они могли не подпасть под римское влияние?

¹ По мнению Л. Гартмана, разделяющего точку зрения Дана, Теодориха сопровождали несколько сотен тысяч остготов.

Германцы даже не селились обособленными группами. За исключением вандалов, германцы селились среди римского населения в соответствии с принципом «гостеприимства» — то есть уже упоминавшейся «римской трети». А наделение германцев частью ранее принадлежавшей римлянам земли требовало перенимания и использования приемов и методик ведения сельского хозяйства, которыми владели римляне.

А как насчет смешанных браков и отношений германцев с римлянками? Действительно, до правления вестготского короля Рекареда в VI в. германо-римские браки были запрещены. Но это было юридическим, а не фактическим препятствием. Гражданские браки между германцами и римлянками встречались достаточно часто, а ребенок, как мы знаем, говорит на языке матери¹.

Очевидно, что эти германцы стали романизоваться поразительно быстро. Некоторые исследователи утверждают, что вестготы сохранили свой язык; однако они так считают лишь потому, что им хочется в это верить. Никаких подтверждений этому ими не приводится, и таковые вообще никому не известны. Что же касается остготов, то действительно мы знаем из работ Прокопия Кесарийского, что некоторые воины из армии Тотилы говорили на готском языке, но это были буквально единицы — никак не связанные друг с другом выходцы из северных районов.

Готский язык мог сохраниться лишь в том случае, если бы готы обладали культурой, сравнимой с англосаксонской. Но они такой культурой не обладали. У Ульфилы не было преемника. Не сохранилось ни одного текста или документа на германском языке. Если церковные службы и велись на германском языке, то никаких следов этого не сохранилось. Франки до начала правления Меровингов были, вероятно, единственными, кто составлял проекты законов, вошедшие

¹ Об исчезновении готского языка в среде вестготов пишет Л. Шмидт, а также Гамильшер.

в Салическую правду, на народной (то есть просторечной) латыни с вкраплением франкских слов и выражений. Некоторые сборники законов и их толкований, написанные таким языком, дошли до нас. Но Эйрих, являющийся автором первого свода германских законов, все свои тексты, которыми мы сегодня располагаем, писал на латыни, и все последующие германские короли следовали его примеру.

Что касается традиционного национального декоративного искусства, то никаких его следов у готов после принятия ими католичества в 589 г. не обнаружено. По мнению Г. Цейса, изучавшего этот вопрос, оно существовало только среди простого народа.

Какое-то время установлению более тесных контактов между германцами и римлянами препятствовала приверженность германцев арианству (римляне исповедовали христианство в форме католицизма). Однако не следует преувеличивать значение этого фактора. Единственными правителями варваров, официально провозгласившими арианство, были короли вандалов, да и те пошли на это по причинам военного характера. Король бургундов Гундобад, как считают, был католиком; в 516 г. официально принял католичество его сын Сигизмунд. Однако арианство все еще было распространено, в том числе среди бургундов, в 524 г. Начало франкских завоеваний стало временем торжества католичества. Но следует отметить, что арианство никогда не пользовалось особым влиянием, в том числе и среди бургундов. Вандалы отказались от арианства, когда их подчинил император Юстиниан в 533 г.; а у вестготов оно было упразднено их королем Рекаредом, правившим с 586 по 601 г.¹

По мнению Дана, готский язык, вероятно, исчез именно при Рекареде, когда было принято католичество; а если он и сохранился, то только среди бедных слоев населения.

¹ Рекаред принял католичество в 589 г.

Поэтому трудно определить, каким образом германский элемент мог утвердиться на завоеванной территории, а тем более стать преобладающим. Чтобы это произошло, требовался постоянный приток «свежей германской крови» из исконных германских земель. Но ни вандалы, ни вестготы не сохранили связей и контактов с землями, откуда они пришли, и «нового пополнения» из Германии (как мы называем территорию их предыдущего проживания) не получили. Возможно, какой-то контакт с германцами поддерживали остготы — через перевалы Альп. А что касается завоеванной франками Галлии, то после этих завоеваний никаких вновь прибывших германцев на этой территории больше не было, о чем наглядно свидетельствуют работы Григория Турского.

Есть и другой неопровержимый аргумент. Если бы готский язык сохранился, то хоть какие-то его следы были бы обнаружены в группе латинских языков. Однако, за исключением отдельных заимствованных слов, мы не видим ничего подобного. Ни в устной, ни в письменной речи никакого германского влияния на эти языки не обнаружено¹.

То же самое можно сказать и о типе внешности. Где вы встретите в Африке кого-нибудь, напоминающего внешностью вандалов², или в Италии — вестготов? Действительно, в Африке есть светловолосые люди, но, как справедливо отмечает Готье, они встречались там и до нашествия варваров. Можно, конечно, сказать — и это будет чистой правдой, — что германское обычное право (представлявшее собой совокупность неписаных правил поведения, санкционированных властью; часть

¹ Некоторые заимствованные слова встречаются лишь во французском языке, что говорит о контакте местного населения с германцами в IV в. Однако ничего подобного не обнаружено ни в Аквитании, ни в Испании (где находились вестготы), ни в Африке (где обосновались вандалы), ни в Италии (где находились остготы). Во французском же языке имеется, как считают, не более 300 германских слов.

² В Испании вы также нигде не встретите людей с германским типом внешности.

этих древних обычаев позднее вошли в писаное право) сохранилось и что для германцев действовали германские законы (те обычаи, которые стали выполнять функции правовой нормы), а для римлян — римские. Но уже во времена Эйриха германские законы несли на себе очевидную печать влияния римского права, а после Эйриха это влияние стало еще более явным и несомненным.

У остготов не было своих собственных законов; они жили по римскому праву и подчинялись римским законам, действовавшим на территории Римской империи. Но войны были подсудны только военным трибуналам, которые действовали исключительно на основании готских обычаев и традиций. Очень важно помнить об этом. Германцы были воинами и исповедовали арианство; поэтому, очевидно, германские короли поддерживали арианство, чтобы германцы оставались воинами и ими, соответственно, было легче управлять и держать их в подчинении.

У бургундов и вандалов преобладание римских законов над германскими ощущалось столь же явственно, как и у вестготов¹.

В этой связи позволительно спросить: а как можно рассчитывать на сохранение чисто германского характера законов, если германский *род*, основанный на кровном родстве, являвшийся прежде важнейшей ячейкой всей юридической системы, к этому времени исчез?

Существовала насущная необходимость в законах, регулирующих вопросы личной собственности, подобно законам, касающимся *брака*. Германские законы сохранились лишь на территориях, колонизованных

¹ Х. Брюннер подчеркивает, что, хотя между постоянным поселением бургундов в Галлии и выходом первоначального варианта Бургундской правды (свода законов, составленного во время правления Гундобада) прошло ни много ни мало 50 лет, этот свод законов несет на себе «явный отпечаток и безусловное влияние римской культуры», причем в нем отсутствует то «живое германское своеобразие», которое позднее обнаружилось в своде законов у лангобардов.

англосаксами, салическими (приморскими, от *кельт. sal* — море) и рипуарскими (береговыми, от *лат. gīra* — берег) франками, алеманнами и баварами¹.

Мнение о том, что после правления Хлодвиг Галлия жила по законам Салической правды, является весьма ошибочным. За пределами Бельгии не было тех, кто жил по этим законам, за исключением нескольких крупных, влиятельных землевладельцев из окружения короля. У Григория Турского абсолютно ничего не говорится ни о законах Салической правды, ни о процедуре их применения. Мы неизбежно приходим к заключению, что эти законы действовали лишь на самом севере Галлии.

К югу от Сены мы нигде не встречаем ни германской системы управления, ни характерных для нее должностных лиц. Более того, такой сборник законов и их толкований, как Мальбергская глосса, ясно демонстрирует, что вся процедура их применения ведется на германском языке. А кто из административных должностных лиц мог понять германский, если практически все они были римлянами? Все, что в этих законах говорится о землепользовании и ведении домашнего хозяйства, применимо только к северным районам Галлии, колонизованным германцами. Только ослепленный предвзятым мнением может утверждать, что такие совершенно изжившие себя и являющиеся наследием нецивилизованного прошлого законы, как те, что содержатся в Салической правде, могли применяться на территориях, расположенных к югу от Луары.

Можем ли мы сказать, что германцы привнесли с собой мораль и взгляды молодого народа, основанные на том, что личная верность друг другу стоит выше подчинения государству? Это вполне допустимая и в

¹ Похоже, Ф. Лот делает совершенно ошибочные оценки относительно состава населения Галлии в эпоху правления Меровингов. Более того, он противоречит сам себе, когда пишет: «Хотя с этнической точки зрения в (современной) Франции присутствуют германские элементы, они появились еще до завоевания Галлии Хлодвигом».

чем-то даже удобная точка зрения. В то же время следует подчеркнуть, что некоторые немецкие историки восприняли ее весьма преувеличенно и превратили в догму. Они охотно и много цитируют Сальвиана, указывавшего на контраст между моральным разложением римлян и добродетелями варваров. Но эти добродетели быстро исчезли после того, как германцы поселились среди римлян. «Мир стареет», — читаем мы в хронике событий начала VII в., составленной Псевдо-Фредегаром (имя одного или нескольких авторов анонимной франкской хроники, составленной в середине VII в.; а описание событий 584—642 гг. — единственный для этого периода литературный источник по истории Бургундии, Австразии и других районов Франкского королевства). Читая Григория Турского, буквально на каждой странице встречаешь факты полного морального разложения германцев; весь их уклад жизни снизу доверху был пропитан пьянством, буйством и дебоширством, алчностью и жадностью, супружеской неверностью и развратом, отвратительной жестокостью, изменой и вероломством. На суд германских королей выносилось столько же преступлений, сколько и на императорский суд в Равенне. Как отмечает Гартман, все разговоры о «германской верности и преданности» представляют собой досужие вымыслы и небывлицы, хотя и используются в качестве удобной сказки. Теодорих приказал убить Одоакра после того, как клятвенно обещал сохранить ему жизнь. Гонтран умолял своих соплеменников не убивать его. А все короли вестготов, за редким исключением, приняли смерть от ножа наемного убийцы.

У бургундов в 500 г. Годегизель предал своего брата Гундобада, чем воспользовался Хлодвиг. Сын Хлодвиг-а Хлодомер приказал бросить в колодец своего пленника, короля бургундов Сигизмунда. Король вестготов Теодорих I предал римлян. А как отнесся Гейзерих к дочери вестготского короля, являвшейся его невесткой?

Суд при правлении Меровингов представлял собой настоящий притон; Фредегонд был наводящим на всех страх хамом и грубияном. Теодагат приказал убить собственную жену. Мужчины бездельничали и прозябали в праздности в ожидании новых военных походов, и совершенно невиданное падение нравов было повсеместным. Упомянутая история с Гундобадом является весьма характерной и типичной для нравов того времени. Мужчины были постоянно пьяны — это было их нормальным состоянием. Женщины подбивали любовников убивать мужей. Все продавалось за золото, причем «национальных преград» здесь не было: римляне по этой части были ничуть не лучше германцев. Продажность и мздоимство были распространены и среди духовенства, причем даже монахов, хотя именно в этой среде должны были бы сохраняться моральные устои. Что же касается простого народа, то он не отличался набожностью — практически все были грубыми язычниками. Отчасти, правда, сократились городские пороки, кое-где исчезли куртизанки, хотя и не везде. Их по-прежнему можно было встретить у вестготов, а особенно в королевстве вандалов в Африке, хотя именно вандалы сохранили больше германских черт, чем любые другие германские племена, находившиеся в южной части Римской империи. Они были изнеженными, жили в роскошных виллах и почти все время проводили в бассейнах и купальнях.

Можно сделать вывод, что после поселения на территории Римской империи все героические и яркие черты германцев, составлявшие их национальное своеобразие, исчезли под влиянием римской действительности. Вся жизненная свежесть германцев была «высосана» почвой Романии и «ушла в песок». А как могло быть иначе, если сами вожди германцев подавали подобный пример? Сначала, конечно, они не были полностью романизированы; Эйрих и Гейзерих лишь немного знали латынь. Но что мы видим на примере самого выдающегося короля германцев Теодориха? По

ту сторону Альп (с германской стороны) его называли Дитрихом Бернским, но в душе он был поклонником Византии, и ее влияние было преобладающим в нем.

Когда Теодориху было 7 лет, отец направил его в качестве заложника в Константинополь, где он рос и воспитывался до 18 лет. Император Зенон назначил его высшим военачальником и присвоил ему статус патриция, а в 474 г. пошел даже на то, что усыновил его. Теодорих женился на дочери императора¹.

В 484 г. римский император назначил его консулом. Затем, по окончании кампании в Малой Азии, в честь Теодориха в Константинополе была воздвигнута статуя. Его сестра была фрейлиной у императрицы.

В 536 г. зять Теодориха Эвермод «вовремя» сдался римскому полководцу Велизарии, предпочтя быть патрицием в Константинополе, нежели воевать против римлян за общее дело вместе со своими соплеменниками. Его дочь Амаласунта полностью романизовалась. А его зять Теодагат с гордостью говорил о том, что является последователем знаменитого греческого философа Платона.

И даже если взять бургундов, то каким ярким типом национального правителя является их король Гундобад (правивший с 480 по 516 г.), который в 472 г., после смерти Рикимера, занял его место в ранге патриция при римском императоре Олибрии, после смерти последнего возвел на императорский престол Глицерия, а в 480 г. сам сменил своего брата Хильпериха в качестве короля бургундов!

Как отмечает Л. Шмидт, Гундобад был высококультурным человеком, обладал красноречием и большими знаниями, интересовался вопросами теологии и был в постоянном контакте со св. Авитом.

То же можно сказать и о королях вандалов, как, впрочем, и вестготов. Сидоний Аполлинарий очень высоко оценивает уровень культуры Теодориха II. Сре-

¹ Об этом он писал королю тюрингов, к которому направил свою племянницу.

ди его приближенных он упоминает помощника Теодориха Льва, который был историком, юристом и поэтом, а также Лампридия, преподавателя риторики и поэта. Именно Теодорих II сделал римским императором Авиты в 455 г. Упомянутые короли совершенно порвали с древними традициями своих народов; восстанавливать их пришлось уже Карлу Великому.

У франков известным придворным поэтом был Хильперих.

Со временем процесс романизации германцев становился все более интенсивным. Как отмечает Готье, после смерти Гейзериха вандалские короли вернулись «на орбиту» Римской империи. Успешно шла романизация и среди вестготов; к концу VI в. арианство среди них исчезло почти повсеместно.

Опять же следует отметить, что характерные национальные черты германцев сохранились лишь на севере империи, как и их приверженность язычеству, которое просуществовало до VII в. Когда войска франков вступили в Италию, чтобы помочь остготам, франки демонстрировали откровенное презрение к последним, и те, видимо, пожалели, что заключили союз с франками, а не с Византией.

Подводя итог вышесказанному, можно отметить, что Романия, несмотря на некоторые территориальные потери на севере, сохранилась как единое целое¹.

Конечно, многое внутри империи изменилось к худшему. Регресс и упадок наблюдались в каждой области жизни, в искусстве, литературе и науке. «Виден упадок... во всей деятельности свободных людей, во всей культуре с самых ее азов», — справедливо замечает Григорий Турский. Романия сохранилась и продолжала существовать «по инерции». Заменить ее было нечем, да никто и не предлагал подобной замены. Ни церковь,

¹ От германцев не было заимствовано ничего, кроме некоторых имен; но это не имело никакого отношения к культурному влиянию и национальным особенностям, а было просто сделано, чтобы похвалить германцам.

ни миряне не считали, что возможна какая-то другая форма цивилизации. Среди общего упадка и деградации только церковь сумела остаться оплотом морали и духовной силы, а для церкви империя продолжала существовать. Григорий Великий (бывший с 579 по 585 г. папским наместником при византийском дворе, а с 590 г. — папой) писал византийскому императору, что тот управляет свободными людьми, а варвары — рабами. Церковь могла, конечно, в чем-то не соглашаться с императорами Византии, но в целом она оставалась им верна. Разве не Отцы Церкви говорили императорам, что Римская империя существует по воле Божьей и что ее существование необходимо для сохранения христианства? Разве церковь не выстроила свою организационно-иерархическую структуру по подобию римской? Разве она не использовала для служб, писаний и проповедей латынь — язык империи? Разве она не осталась хранителем законов и культуры империи? И разве все высшие посты в церковной иерархии не заняли представители древних сенаторских семей?

4. Германские государства на территории Западной Римской империи

То, что германские родовые и племенные институты не могли сохраниться на почве Римской империи, когда германцы поселились среди римского населения, является очевидным фактом¹.

Родовые традиции и институты могли сохраниться лишь в небольших королевствах, населенных преимущественно германцами, как это было у англосаксов.

Конечно же германские короли, ставшие во главе королевств, которые образовались на территории империи, воспринимались своими соплеменниками как национальные правители, *цари своих соплеменников*, как

¹ Нет никаких оснований говорить о какой-то особой политике германских королей на занятых территориях на основе традиционных германских родовых институтов и их настороженного и «консервативного» отношения к институтам Римской империи.

называл их Григорий Великий. Себя они именовали, в зависимости от национальной принадлежности и того, кем правили, *повелителями готов, вандалов, бургундов, франков*. Но для римлян они были всего лишь римскими военачальниками, которым доверено руководить гражданским населением. К римлянам они обращались именно как римские военачальники¹; и они гордились римскими титулами; достаточно вспомнить, какой торжественной церемонией с целой кавалькадой сопровождавшей его свиты отметил Хлодвиг присвоение ему титула почетного римского консула. При Теодорихе все было скромнее: он был римским вице-королем и издавал не законы, а указы.

Готы занимали командные посты только в армии; там же только продолжали действовать готские правила и традиции. Все гражданские должности занимали римляне, и вся римская система управления была в максимальной степени сохранена. По-прежнему существовал сенат. Однако вся власть была сконцентрирована в руках короля и его окружения; королевский двор располагался в освященном месте — во дворце. Теодорих для обозначения своего положения правителя использовал то же латинское слово «рекс» (*rex*), что и римские императоры, как бы желая этим скрыть свое неримское происхождение. Его резиденция находилась там же, где и резиденция римской императрицы, — в Равенне. Административное деление провинций и система управления остались теми же; по-прежнему функционировали *окружные военачальники, гражданские управляющие округами* (ими традиционно были римляне из сословия всадников) и *наместники* (обычно в ранге проконсула). В городах сохранились институты управления с их *куриалами* и *защитниками закона*, которые следили за выполнением закона и правосудия и,

¹ Некоторые авторы тщетно пытаются доказать, что они оставались именно германскими военачальниками; в частности, в качестве аргумента приводится забавная история о том, что они, в германских традициях, пользовались повозкой, запряженной волами.

в частности, защищали граждан от излишних повинностей. Римская финансовая система также была сохранена. Теодорих чеканил монеты, но с изображением императора. К своему титулу он добавил имя Флавий (это имя означало высокопоставленное положение; его неоднократно использовали римские императоры) в знак того, что он принял римское гражданство¹.

В документах его титул писался следующим образом: *постоянный посланник императора, расширивший пределы Римской империи*. Королевская охрана была организована так же, как в Византии; это же касалось дворцовых церемоний. Правовая система была полностью римской; даже сами готы должны были жить по римскому праву. На основе римского права были составлены и все указы Теодориха. Никаких особых законов для готов не существовало. Теодорих был против того, чтобы готы могли по собственному усмотрению (без санкции королевской власти) участвовать в войнах; он вообще был противником всего того, что считал варварством германцев. Он не был защитником германского обычного права. Готы служили в гарнизонах, несших охрану городов; они жили на доход от своих земельных владений, а также на жалованье в виде денежного довольствия за военную службу. Занимать гражданские должности готы не могли. Они не могли никоим образом влиять на управление, за исключением тех, кто, наряду с римлянами, входил в окружение короля. В королевстве, управляемом их королем, готы на самом деле были иностранцами, правда хорошо оплачиваемыми иностранцами; они образовали своего рода военную касту, профессиональная деятельность которой обеспечивала входившим в нее безбедное и комфортное существование. Именно по профессиональным причинам готы держались вместе; их сплоченность не имела никакого отношения к тому, что приписывают так называемым германским национальным особен-

¹ Его официальный титул полностью звучал так: *рекс Теодорих Флавий*.

ностям. Именно желание сохранить свое профессиональное положение и получаемые от этого выгоды и стало причиной того, что они оказывали столь упорное сопротивление в ходе войн в годы правления Юстиниана. Л. Шмидт¹ признает, что с того времени, как готы осели в Италии, королевская власть у них фактически перестала существовать². Теодорих стал простым ставленником и подчиненным римского императора Зенона. Как только он со своими соплеменниками прибыл в Италию, местное население и церковь стали воспринимать его как представителя законной римской власти. Свои полномочия король осуществлял посредством *сайонов* (судебных приставов); хотя их обозначали готским словом, по сути, это было чистой копией *ревизоров* и *сыскных агентов*, которые существовали у римлян. Короче говоря, готы являлись военной опорой королевской власти, а сама эта власть и вся система управления были римскими.

Конечно, следует отметить, что среди других варваров римское влияние не было столь сильным и глубоким. Вандалы пошли на полный разрыв с Римской империей; при этом в их системе государственного устройства не было никаких германских черт. Однако следует ясно понимать, что вандалы действительно пошли на полный разрыв, что заключенные ими и империей договора были для них просто фикцией и пустой бумажкой и нет никаких оснований считать вандальского короля Гейзериха подданным римского императора, находившимся в его подчинении. Наблюдался явный контраст между Гейзерихом и Теодорихом. Король вандалов не стал угождать римлянам и считаться с их интересами, как это делал его готский коллега. Он отнесся к римлянам крайне жестко и подверг гонениям их веру. Никакой «римской трети» вандалы не

¹ Как он отмечает, «власть готского народного короля Теодориха угасла».

² Когда остготы осели в Италии, они сохраняли больше германских черт, нежели вестготы.

соблюдали. Осев в основном в Зевгитании (северные районы сегодняшнего Туниса), они либо официально конфисковали земли у римских землевладельцев, либо попросту согнали их с насиженных мест. Жили вандалы на доходы от своих «колоний» и налогов не платили. Что касается организации по тысячам во главе с тысячниками, или, как их называет Прокопий Кесарийский, *хиллиархами* (римское название командира отряда в тысячу легковооруженных воинов), то этот принцип организации касался только войска.

Но всем остаткам германского обычного права, а точнее сказать, германских общественных институтов, характерных для родового строя, пришел конец в 442 г., когда Гейзерих подавил выступление родовой знати, пытавшейся использовать в своих интересах сохранившиеся остатки родового строя и племенной организации, и установил абсолютную монархию. Практически он воссоздал систему государственного управления, которая существовала в Римской империи. Все указы и распоряжения вырабатывались на основе римского права и писались на латыни. Резиденция Гейзериха в Карфагене, как и Теодориха в Равенне, представляла собой *дворец*, вполне сравнимый с императорским дворцом на Палатинском холме в Риме. Гейзерих и его приближенные не вмешивались в экономическую жизнь и не вникали в вопросы обустройства повседневной жизни соплеменников. Существует точка зрения, что короли вандалов даже продолжали посылать в виде даров оливковое масло в Рим и Константинополь. Когда Гейзерих установил право наследования королевской власти, он сделал это в форме приписки к своему завещанию в соответствии с римским правом.

Романизированные берберы при правлении вандалов сохранили те же образ жизни и систему управления, что и в предшествующую эпоху. Система управления была римской и возглавлялась *личным секретарем и докладчиком императора*; занимавший этот пост Петр был еще и поэтом, его стихи сохранились до нашего времени.

Продолжало развиваться литературное творчество. Виктор Туннунский по-прежнему выражал свое убеждение в вечности Римской империи. Короли вандалов шли по пути, проложенному Римом, как позднее во Франции во время Реставрации Бурбоны шли по стопам Наполеона Бонапарта. Например, в 484 г. Гейзерих издал указ против католиков, практически скопировав его с закона императора Гонория против донатистов (приверженцев церковного течения, названного по имени избранного в 313 г. епископом Карфагена Доната Великого), изданного в 412 г. Из указа Гейзериха мы видим, что классовый состав населения остался таким же, как и раньше. Короче говоря, у вандалов мы наблюдаем еще меньше германских черт, чем у остготов. Можно вполне согласиться с той точкой зрения, что, осев в Северной Африке, где были расположены самые процветающие провинции Западной Римской империи, вандалы сразу же стали ощущать римское влияние.

Испания и Галлия менее пострадали от германских вторжений и к тому же не были полностью романизованы, как это произошло с Италией и Африкой. Однако и здесь германские черты, которые несли с собой завоеватели, были также «разбавлены» образом жизни и государственными институтами римлян. Что касается вестготов, то до завоеваний Хлодвиг (подчинившего Тулузское королевство) их короли жили, как римские императоры, обустроив соответствующим образом свои резиденции в Тулузе, а позднее в Толедо, столице Толедского королевства. Вестготы поселились на территории империи в соответствии с принципом «гостеприимства» и «римской трети», а с правовой точки зрения они не имели никакого преимущества перед римлянами. Король обращался ко всем без исключения жителям королевства как к единому целому, называя своих подданных «наш народ». Однако каждый народ жил по своим законам: римляне — по римским, вестготы — по готским. Брак между римлянами и германцами был запрещен. Наверное, установлению более тесных связей

между коренным римским населением и вторгнувшимися германцами и введению общего для всех законодательства мешало различное вероисповедание, поскольку вестготы были приверженцами арианства. Запрещение на смешанные браки было упразднено при правлении Леовигильда (правившего с 568 г. до своей смерти, последовавшей в 586 г.), а при Рекареде (правившем с 568 по 601 г.) было запрещено арианство и вестготский король принял католичество. Общие законы для готов и римлян стали действовать во время правления Рекесвинта.

Земельные наделы готов были освобождены от налогов. Провинциями по-прежнему управляли *наместники* (в основном это были римляне в ранге консула и из сословия всадников), которые одновременно являлись и *судьями*. Провинции были разделены на *общины*, городские и сельские; как подчеркивает Л. Шмидт, в организации сельской жизни и ведении сельского хозяйства не было ничего германского.

Власть короля была абсолютной; его официальный титул звучал так: *наш наиславнейший правитель и повелитель*. Власть короля была наследственной, и народ не принимал никакого участия в управлении. Л. Шмидт не смог обнаружить никаких признаков того, что продолжали действовать старые народные собрания; он обращает внимание на существование военных сходок (король принимал решения в присутствии толпы вооруженных готских воинов), однако следует иметь в виду, что такая форма существовала и в поздней Римской империи.

Все должностные лица назначались королем. В окружении короля были представлены как германцы, так и римляне, но последних, особенно среди высших должностных лиц, было явно больше. Главным советником Эйриха и Алариха II, фактически их правой рукой, был крупный нарбоннский землевладелец Лев (его земельные владения были расположены в Нарбонне — провинции в Южной Галлии). Он выполнял функции двух высших должностных лиц, существовавших при рим-

ском императоре: *квестора священного дворца* (председателя императорского совета) и *магистра должностей*, ведавшего личной канцелярией императора и его личной стражей; ему принадлежал верховный контроль за управлением, поскольку под его началом находилось целое войско тайных полицейских агентов, так называемых «любопытных». Короля охраняли не обычные воины, а *личная стража*, как у римского императора. Наместниками провинций и *градоначальниками* были в основном римляне.

В городах сохранилась система курий; также имелся уже упоминавшийся пост *городского защитника* (прокурора), наблюдавшего за выполнением законов и недопущением злоупотреблений; назначение на этот пост утверждалось королем. Войско вестготов было основано на десятичной системе: отряды в тысячу, пятьсот, сто и десять человек возглавлялись соответственно тысячниками, пятисотниками, сотниками и десятниками; о точной компетенции этих военачальников нам мало что известно. Судя по всему, в Тулузском королевстве вестготов в течение всего времени его существования, в отличие от королевства остготов, римляне были освобождены от обязательной воинской службы. Некоторое время вестготские *тысячники* (тиуфады) выполняли не только военные, но и некоторые судебные и полицейские функции, как и у остготов. Но уже при Эйрихе они были подчинены *распорядителям* — высшим сановникам, назначаемым королем, которые, на римский манер, председательствовали при рассмотрении судебных тяжб, разбирая их при участии *судебных заседателей-законоведов*. В организации судебной системы у вестготов не было абсолютно ничего германского¹.

Обнародованный в 475 г. кодекс Эйриха был составлен римскими юристами и представляет собой свод

¹ М. Блох считает абсурдной попытку отыскать хоть малейшие следы германского влияния в готском судопроизводстве. Такой же точки зрения придерживается и Гамильшер, подчеркивающий «невероятно быструю» романизацию вестготов.

законов, полностью основанных на римском праве. Появившийся в 507 г. breviарий Алариха, прямо касавшийся римлян, также может рассматриваться как чистый образец римского права. По-прежнему собирались те же налоги, что и в Римской империи; римская денежно-финансовая система также была сохранена.

Королевские сановники получали жалованье. Что касается церкви, то она была подчинена королю, который утверждал назначение епископов. За редким исключением никаких преследований в отношении католиков не наблюдалось. Со временем романизация вестготов становилась все более очевидной. Правивший с 568 по 586 г. Леовигильд ликвидировал последние остатки законодательства, существовавшего отдельно для вестготов, разрешил смешанные браки с римлянами и распространил на вестготов римское семейное право.

Сначала вестготские короли использовали германские знаки отличия, но затем перешли на римские¹.

Власть короля представляла собой общественную функцию, а не была просто его личной тиранией. Прежний облик готского войска также постепенно исчезал. Численность вестготов сократилась настолько, что в 681 г. Эрвиг обязал землевладельцев ставить под ружье десятую часть принадлежавших им вооруженных рабов.

При Рекареде (правившем с 586 по 608 г.) слияние германского и римского права завершилось окончательно и законы стали едиными для всех. Это ясно продемонстрировал *Свод законов*, обнародованный Рекесвинтом в 634 г. По своему духу эти законы несут в себе как римский законодательный, так и церковный характер, поскольку после принятия Рекаредом христианства в форме католичества церковь стала играть в государстве исключительно важную роль. С 598 по 701 г. было проведено 18 церковных соборов, и все они

¹ Рекесвинт стал носить византийские королевские одеяния примерно с 630 г.

были созваны королями. На эти соборы вызывались и миряне из королевского окружения, которые сидели в ходе заседаний рядом с епископами. Соборы рассматривали как церковные, так и гражданские вопросы.

Король продолжал назначать высших представителей церковной иерархии, и католическая церковь, таким образом, сохраняла полную верность и преданность королевской власти, даже когда королями были ариане.

Когда крупный готский землевладелец Атанагильд отказался подчиняться Леовигильду, католическая церковь сохранила верность королю. Церковь выступила за избрание короля церковными иерархами и крупными землевладельцами (это правило стало действовать с 633 г.), а также ввела обряд помазания — освящения королевской власти¹.

Это, однако, несколько не ослабило абсолютный характер королевской власти, который церковью всячески поддерживался. Позиция церкви была выражена следующим образом: «Беззаконие, грех и злодеяние совершает тот, кто ставит под сомнение государственную власть и пытается низвести и низвергнуть ее, поскольку всякая власть дана свыше и ее незыблемость должна твердо и неизменно охраняться земными законами»².

Хиндасвинт, избранный королем вестготов в мае 642 г., подверг репрессиям 700 представителей знати из земельной аристократии за попытки ограничить его власть; часть из них была казнена, остальные обращены в рабство.

Король действительно нуждался в поддержке со стороны церкви лишь в плане сдерживания земельной аристократии. Эта поддержка позволяла ему занять более сильную позицию в отношениях со стремившейся

¹ По имеющимся сведениям, обряд помазания был совершен в 672 г. над вестготским королем Вамбой; однако, по мнению М. Блоха, этот обряд применялся и ранее — во времена правления Рекареда.

² Так гласит 30-й канон VI Толедского собора; эта цитата приведена в одной из работ Зиглера.

к большому влиянию знатю. А в целом церковь находилась в полностью зависимом от короля положении. Теократия — церковные иерархи, обладающие реальной государственной властью и влиянием, — еще не возникла. Монархия все более приобретала византийские черты. Хотя Ф. Лот представляет выборы короля как реальное и серьезное действо, Зиглер считает их фикцией. На самом деле имела место «византийская смесь» из наследования власти, интриганства и неожиданных насильственных действий. Леовигильд был женат на дочери византийского императора, что не мешало ему неприязненно, если не сказать презрительно, относиться к византийцам. И эти же вестготские короли, уподобляясь византийским императорам, имели специальных *шествующих*, которые шли впереди них с пальмовыми ветвями.

Бургундские короли, хрупкое и непрочное королевство которых было захвачено франками в 534 г., установили с Римской империей самые хорошие отношения после того, как взяли под свой контроль Лион. Бургунды, подобно остготам и вестготам, разместились на занятых территориях в соответствии с принципом «гостеприимства», предусматривавшим, как уже упоминалось, предоставление им двух третей пахотной земли (треть оставалась римлянам)¹.

Сидоний Аполлинарий пишет, что в момент поселения на римской территории бургунды представляли собой наивных и свирепых варваров. Однако их короли были полностью романизированы. Гундобад, правивший с 480 по 516 г., при котором Бургундское королевство достигло вершины своего могущества, в 472 г. был назначен *высшим военачальником* Западной Римской империи. При дворе бургундских королей было множество поэтов и риторов. Бургундский король Сигизмунд

¹ На подобных условиях бургунды разместились в Сабаудии в 443 г. (в этой области, охватывающей западные районы Швейцарии и юго-восточные районы Франции к северу от Лиона, и возникло Бургундское королевство).

с гордостью говорил о том, что он является солдатом империи, а его королевство — ее частью. У королей бургундов, по подобию римских императоров, был *квестор священного дворца* (главный королевский советник) и *личная стража*. Сигизмунд был практически инструментом влияния Византии; в качестве награды за верную службу он получил титул патриция от императора Анастасия. Бургунды как солдаты императора сражались на стороне римлян против вестготов.

Таким образом, бургундские короли называли себя и свое королевство частью империи. Датой начала своего правления они считали дату присвоения звания консула, означавшего предоставление римским императором права на управление от имени императора в качестве *военачальника*.

В остальном власть короля была абсолютной, безусловной и непререкаемой. Она была полной и неделимой; если у короля было несколько сыновей, он назначал их вице-королями. Должностными лицами в окружении короля были в основном римляне. Ни военной сходки, ни самостоятельных отрядов воинов уже не было; территория делилась на *общины* или *округа*, которые возглавлялись *наместником* или *управляющим*. За соблюдением законности и порядка следил *судья с вмененными надзорными полномочиями* (так сказать, судья-прокурор), который, как и все остальные должностные лица, назначался королем. Он осуществлял правосудие на основе римского права и римских обычаев.

Старое *родовое* устройство исчезло; в память о нем осталось лишь то, что германцы называли себя *свободными* (постепенно они разделились на три категории по имущественному признаку: знать, из которой выделялись наиболее приближенные к королю — так называемые *верные*, средние свободные и низшие, включавшие беднейшие слои населения). Римская система городского управления действовала в Вене и Лионе. Налоговая и денежно-финансовая системы полностью оставались римскими.

Бургундские короли, как и вестготские, платили своим должностным лицам жалование. В Бургундском королевстве, которое было полностью романизировано, и бургунды, и римляне имели одинаковый юридический статус: «Закон один для всех», говорилось в своде законов Гундобада. Здесь римляне несли военную службу (хоть это не было принято в других так называемых «федеративных» германских государствах, то есть там, где германцы жили в качестве федератов, выполняя определенные повинности в пользу Римской империи за право постоянно проживать на данной территории), а также (опять же по контрасту с другими германскими государствами, где смешанные браки были запрещены) имели право вступать в брак с бургундами.

Таким образом, королевства остготов, вестготов, вандалов и бургундов управлялись на римский манер. Никаких «германских принципов» здесь не было и в помине. Новые короли сохранили старую систему управления, хоть эта копия была далеко не совершенной. Было введено лишь одно новшество: за военную службу не платили, поскольку германцы были наделены землей. Благодаря распределению земли между всеми, кто подпадал под воинскую повинность, государство было освобождено от необходимости иметь огромный военный бюджет, что совсем недавно тяжелейшим бременем ложилось на население.

Система управления была теперь хоть и несколько архаичной, но зато менее дорогостоящей. За всем остальным следила церковь. Но, еще раз повторяю, все, что сохранилось и продолжало функционировать, было полностью римским. От германских институтов, от народных собраний, на которых присутствовали свободные люди, не осталось и следа. Максимум, что можно отыскать из германского влияния в тот период, — так это присутствие в законодательстве *вергельда* — денежного штрафа за убийство. Однако это была всего лишь капля в потоке римского права, которым руководство-

вались и которое регулировало гражданские отношения, договоры, завещания и т. д. Да, это был упадок, но это был римский упадок, в котором не обнаруживалось никаких черт новой нарождающейся цивилизации. Единственное, что привнесли германцы, — так это арианство, но оно само по себе являлось давно известной ересью и не было германским изобретением; к тому же широкое распространение оно получило только у вандалов.

Высказывалось мнение, что вышесказанное не относится к франкам¹ и что они сыграли действительно выдающуюся роль даже в начале германских завоеваний, поскольку поистине преобразили Европу в эпоху правления Каролингов. Но разве они сделали что-то подобное в VI в.? Я думаю, можно со всей определенностью сказать, что нет.

Безусловно, государство франков было единственным, в северных районах которого население было полностью германским. Но оно не играло сколько-нибудь важной роли в эпоху Меровингов. Как только началось завоевание страны, короли франков стали создавать свои резиденции на римской территории на юге — в Париже, Суассоне, Меце, Реймсе, Орлеане и их пригородах². А если они не пошли дальше на юг, то это, без сомнения, потому, что таким образом им было легче противодействовать влиянию Германии, в отношении которой они занимали оборонительную позицию, как и римские императоры³.

¹ Такой точки зрения придерживаются, в частности, Х. Брюннер и Г. Ватц.

² Когда король Австразии стал монархом всего королевства, он поспешил обосноваться в Париже. Раскопки и изучение найденных документов показали, что с середины VI в. находившиеся в Галлии франки не оказывали никакого влияния на районы, входившие в провинцию Германия.

³ По мнению Х. Брюннера, Хлодвиг, в отличие от других германских королей, сконцентрировавших свои честолюбивые помыслы исключительно на средиземноморском направлении, уделял в своей политике также внимание и германскому направлению. Брюннер упускает из виду, что Хлодвиг и особенно те, кто правил после него, занимали сугубо оборонительную позицию в отношении Германии.

В 531 г. Теудерих с помощью саксов одержал победу над тюрингами (речь идет о племенах, живших в то время не в Центральной Германии, где располагается нынешняя Тюрингия, а на нижнем Рейне). В 555 г. Хлотарь возглавил поход против государств саксов и тюрингов и подчинил государство баваров. В 556 и 605 гг. были предприняты новые походы против саксов. В 630—631 гг. Дагоберт выступил против славянского князя Само (основателя первого известного в истории политического объединения западных и частично южных славян, включавшего территорию Чехии, Моравии, Словакии, земли лужицких сербов, часть земель словенцев и хорватов). В 640 г. в государстве тюрингов вспыхнуло восстание, и оно вновь стало независимым. В 689 г. Пипин воевал с фризами.

Эти германские государства не оказывали какого-либо влияния в период правления Меровингов. Государство франков, простиравшееся до его завоевания Каролингами от бассейна Сены до Пиренеев и Средиземного моря, было по характеру в основном нейстрийским и римским. А число проживавших здесь франков было весьма незначительным.

У нас нет информации об устройстве королевства Меровингов до завоевания территорий, где располагались королевства вестготов и бургундов. Но мы можем быть уверены, что характер управления этими землями, а также территорией, находившейся под контролем последнего римского наместника в Галлии Сиагрия, и существовавшие там порядки, безусловно, оказали влияние на институты государства франков¹. Но у франков было одно важное отличие от вестготов и бургундов: они понятия не имели о принципе «гостеприимства» (когда римляне получают одну треть пахотных земель, а пришельцы — две трети), как и о запрещении брака с римлянами. К тому же франки были католиками. По этим причинам их слияние с галло-римским населением проходило более легко и быстро.

¹ Среди должностных лиц короля Меровингов, как и у римского императора, были *суды*.

Тем не менее следует признать, что их романизация была менее действенной, поскольку короли франков жили в Париже, где порядки и обстановка были менее романизированы, нежели в Равенне, Тулузе, Лионе или Карфагене. К тому же целая серия войн и нашествий совершенно razорила и истощила Северную Галлию. В то же время у франков сохранилось максимально возможное в тех условиях количество римских институтов, и в целом их порядки были не лишены добрых нравов. Государство франков имело больше черт варварского государства по сравнению с другими, но эти черты отнюдь не были германскими¹. Как и в других королевствах, римские налоговая и денежно-финансовая системы сохранились². Деления на провинции уже не было, а правители округов, *графы*, находились в городах; в каждом городе был и градоначальник.

Неримскую систему управления и соответствующих ей должностных лиц можно было встретить лишь на севере Галлии³.

Также следует отметить, что ряд установлений, которые, по мнению Ватца, были привнесены германцами, на самом деле, как отмечает, в частности, Брюннер, имели римское происхождение. К ним относится, например, *коммendaция* (переход крестьян с VIII в. под покровительство крупных землевладельцев — будущих феодалов, — платя за это покровительство земель, и

¹ Это хорошо понимает Х. фон Зибель; в то же время Г. Ватц не согласен с ним.

² Ватц выделяет тот факт, что германцы отказывались платить по-доходный налог, считая это несовместимым со званием *свободного гражданина* и приводя в качестве доказательства текст решения административного органа одного из округов. Однако в таком подходе нет ничего германского, он был известен и ранее.

³ Ватц пытается доказать, что должностные лица периода правления Меровингов не были римлянами. Он отмечает, что уже не было деления на военных и гражданских должностных лиц; эти функции были объединены, причем король просто призывал соответствующих людей на службу, за которую они не получали никакого жалованья! Он, правда, признает, что германцы ничего не понимали в управлении, и упускает из виду, что должностные лица-неримляне лишь послушно выполняли то, что им говорили их коллеги римляне.

мелких феодалов под покровительство крупных, платя за это службой. В Римской империи крестьяне, спасаясь от налогового гнета государства, бежали под покровительство крупных землевладельцев, выполняя за это соответствующие повинности; это покровительство называлось *патроцинием*, или, как говорят сейчас, патронажем).

Практически все, если не абсолютно все должностные лица, назначенные королем, были галло-римлянами. Даже лучший полководец того времени Мамолий, судя по всему, был из галло-римлян. А из окружавших короля должностных лиц, служивших в тех или иных органах управления, *главными советниками и личными секретарями* всегда были галло-римляне.

От народных собраний не осталось и следа. Да, можно сказать, что короли франков имели больше германских черт, чем короли других варварских государств. Но, спросим мы, а что такого типично германского мы видим у них? Длинные волосы?¹

Это предвзятое мнение является настолько распространенным, что некоторые считают подтверждением наличия у короля франков германских черт то карикатурное изображение королей меровингской династии, которое дано Эгингардом. Из всех королей династии Меровингов лишь старший сын Хлодвиг Теудерих (ум. 534) прославлен в германской поэзии, несомненно, за свой ужасающий по жестокости поход против тюрингов: он явился прототипом *эпического героя* Хугдитриха.

Другие короли не сохранились в народной памяти как национальные герои. Власть монарха была абсолютной — в значительной степени такой же, как и у римского императора. Короли франков, как и другие короли германцев, являлись центральной властью; все управление концентрировалось вокруг них. Король

¹ Утверждения Ватца о том, что король франков был именно германским королем по чертам и характеру правления, являются беспочвенными.

франков был абсолютным деспотом. В его «Предписаниях к беспрекословному исполнению» есть такое утверждение: «Всякого, посмеющего пренебречь нашими указаниями, данными для общего блага, ожидает, для осознания им содеянного, наша уничтожающая кара»; это вполне перекликается с римским *законом об оскорблении величества*¹.

Король действительно считал себя хозяином своего королевства, однако это вовсе не означало, что он признавал королевство своей личной вотчиной, где мог делать все, что хотел, как полагают некоторые исследователи. Король четко проводил грань между личным богатством и общественным достоянием².

Безусловно, королевская власть у франков была организована куда проще, чем у вестготов. После смерти короля его владения были разделены между его сыновьями, однако это являлось следствием междоусобицы и завоеваний, а не характерной германской традицией³. Также верно и то, что у королей франков не было римских титулов, если не считать тех титулов, которые время от времени получал Хлодвиг во время своего правления. Однако они стремились поддерживать контакты с византийскими императорами⁴.

Таким образом, и внутри своего королевства франки придерживались римских правил и традиций.

Если в целом сравнивать варварские королевства, то мы обнаружим у них три сходные черты: во-первых, во всех присутствовала абсолютная королевская власть; во-вторых, все они были светскими и, в-третьих, основны-

¹ В этом «Предписании», как отмечает Григорий Турский, также говорится: «Всякий должен беспрекословно соблюдать то, что является общественно полезным».

² О том, как с этим обстояло у англосаксов, подробно рассказывает в своем исследовании В. Шрабс.

³ Подобный раздел имел место только у франков; возможно, это произошло потому, что после смерти Хлодвиг императора на Западе уже не было, а франки и не собирались вводить императорскую должность и создавать свою собственную империю.

⁴ Как отмечают Лот, Фистер и Ганшоф, внук Хлодвиг Теодоберт обдумывал возможность нападения на Византию.

ми инструментами государственного управления везде были национальное богатство и королевская казна.

Все эти три черты были римскими или, если хотите, византийскими. Абсолютизм, безусловно, сложился стихийно в ходе исторического развития. Король уже был могущественным военным вождем, когда королевства только возникли. А для управления завоеванными территориями абсолютная королевская власть была совершенно необходима и неизбежна¹. Только абсолютная власть могла дать королю такое же положение, как у суверена англосаксов. Нет большего отхода от германских традиций, чем превращение военного вождя в абсолютного монарха. Фактически просто было установлено всевластье одного лица, в точности как у римских императоров.

Во всех упомянутых королевствах абсолютная власть короля основывалась на его финансовой власти. Везде, будучи правопреемником императора, он распоряжался национальным богатством и налогами. А это богатство было поистине огромным. Оно включало в себя императорские земельные владения, леса, пустующие и необработанные земли, рудники, порты и дороги; плюс к этому король мог распоряжаться сбором и использованием налоговых средств и чеканить деньги. Таким образом, король был собственником не только необъятного количества земель, но и средств казны. Никакой монарх на Западе до XIII в. не имел столько богатства, сколько эти короли. Описание этого богатства рисует в воображении поистине текущее рекой золото. Это богатство, помимо прочего, позволяло королям не иметь проблем с оплатой услуг своих приближенных. Короли династии Меровингов делали немалые выплаты из своих сокровищниц: до 695 г. аббат Сен-Дени получал на нужды аббатства ежегодную ренту в 200 золотых солидов из *средств государственного казначей-*

¹ Передаваемых по наследству должностей в служебной иерархии королевского окружения не было; король сам назначал на должности тех, кого считал нужным.

ства и еще 100 солидов из *кладовых финансового резерва*, или *сокровищниц* (фондов Гохрана, как мы сказали бы сейчас). Короли ссужали деньгами города, платили миссионерам, а также тратили деньги на подкуп нужных людей. Сохранение римской налоговой системы, и в частности налога на рыночную торговлю (*рыночная пошлина*), являлось важным атрибутом королевской власти (взималась пошлина как за перевозимые товары, так и за право выставить свои товары на рынке). Считать этих королей только крупными землевладельцами — очень серьезное заблуждение, и вызвано оно тем, что их смешивают с монархами, которые правили уже после них. Безусловным фактом является то, что по своему денежному богатству короли варваров в описываемый период были значительно более схожи с византийскими императорами, чем с Карлом Великим.

И они делали все, чтобы всячески преумножить то богатство, на котором держалась их власть. Поэтому так широко применялась практика всевозможных конфискаций. Хильперих ввел во всех частях своего королевства *новые строгие списки* для уплаты налогов. Была создана сложная система сбора налогов и финансового администрирования, состоящая из многочисленных должностных лиц: регистраторов, контролеров и т. п. Короли пытались завладеть богатством друг друга — именно для этого они развязывали войны и нанимали убийц.

Помимо этого, огромные средства предоставлялись Византией. Император Мауриций послал 50 тыс. золотых солидов Хильдеберту в качестве платы за согласие выступить на стороне империи против лангобардов. Приданое, полученное в 584 г. Ригунтием, 6 тыс. солидов, пожертвованных Хильдебертом аббатству Сен-Жермен на нужды бедных, щедрость Дагоберта I, покрывшего серебром купол церкви Сен-Дени, дают нам представление о том богатстве, которым располагали короли франков. Как и в Византии, они использовали это богатство для политических целей; например, Бру-

гильд в 596 г. сумел при помощи денег предотвратить нападение аваров на Тюрингию.

Поэтому нельзя говорить о том, что короли франков скапливали богатство только для своих личных целей и нужд.

Но короли остготов были еще богаче — достаточно вспомнить те роскошные здания, которые возводились по приказу Теодориха. То же можно сказать и о вестготах: в 631 г. претендент на королевский престол Сизенанд предложил 200 тыс. золотых солидов Дагоберту, чтобы заручиться его поддержкой против своего соперника Свинтилы, а Леовигильд обещал заплатить 30 тыс. солидов должностному лицу римского императора за поддержку против своего собственного сына.

О том, какое большое значение придавалось сбору *рыночной пошлины* в королевстве вестготов, говорит тот факт, что нарушение налоговых обязательств со стороны торгующих на рынке земледельцев каралось смертью, то есть сохранились соответствующие нормы римского права. Уплата налогов строго учитывалась и контролировалась, чтобы обеспечить бесперебойную выплату жалования королем своим подданным. Описание Венанцием Фортунатом богатства, полученного Галсвинтой, дает представление об уровне благосостояния вестготских королей.

Короче говоря, золото продолжало играть в политике такую же роль, как и в Византии; за него короли покупали друг друга и продавались сами.

Было и еще одно направление, в котором варварские государства продолжали следовать античной традиции: все они были светскими. Все государственное управление на всех его уровнях было светским. Хотя у королей в целом были хорошие отношения с церковными иерархами, ни один из них не занимал какого-либо государственного поста, позволявшего реально влиять на государственное управление, и в этом заключается принципиальная разница с временами Средневековья. С другой стороны, многие епископы были

королевскими советниками, находившимися в прямом подчинении королю¹.

Здесь мы обнаруживаем резкий контраст с политикой Карла Великого, придерживавшегося совершенно иного принципа государственного управления, в соответствии с которым половина должностных лиц обязательно должна была состоять из епископов, или с политикой Отто, доверившего бразды правления епископам².

Светское государство Меровингов, безусловно, отличалось от государства Каролингов, где в управлении участвовали священнослужители. То же можно сказать и о других германских королевствах: остготском, вестготском, вандалском и бургундском. В этом аспекте — и это является исключительно важным — сохранился старый порядок времен Античности. Сам король был фигурой сугубо светской, и его власть не зависела от освящения ее церковью.

Церковь подчинялась королю. Хотя теоретически епископы должны были назначаться духовенством, на практике очень часто это делали сами короли. И здесь мы вновь видим сохранение древней традиции государственной церкви. Как и на Востоке, епископы франков во всем содействовали королям³.

Короли созывали церковные соборы. И хотя короли династии Меровингов воздерживались от прямого управления этими соборами, в вестготских королевствах, начиная с правления Рекесвинта, эти соборы стали восприниматься как органы государственной власти. При этом церковь оставалась в полностью подчиненном положении по отношению к королю⁴.

¹ Дидье де Каор был королевским казначеем и префектом Марселя; св. Оуэн был государственным советником в Нейстрии.

² Г. Бреслау приводит примеры того, как королевские советники-миряне впоследствии становились епископами.

³ Ленинг совершенно четко указывает на светский характер государства франков, но дает ошибочное объяснение этому факту.

⁴ Григорий Турский приводит анекдотичный случай, когда король, нарушив выборную традицию, просто объявил о назначении нужного кандидата с учетом тех роскошных подношений, которые последним были сделаны, и дал банкет в городе, где служил этот епископ. Короче

Но короли с большим уважением относились к церкви, находившейся в их подчинении. По мнению Григория Турского, идеальным правителем является тот, который заботится о храмах и о бедных. Короли щедро жертвовали на церковь, не жалея своего богатства, и окружали ее всяческим вниманием, хотя ни сами короли, ни их родственники, за исключением нескольких женщин, не посещали монастыри. Сами короли не были особо набожными людьми, но они считали, что епископы, стоя во главе церкви, обладают очень большой властью, данной и освященной свыше. К тому же епископы пользовались огромным авторитетом в народе. Они могли служить — и служили, как это было у вестготов, — важным противовесом земельной аристократии, состоявшей из крупных землевладельцев-мирян.

5. Правление Юстиниана (527—565 гг.)

Нет большей ошибки, чем точка зрения, что идея империи прекратила свое существование после расчленения варварами ее западной части. Нет никаких оснований сомневаться в том, что находившийся на престоле в Константинополе *василевс*, как именовался на греческом языке византийский император, теоретически сохранял власть над всей территорией Римской империи. Он ею всей более не управлял, но он на ней всей по-прежнему царил. И именно на него были обращены все взоры.

Помимо всего прочего, церковь считала Римскую империю творением Провидения и поэтому не могла отвергнуть императора. Глава римской церкви, являвшийся и управляющим городом Римом, считал римского императора законным правителем *священной империи*¹.

говоря, все зависело от воли короля. Также приводится рассказ о том, как епископ Трира св. Никей был возведен в сан одним королем, отправлен в изгнание другим и восстановлен в сане третьим.

¹ Об этом вы можете прочитать в работах Григория Великого, хотя, как справедливо замечено, они были написаны уже после правления Юстиниана. Изучив работы Мариа Аваншского (ум. 594), Виктора Туннунского (ум. 569) и Иоанна Бикларского, вы сможете убедиться, что для них империя продолжала существовать.

За исключением короля вандалов, короли других варварских государств считали себя подданными римского императора, чеканили его изображение на монетах и всячески стремились получить и получали от императора титулы и различные поощрения, дары и вознаграждения, причем очень этому радовались и весьма этим гордились. Юстиниан усыновил Теодоберта¹, внука знаменитого франкского короля Хлодвига, а другой римский император, Мауриций, впоследствии усыновил Хильдеберта.

Именно в Константинополь короли обращались со своими спорами в надежде на их разрешение, и там же они плели свои интриги. Римский император не шел ни на какие уступки относительно территории империи и своей власти, поэтому не было ничего удивительного в том, что, как только представлялась такая возможность, он пытался вернуть империи то, что ей принадлежало и что она утратила в силу тех или иных причин. А в случае с Юстинианом к этому добавлялось еще и его стремление вновь восстановить на возвращенных империи территориях ставшее традиционным для римлян вероисповедание — христианство (в форме католицизма, но не надо путать его с современным католицизмом. В то время, по крайней мере на ранних этапах христианства, католицизм означал общность в истинно христианской вере; это слово происходит от латинского «католикус» — всеобщий, всеохватывающий, а «ка-толика» значит вселенная. Позднее проявилась явная нетерпимость к разным течениям христианства, которые объявлялись ересью; сейчас нетерпимость между различными ветвями христианства, к счастью, все более и более преодолевается). И, хотя Римская империя потеряла практически все средиземноморское побережье, Византия была в состоянии поставить и выполнить великую задачу восстановления империи.

¹ В письмах к Юстиниану Теодоберт обращался к нему самым почтенным, смиренным и верноподданным образом.

У Византии был флот, который позволял ей контролировать море. Ее поддержала и церковь, с которой только что имел серьезный конфликт король остготов Теодорих. В Италии Византия могла рассчитывать на поддержку знаменитых древних римских родов, а в Африке — на земельную вандальскую аристократию, которая была вынуждена спасаться бегством от преследования короля и искать защиты у византийского престола. Также, очевидно, был расчет на то, что местное население выступит против нынешних властей и поддержит империю. Для того чтобы в максимальной степени обеспечить успех задуманного, Юстиниан до того, как начать военную кампанию по восстановлению империи, заключил в 532 г. мир с сасанидским Ираном, обезопасив себя таким образом от войны с персами, а также «умаслил» щедрыми дарами различные варварские племена на византийских границах, которые выжидали удобного момента для нападения на империю, обезопасив себя и с этой стороны.

Византии не пришлось иметь дело с единым фронтом германских племен. Германские королевства не имели общей политики в отношении Византии, а ей, соответственно, не пришлось вырабатывать и ответ на такую политику. Король остготов Теодорих действительно пытался подчинить себе другие германские королевства. Но делал он это для того, чтобы обезопасить Италию и созданное им там королевство остготов. Именно по этой причине он поддержал вестготов в их войне против франков и спас их от полного разгрома во время битвы при Вуйе; в 509 г. он уступил Хлодвигу Прованс, а в 523 г. вмешался, чтобы не допустить полного уничтожения франками Бургундского королевства.

Подобной политикой Теодорих отнюдь не умиротворял франков, но стал заклятым врагом династии Меровингов.

Если Византия не вмешалась, чтобы воспрепятствовать укреплению позиций Теодориха в Италии, так это

только потому, что у нее не было для этого сил и возможностей. Ей пришлось стерпеть захват остготами Италии; она поддерживала мирные отношения с Теодорихом, но никак не смирилась с потерей Италии и не признала это как свершившийся факт.

Вскоре византийцы получили в лице франков союзников против остготов.

В 526 г. Теодорих умер. Как и римский император, он объявил наследника престола, находясь уже на смертном одре; им стал его внук Аталарих, которому в то время было всего 10 лет, поэтому регентшей стала его мать и дочь Теодориха Амаласунта.

Амаласунта получила власть только благодаря согласию Юстиниана, поэтому она относилась к византийскому императору с таким благоговением и почтением, что тот начал задумываться о том, нельзя ли вернуть Италию в лоно империи, не прибегая к военной силе.

С учетом сложившейся ситуации Юстиниан решил нанести удар по вандалам. В 533 г. византийскому полководцу Велизарию хватило одной кампании, чтобы разгромить захватившего вандальский престол узурпатора Гелимера и вернуть под контроль империи все африканское побережье вплоть до Сетифа, столицы провинции Мавритания Ситифенская (сейчас Сетиф — город на севере Алжира).

Близ Сетифа Юстиниан возвел укрепления; на остальной же захваченной территории он с легкостью сразу же восстановил императорскую власть, поскольку вся римская система управления осталась почти нетронутой.

Вандалы практически не оказали никакого сопротивления и сразу признали свое поражение. Они растворились в массе римского населения и больше никогда не создавали империи никаких проблем.

Африканские провинции, самые плодородные и богатые, вновь были возвращены в лоно империи. Только мавры оказывали еще какое-то время сопротивление, но и они в 548 г. признали власть византийского императора.

Вскоре после того, как в 533 г. Юстиниан восстановил контроль над Северной Африкой, молодой король остготов Аталарих погиб в сражении с франками в 534 г. Для того чтобы сохранить власть, его мать Амаласунта вышла замуж за своего двоюродного брата, племянника Теодориха Теодата, но всего лишь год спустя он лишил свою жену власти и жизни.

Юстиниан немедленно вмешался в ситуацию. Его полководец Велизарий в 535 г. взял под контроль Сицилию, захваченную в свое время вандалами, и, таким образом, возвращение империи африканских провинций и прилегающих территорий было полностью завершено. Восторженно встречаемый жителями, Велизарий совершил победный марш на север, занял Неаполь, а в 536 г. вступил в Рим.

Романизированная династия остготов не оказала византийцам никакого сопротивления. Теодат гордился тем, что является последователем Платона, и презирал военное дело; он согласился отдать власть Юстиниану. Его брат Эвермод немедленно капитулировал перед Велизарием, предпочтя жить в ранге патриция в Риме, нежели бороться за общее дело вместе со своими соотечественниками.

Однако Велизария неожиданно пришлось столкнуться с отчаянным сопротивлением со стороны остготов.

Чувствуя, что им грозит утрата имевшихся у них земель, остготы сместили Теодата с поста короля, подняли на щиты одного из своих командиров Витигиса и на собрании всего войска провозгласили его королем. Он немедленно двинулся на Рим, но Велизарий заперся в городе и сумел организовать оборону; произошло это в 537 г. Витигис не смог взять город и был вынужден отступить; он остановился в Равенне, разместил там свою резиденцию и окружил город цепью оборонительных сооружений.

Опасаясь нападения на севере со стороны франков, Витигис отдал им Прованс; Юстиниан поспешил признать за франками право на владение Провансом.

Видя, что заключить союз с франками против византийцев не получается, а в одиночку противостоять Велизариию остготы не могут, Витигис начал переговоры о мире.

В обмен на сохранение жизни и оставление за ними занятых земель остготы предложили Велизариию стать их королем. Велизарий согласился или сделал вид, что согласился, и в 540 г. вступил в Равенну. Договор был подписан; войско готов приняло присягу новому королю. Поставленная перед Велизарием задача была выполнена, и византийский император отозвал его в Константинополь. Велизарий повиновался, чем вызвал искреннее изумление остготов, которые не понимали, зачем еще кому-то служить, если и так являешься королем. С собой в Константинополь Велизарий забрал Витигиса и еще целую группу готов; впоследствии они воевали вместе с ним против персов.

После отъезда Велизария Италия управлялась как византийская провинция, возглавляемая префектом претория — высшим должностным лицом византийского императора на данной территории; его резиденция располагалась в Риме. В глазах остготов поступок Велизария выглядел как измена. Север Италии еще не был занят войсками византийцев; находившиеся там остготы подняли восстание и предложили стать королем одному из командиров — Ураие. После отказа последнего то же самое было предложено Ильдибаду, племяннику вестготского короля Тейда. Тот согласился предпринять попытку восстановить Остготское королевство в Италии.

В то время население Италии было совершенно измотано и истощено непомерными налоговыми поборами. Велизарий забрал с собой большинство византийских войск, а те, которые остались, были рассредоточены по стране и представляли собой совокупность разрозненных гарнизонов, не объединенных общим командованием.

Ильдибад начал свой поход из Павии с тысячей человек личного состава и благодаря враждебности ита-

лийцев в отношении нового имперского правительства сумел одержать ряд важных побед над византийскими войсками. Он нанес поражение правительственным войскам, возглавляемым *военачальником Иллирии*, однако в момент своего триумфа был убит.

Ильдибада сменил Эрарих, который по происхождению не был готом; он был из ругиев. Эрарих немедленно связался с Юстинианом и предложил предать свою армию в обмен на статус патриция и возможность жить в Константинополе. Однако в 541 г. он был убит еще до того, как смог осуществить свой план. Королем остготов был избран двоюродный брат Ильдибада Тотила. Еще до того, как стать королем, Тотила готов был признать власть Юстиниана; став же королем, Тотила проявил неиссякаемую энергию, отстаивая интересы своих соотечественников¹.

Тотила пополнил ряды своей армии дезертирами из императорских войск, рабами, колонами (мелкими арендаторами), которые бежали от притеснений крупных италийских землевладельцев. 17 декабря 546 г. он со своей армией взял Рим. Затем он попытался вступить в переговоры с Юстинианом, однако тот отказался снизойти до Тотилы, которого считал тираном и узурпатором. А Тотила всего лишь хотел предложить Юстиниану признать Остготское королевство в качестве данника Византии и заключить мир на условиях готовности остготов платить императору дань и поставлять империи контингенты войск. Конечно, при подобных обстоятельствах его трудно рассматривать как национального героя. Но, безусловно, он был одним из наиболее умных и культурных германских королей.

Поскольку византийский император отказался от переговоров с ним, Тотила был вынужден продолжать

¹ Лот, Фистер и Ганшоф считают, что Тотила был благородным человеком и заботился только о своем народе; по мнению Хартмана, которое представляется более близким к истине, Тотила заботился о народе лишь в той степени, в какой это отвечало его личным интересам.

военные действия. Он вернул под контроль остготов Сицилию, Сардинию и Корсику; из захваченных византийских кораблей он создал флот, который позволял ему контролировать Адриатическое море. Фактически он установил контроль остготов над всей Италией и полностью восстановил Остготское королевство, став таким же правителем, как и Теодорих.

Но Юстиниан не собирался оставлять Италию остготам. В 553 г. византийские войска под командованием Нарсеса численностью 20 тыс. человек высадились в Италии. Тотила потерпел поражение в битве у Тагинны и пал в бою. Его преемник Тейя оказал византийцам отчаянное сопротивление, но остготы потерпели поражение в сражении у подножия Везувия, в котором погиб и Тейя.

Исчерпав возможности сопротивления, готы обратились за помощью к франкам и алеманнам. Франки и алеманны охотно откликнулись на этот призыв; однако их банды грабителей обирали в равной степени и итальянцев, и готов. В конце концов они были разгромлены византийскими войсками под Капуей в 554 г. Остготы признали свое поражение и были направлены в Азию на войну с персами. Италия была превращена в византийскую провинцию, которой правил особый императорский наместник в ранге патриция — экзарх (от *греч.* *exarchos* — глава, начальник, наместник; экзарх был главой экзархата, административно-территориальной единицы в Византии в VI—VII вв.; экзархаты были первоначально созданы на западе Византийской империи на землях, отвоеванных у варваров, в их числе были Равеннский и Карфагенский; экзарх возглавлял как военные силы, так и гражданскую администрацию); его резиденция располагалась в Равенне. Но страна была полностью истощена и обескровлена.

В течение всех двадцати лет, пока шла борьба между византийцами и остготами, франки делали все возможное, чтобы использовать сложившуюся ситуацию к своей выгоде. В 532 г. они подчинили себе Бургундское

королевство; в 535 г. заняли Прованс, пригрозив королю остготов Витигису походом на Италию в случае отказа признать их притязания; захват Прованса был тут же признан Юстинианом, который ни в коем случае не хотел допустить сближения между остготами и франками на антивизантийской основе.

Несмотря на упомянутые уступки, в 539 г. король франков Теодоберт вторгся во главе огромной армии в Италию, осадил Равенну, «заперев» там Витигиса, и занял часть провинций Венеции и Лигурии. Из-за эпидемий, погубивших значительную часть его армии, Теодоберт вынужден был снять осаду Равенны и отступить; однако он сохранил контроль над частью территории Венеции, оставив там своего наместника (герцога). Впоследствии Теодоберт сумел убедить короля остготов Тотилу признать полномочия этого наместника; вероятно, Теодоберт хотел использовать данную провинцию, в которую входили острова лагуны у побережья Адриатического моря (известный сегодня город Венеция был основан позднее — в IX в.), в качестве плацдарма для нападения на Константинополь.

Именно с территории Венеции банды франков и алеманнов вторглись в Италию, подвергнув ее повсеместному разграблению; однако в конце концов они были разгромлены византийскими войсками. Франкам в это же время пришлось оставить захваченную ими часть территории Венеции.

У франков и остготов никогда не возникало и мысли создать единый фронт против Византии; соответственно, империи никогда не приходилось преодолевать сопротивление объединившихся германских племен.

Вернув Северную Африку и Италию в состав империи, Юстиниан занялся Испанией. Там как раз шла междоусобная борьба, и византийский император не упустил возможности в нее вмешаться. Крупный готский землевладелец Атанагильд поднял мятеж против короля Агилы и обратился к Юстиниану за помощью. Тот заключил с Атанагильдом договор и приказал сво-

ему полководцу Либеру, только что восстановившему полный контроль Византии над Сицилией, немедленно высадиться в Испании. Агила потерпел поражение в сражении под Севильей и был убит своими же воинами, которые в 554 г. восторженно признали своим королем Атанагильда, верного слугу Римской империи.

Таким образом римляне восстановили контроль над всем побережьем Тирренского моря, за исключением Прованса. Вестготское королевство хоть и признало власть византийского императора¹, но оказалось отрезанным от моря, поскольку территории, занятые при помощи византийских войск в ходе войны с Агилой, остались за византийцами.

Средиземное море, таким образом, вновь стало «римским озером».

Римской империи пришлось предпринять поистине титанические усилия для восстановления своих позиций. Ведь для достижения успеха ей пришлось воевать на нескольких фронтах: ей пришлось одновременно сражаться с остготами в Италии и с персами, которые по наущению остготов объявили империи войну, а также со славянскими племенами на Балканах. Византии удалось отразить их нападение и вынудить их покинуть ее пределы.

Одновременно с этой нескончаемой чередой победоносных войн в империи происходили изменения, затрагивавшие самые глубинные основы византийского общества; эта эволюция вела к преобразованию как самих общественных порядков, так и царивших в обществе нравов. Был принят документ, являющийся выдающимся образцом законотворчества всех времен и носящий имя византийского императора — кодекс Юстиниана.

Римская цивилизация вновь засияла во всем своем блеске и великолепии, и для увековечивания памяти об этом уникальном возрождении империи в центре Кон-

¹ Король вестготов Леовигильд, сменивший Атанагильда в 567 г., просил византийского императора Юстина II утвердить его вступление на вестготский престол.

стантинополя был воздвигнут храм Св. Софии, являющийся величественным памятником во славу Бога и Византии.

К моменту смерти Юстиниана империя была восстановлена, ее границы укреплены, правда, силы ее были в значительной степени истощены. А ведь впереди ее ждали новые конфликты и ужасные испытания.

Последующий за правлением Юстиниана период, с 565 по 610 г., является одним из самых тяжелых и угрожающих в истории Византии. Война разразилась со всех сторон: персы, славяне и авары обрушились на империю, а в 568 г. в Италию с севера вторглись еще и лангобарды.

Однако если смотреть глазами сегодняшнего исследователя, то нет оснований говорить о каком-то упадке или разложении; ничто не предвещало катастрофы. В конце концов империя восстановила свои позиции на Западе и имела в своем распоряжении мощные ресурсы: флот, позволявший поддерживать связь с Равенной, Испанией и Африкой, огромное национальное богатство и искусную дипломатию. Действовал в ее пользу и еще один немаловажный фактор: ее враги были не в состоянии договориться между собой и выступить против империи единым фронтом.

Тем не менее вскоре Византии пришлось вести тяжелые оборонительные бои и отступать на всех фронтах. Безусловно, самым важным событием рассматриваемого периода являлось вторжение лангобардов в Италию.

Вторгнувшись в Италию, лангобарды к 575 г. достигли Сполето и Беневенто, однако им не удалось взять ни одного крупного укрепленного города, будь то Рим, Равенна или Неаполь.

В это же время вестготы вновь захватили Испанию; под контролем Византии остались только Балеарские острова.

Но Средиземноморье еще не было утеряно: Римская империя по-прежнему контролировала Северную Африку, Сицилию и Южную Италию.

Вторгнувшиеся в Италию лангобарды были такими же типичными германцами, как и захватившие Британию англосаксы. Впервые Италия была захвачена настоящими «чужаками», у которых с римлянами не было ничего общего и войска которых коренным образом отличались от войск римлян и их союзников. Лангобарды опустошили страну, обобрали до нитки ее население, низведя его до положения поверженного противника. Оккупация Италии лангобардами была разительным контрастом с захватом этой же страны остготами Теодориха. Короли и герцоги лангобардов выбирались на собрании войска; все они были типичными германцами. Лангобарды жили еще при родоплеменном строе; в VI в. они находились на том же уровне развития, на котором бургунды находились в V в., и управление у них осуществлялось при помощи *родовых* институтов. Они жили по обычному праву; их законы, правила общежития и общественные порядки в целом никоим образом не подверглись сколько-нибудь серьезному римскому влиянию.

Ситуация складывалась в пользу лангобардов, поскольку Византия не могла выставить против них серьезные силы: у нее были связаны руки войной против персов и славянских племен, вторгнувшихся в пределы империи. Однако войска лангобардов представляли собой просто банды насильников и грабителей. Они не могли захватить укрепленные римские города и своей глупой политикой, безответственным поведением и бесконечными грабежами восстановили против себя и церковь, и франков.

Появление лангобардов в Италии способствовало сближению папства с Византией; папа был вынужден обратиться к императору за помощью, считая его единственной силой, способной защитить церковь от насилия и произвола. С этого момента находившийся в разрушенном Вечном городе папа стал его настоящим правителем, но правил он им в интересах Римской империи. Папа поддержал вступление на императорский

престол отвратительного Фоки (этот сотник в 602 г. был провозглашен императором восставшей против Византии римской армией, стоявшей на Дунае; после взятия восставшими Константинополя император Маврикий был свергнут и его место занял Фока). Папа Григорий Великий щедро осыпал византийского императора заверениями в своей верности и преданности. Сближению папы с императором содействовал и тот факт, что между папством и Византией, в значительной степени благодаря усилиям императора Юстиниана, не было конфликтов на религиозной почве со времен расхождений по вопросу об акакианской ереси (этот конфликт продолжался с 489 по 519 г.). Таких конфликтов не возникало вплоть до кризиса, вызванного спорами о монофизитском учении (этот спор продолжался с 640 по 681 г.). Избрание папы должно быть утверждено византийским наместником в Италии — экзархом. Это ясно свидетельствовало о подчиненном положении папы перед Византией. Папа по-прежнему жил *в империи* и рассматривался как ее подданный. Вторжение лангобардов также способствовало сближению Византии с франками, а во времена правления Юстиниана отношения между ними были откровенно враждебными. Окончившиеся неудачей походы в Галлию, предпринятые лангобардами в период с 569 по 571 г., привели к улучшению взаимопонимания между франками и Византией. В 576 г. римский сенат обратился к византийскому императору за помощью против лангобардов; поскольку император Византии мог послать весьма немного войск, он посоветовал сенату обратиться за помощью к франкам, а также попытаться откупиться от лангобардов, заплатив взятки золотом их герцогам.

В 574 г. лангобарды вновь напали на Галлию и были полностью разбиты; в результате они были вынуждены заключить мирный договор с правителем Бургундии Гонтрамном и его союзником Хильдебертом II, являвшимся правителем Австразии (восточной части Франкского государства Меровингов, время от времени обо-

соблаившейся в отдельное королевство; именно от правителей Австразии произошла династия Каролингов). Подобное развитие событий представляло серьезную угрозу для Восточной Римской империи.

Византийская дипломатия, никогда не скупившаяся на золото, попыталась расстроить отношения между франками и лангобардами, чтобы за счет этого сохранить за собой Италию. При поддержке папы император Византии вступил в переговоры с правителем Нейстрии (западная часть королевства Меровингов, так же как и Австразия время от времени обособлявшаяся в отдельное королевство), который в 581 г. сумел посеять раздор между Хильдебертом и Гонтрамном, подорвав союз между ними. В то же время живший в Константинополе претендент на бургундский престол Гондобальд был щедро снабжен золотом и направлен в Галлию, чтобы оспаривать право на престол у Гонтрамна. В это время герцог Грасульф из Фриули, получивший щедрое вознаграждение золотом, вступил в переговоры с Хильдебертом и его матерью Брунгильдой, которой византийский император заплатил в 583 г. 50 тыс. золотых солидов.

Герцог убедил Хильдеберта предпринять поход в Италию против лангобардов. Вынудив лангобардов заключить с ним мир, Хильдеберт покинул Италию, получив за свои усилия щедрое денежное вознаграждение.

К этому времени большинство лангобардских герцогов были подкуплены Византией. Те же, кто сохранил свою независимость, поняли всю опасность для себя союза византийцев с франками и в 584 г. восстановили королевскую власть, возведя на престол Аутари, который немедленно возобновил военные действия, и если бы не вмешательство византийского флота, то он мог бы взять Равенну и установить контроль над Равеннским экзархатом.

Однако Аутари представлял угрозу не только для Римской империи, но и для франков. Поэтому в 588—589 гг. Хильдеберт и его мать Брунгильда неоднократно

отправляли посланцев в Константинополь для обсуждения с императором Византии подготовки совместных военных действий против Лангобардского королевства.

В конце концов в 590 г. огромная франкская армия, возглавляемая 22 командирами-герцогами, напала на лангобардов.

В это время глава Равеннского экзархата предпринял поход против Аутари, укrywшегося в Павии. Королевство лангобардов было на грани гибели; его спасла несогласованность действий его противников. В это время закончилась война Византии с персами, и равеннский экзарх возобновил наступление на лангобардов, в результате которого были взяты города Альто, Модена и Мантуя.

Римская империя, получив в свое распоряжение свежие силы, тешила себя надеждами на восстановление контроля над всей Италией¹; чувствуя, что сил у нее для этого достаточно, Византия пошла на разрыв союза с франками. Это оказалось роковой ошибкой, имевшей катастрофические последствия.

Прекращение активных союзнических отношений между франками и византийцами положило начало целому ряду крупных военных успехов лангобардов. Более того, возобновившаяся война с персами и необходимость противостоять вторжению аваров в пределы империи вынудили Византию дать лангобардам практически полную свободу действия в Италии.

Франки, со своей стороны, решили особо не вмешиваться в ситуацию. Они предприняли лишь одну военную экспедицию в 662—663 гг., закончившуюся полной неудачей. Это была последняя военная экспедиция франков в Италию до вступления на франкский престол Карла Великого.

¹ В самой Италии подобный исход событий считали вполне возможным; так, в 590 г. аквилейский патриарх предложил отложить восстановление полного контроля Римской империи над Италией до разрешения его спора с римским папой относительно трех монашеских орденов.

После серии перемирий византийцы и лангобарды в конце концов заключили в 680 г. мирный договор, по которому Италия была разделена между Византией и Лангобардским королевством.

Несмотря на частичную неудачу в Италии, Римская империя по-прежнему сохраняла высокий престиж и пользовалась существенным влиянием. В 629 г. император Ираклий I одержал победу над персами и Дагоберт послал в Византию посольство, чтобы поздравить его с этой победой. Папа Григорий I Великий выступил в качестве посредника между византийским императором и католиками-вестготами. Эброин (ум. между 680 и 683) позволил паломникам-англосаксам пересечь территорию Галлии, убедившись, что они не являются «специально уполномоченными лицами для предпринятия каких-либо действий против императорской власти».

Нити всех политических и церковных интриг, которые плелись заинтересованными людьми, вели в Константинополь — крупнейший международный культурный центр того времени¹.

Короче говоря, несмотря на некоторые потери, Римская империя продолжала оставаться единственной мировой державой, а Константинополь был крупнейшим городом из всех центров существовавших тогда цивилизаций. В орбиту внешней политики империи входили все народы Европы; Византия также полностью контролировала внешнюю политику тогдашних германских государств, включая крупнейшее из них — Франкское. До VIII в. Римская империя была единственным источником, оказывавшим положительное влияние на историческое развитие. При этом не подлежит сомнению тот факт, что центр империи полностью переместился на Восток и она действительно, по сути, а не формально, стала Восточной Римской империей.

¹ Судя по всему, желающие стать врачами, а также врачи, которые хотели повысить квалификацию, приезжали в Константинополь изучать медицину.

Процесс роста влияния восточной части империи, непрерывно шедший со времени правления императора Диоклетиана, теперь проявлял себя все более и более очевидно. Это наблюдалось и в церковных отношениях, что часто приводило к опасным разногласиям и конфликтам.

Но мы не должны и преувеличивать. За исключением коротких периодов разрыва отношений между западной и восточной церквами, Рим оставался церковной столицей, и в те периоды, когда византийский император отказывался от поддержки того, что в Риме считали «восточной ересью», папа выражал полную верность и преданность византийскому императору, верноподданным которого он традиционно являлся.

Именно из Константинополя Византия распространяла свое влияние на Запад, которому нечего было этому влиянию противопоставить. Искусство, культура и нравы распространялись в западном направлении через Средиземное море. Византийская церковь создала себе прочную основу как в Риме, где находился целый сонм греческих монахов, так и по всей Южной Италии. Византийское влияние ощутимо чувствовалось в Испании и конечно же по всей Северной Африке. В Галлии существовали *сокровищницы для хранения национального достояния, включая королевскую казну*, напоминавшие византийские. Венеция все больше и больше подпадала под влияние Константинополя и перенимала некоторые его черты. Не зная Отцов Церкви Византии, мы ничего не поймем в развитии религиозной мысли на Западе. Конечно, когда в VIII в. византийский император стал официально именоваться на греческий манер *василевсом*, разрыв между греками и латинянами стал окончательным. Началом этого великого по значению и последствиям кризиса можно считать конфликт по вопросу о монофизитском учении, продолжавшийся с 640 по 681 г., а также, помимо прочего, и спор между иконоборцами и иконолюбями (первые не признавали икон), продолжавшийся с 726 по 843 г. А сколько было

взаимных обвинений в отступничестве и ренегатстве до того, как произошел окончательный разрыв!

Резко возросло влияние сирийцев в Риме; их становилось в городе все больше и больше, даже несколько римских пап были сирийцами. Безусловно, будущее было за византизацией Западной Европы, более или менее «разбавленной» ирландским и англосаксонским влиянием. Языковой барьер не имел никакого значения, поскольку превосходство одной культуры над другой было слишком велико. До тех пор пока Средиземное море оставалось средством открытого общения и взаимодействия между Востоком и Западом, преобладающее влияние Востока в этом общении было неизбежно. Именно через море, находившееся под ее контролем, Византия распространяла свое влияние по всем направлениям, причем это цивилизационное влияние шло от моря во внутренние районы как на западе, так и на востоке. Германское влияние к этому времени уже полностью себя исчерпало. В VII в. у лангобардов проходил процесс романизации. У англосаксов появился своего рода новый культурный центр, однако не следует забывать, что эта культура пришла к ним с берегов Средиземного моря.

Глава 2

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ ПОСЛЕ ВТОРЖЕНИЙ ГЕРМАНЦЕВ И СРЕДИЗЕМНОМОРСКОЕ СУДОХОДСТВО

1. Владение и пользование сельхозугодьями

Что касается управления людьми и территориями, то в этом плане вторжения германцев не оказали сколько-либо серьезного влияния на существовавший в Романии порядок вещей. Конечно, грабежи и насилие имели место. В работе «О Божьем провидении», написанной в Южной Галлии, нашествия и грабежи вестготов под

предводительством Атаульфа сравниваются с океанским потоком. Однако вслед за штормом наступил штиль. Паулиний из Пеллы, который был разорен в результате вторжений и покинул родные места, отмечает, что его спас один гот, который купил принадлежавшее ему небольшое имение, расположенное в окрестностях Марселя. Трудно подыскать более подходящий пример того, как грабежи и потрясения сменились общественным спокойствием, основанным на том, что интересы сторон были более или менее уравновешены. В данном случае речь шла о брошенном имении, но вторгнувшиеся в страну готы не стали захватывать и присваивать его. После того как германцы расселились на занятой территории в соответствии с уже упоминавшимся принципом «гостеприимства», или «римской трети», в обществе вновь воцарились спокойствие и стабильность. Но как проходил процесс оседания германцев на занятых землях? Можно предположить, что германцы воспользовались преимуществами своего положения, но процесс их расселения на новых землях прошел без каких-либо конфликтов и потрясений. Не было ни перераспределения земельных участков, ни введения новых методов пользования сельхозугодьями и ведения сельского хозяйства. Римские поселенцы, включая колонов, оставались привязанными к тем участкам земли, с которых они должны были платить налог. Но налог теперь платился не Риму, а германцам. Рабов завоеватели поделили между собой. Что же касается крестьян, то их положение практически не изменилось и никаких перемен они не почувствовали. Ни в одной части Римской империи не произошло такой смены системы владения и пользования сельхозугодьями и ведения сельского хозяйства, как в Британии.

Земли, принадлежавшие римскому императору, перешли в собственность германского короля и стали частью национального достояния германцев; более никаких изменений с этими землями не произо-

шло. Сохранились принадлежавшие римлянам крупные земельные владения в Галлии, Испании и Италии. По-прежнему сохранялись огромные земельные владения — *латифундии*, в одной из которых, к примеру, трудилось 1200 рабов. Крупные римские землевладельцы сохранили свои земельные владения — *виллы*, а также возведенные на них укрепления. Что касается земельных владений католической церкви, то они остались в распоряжении прежних хозяев без каких-либо изменений, причем этому абсолютно не помешал тот факт, что большинство германцев были в то время арианами.

Изменений не произошло даже у вандалов; они просто отобрали землю у прежних собственников. Вандалы поселились на тех же земельных участках, где раньше жили римляне.

Альбертини в своих исследованиях показал, что административно-территориальное деление на занятых территориях осталось прежним; также в Северной Африке и после захвата ее вандалами сохранилась практика взимания государственных повинностей в виде поставок оливкового масла для государственных нужд (в государственные закрома).

Если и имело место общинное землепользование и ведение хозяйства, которое не было известно Римской империи, то только на тех присоединенных к империи территориях, которые были расположены на ее самых северных окраинах.

Таким образом, в основном все осталось по-прежнему. Сохранение в прежнем виде земельных налогов (часть годового сбора урожая и др.) свидетельствовало о том, что каких-либо серьезных изменений, не говоря уже о потрясениях, не произошло.

Также не произошло изменений и в организации ведения хозяйства в крупных имениях. Они были вверены *нанимателям*, которые организовывали должным образом ведение хозяйства и забирали часть дохода у работавших на земле поселенцев — колонов.

С другой стороны, римская система землевладения полностью сохранилась, включая освобождение от податей или льготное налогообложение (римский *бенефиций*, отличавшийся от более позднего бенефиция в германских королевствах, когда земля предоставлялась строго на условиях выполнения определенных повинностей и услуг). Недавно найденные документы свидетельствуют о предоставлении земли в постоянное пользование (бессрочная аренда); вся система, таким образом, практически полностью осталась римской.

Крупные имения по-прежнему процветали. Григорий Турский упоминает некоего Кродиния, который в своем имении насадил виноградники, возвел хозяйственные постройки, создал целую систему сельхозугодий и передал их в дар епископам.

Папа Григорий Великий для того, чтобы навести порядок во владениях римской католической церкви, воспроизвел до мельчайших деталей прежде существовавшую систему землепользования.

Принадлежавшие церкви обширные земли управлялись *нанимателями (арендаторами)*, которые платили церкви арендную плату, чтобы таким образом монахи были освобождены от мирских забот и могли целиком и полностью сконцентрироваться исключительно на духовном.

Эти *наниматели*, как и выполнявшие аналогичные функции *управляющие* во владениях епископа Манского, расположенных в Ардене, в области Пуату (область на западе Франции на побережье Атлантического океана; упомянутые владения находились на территории нынешнего департамента Де-Севр), были мирянами; в их функции входило вовремя платить арендную плату, которую они вносили авансом, и вести соответствующий учет, насколько им это позволяли грамотность и компетентность.

Все повинности платились в основном в денежной форме, что свидетельствует о развитии товарооборота и активной продаже товаров на свободном рынке. Нет

никаких признаков того, что в то время существовало замкнутое натуральное хозяйство на дающих скудный урожай и доход землях.

В Провансе во время правления династии Меровингов система землепользования была полностью римской¹.

Здесь, судя по всему, имелись лишь небольшие угодья, обслуживавшиеся в основном колонами. С другой стороны, на севере Галлии мы видим большое количество *целины*. В картулярии (амбарной книге) св. Винсента из Макона приводится полный список *подвластных людей*, датированный периодом правления короля Гонтрамна (правившего с 561 по 592 г.); трудились в этом имении рабы и *зависимые*, выполнявшие повинность (типа барщины) в пользу владельцев.

По-прежнему в различные места в огромных количествах поставлялся хлеб. В 510 г. Теодорих направил большую партию в Прованс в связи с бедственным положением, вызванным там войной, а папа Григорий Великий ввел централизованную систему заготовок, хранения и поставок продовольствия на землях, принадлежавших церкви.

Крупные земельные владения того времени по-прежнему давали огромный денежный доход. В 593 г. Динамий направил из Прованса папе Григорию Великому 400 золотых солидов; два года спустя тот же папа ожидал прибытия из Прованса партии одежды и англосаксонских рабов, которых должны были купить в Провансе на доходы от сельхозугодий. Аналогичным образом в 557 г. римский папа Пелагий ожидал поставок из Прованса товаров, необходимых для облегчения тяжелого положения рядовых римлян.

Торговля пшеницей также развивалась успешно. Мы знаем, что папа Григорий Великий продолжал закупать зерно, несмотря на то что запасы и так были огромны.

¹ По мнению Ф. Килнера и Р. Бухнера, сельское хозяйство в то время по-прежнему процветало и приносило хороший доход.

Мы также можем убедиться, что в 537—538 гг. *сборщик податей на присоединенных территориях* (официальное название должностного лица в Римской империи, в обязанности которого входил сбор пошлин в присоединенных провинциях: Галлии и др.) делал крупные закупки зерна в Истрии; судя по всему, он торговал зерном на постоянной основе.

В захваченной вандалами Северной Африке продолжали выращивать хлебные злаки; именно поэтому она процветала и в таком виде досталась Византии, когда та восстановила контроль над принадлежавшими ранее Римской империи африканскими провинциями. Это, конечно, не означает, что ситуация в Галлии была хуже. Культура виноделия процветала там везде, как и при римлянах. Если внимательно прочитать Григория Турского, то мы не найдем у него ничего, свидетельствующего о каких-либо признаках упадка; крупные землевладельцы не могли бы быть столь зажиточными, если бы хозяйственная жизнь в Галлии не процветала.

Сохранение римской системы мер и весов, в частности римского фунта (327,45 г), является косвенным подтверждением экономической стабильности.

Что касается классового состава общества, то он остался таким же, как и прежде. В верхней части общественной иерархии находился класс *свободных*¹ (а точнее сказать, *свободные граждане знатного происхождения*), в который входила и крупная земельная аристократия (*сенаторы*)².

Класс свободных граждан, судя по всему, составлял в обществе меньшинство.

¹ Не следует занижать число свободных граждан, как некоторые пытаются сделать. Важнейшим признаком свободного гражданина являлась воинская и рекрутская повинность. И в своде вестготских законов (Вестготская правда), и в законах Эрвига на свободных граждан возлагается обязанность поставить под ружье десятую часть имеющих у них рабов.

² Сохранение древних и знаменитых сенаторских семей можно проследить на примере родственного клана последнего римского наместника в Галлии Сиагрия.

«Этажом ниже» в общественной иерархии располагались колонны, которых было особенно много среди вестготов, и освобожденные рабы (вольноотпущенники)¹.

Рабов было по-прежнему много. В основном это были военнопленные варвары: англосаксы и др.

Также сохранялось и городское население, о котором мы хотели бы сказать несколько слов.

В больших имениях существовали мастерские, в которых женщины пряли пряжу, а рабы и домашние слуги (фактически домашние рабы) занимались различными ремеслами. Но подобные мастерские уже существовали в последние столетия Римской империи (поздний период империи)².

Структура населения, определявшаяся с целью сбора налогов и податей, сохранилась, хотя налоговое бремя в значительной степени сократилось ввиду того, что расходы на военные нужды и аппарат управления практически сошли на нет. В этом смысле германцы принесли населению явное облегчение. В целом же крупные земельные владения продолжали оставаться важнейшим элементом общественной и хозяйственной жизни. Эти владения представляли собой реальную основу будущей феодальной системы. Но подчиненное положение большинства населения по отношению к крупным землевладельцам было пока что отражено только в частном праве. *Сеньор* пока еще не утвердил себя в качестве постоянно действующего звена между королем и его подданными. Более того, хотя общество по своему внутреннему составу и содержанию было в основном аграрным, оно не было исключительно таковым. Торговля и города по-прежнему играли в целом важную роль в хозяйственной, общественной, интеллектуальной и культурной жизни того периода.

¹ По мнению Верлиндена, колонны не играли сколь-либо значимой роли.

² Григорий Турский отмечает существование специальных женских помещений.

2. Мореплавание и торговля в Восточном Средиземноморье. Сирийцы и евреи

Если сравнить две части Римской империи, восточную и западную, то мы увидим, что греческая (эллинистская) цивилизация была более высокоразвитой, нежели латинская. Это известный, очевидный факт, на котором бы не хотелось специально останавливаться.

Греческая часть поддерживала контакты по морю с Венецией и всеми западными районами империи. В восточной части особую активность проявляла Сирия, находившаяся на пересечении караванных торговых путей из Китая и Аравии.

Сирийцы были выдающимися мореплавателями; их можно сравнить в этом плане с голландцами XVII в. Именно на сирийских судах доставлялись специи из стран Востока и ремесленные изделия из крупнейших восточных городов того времени — Антиохии, Дамаска, Александрии и др. Сирийцев можно было встретить не только практически во всех средиземноморских портах, но и в районах, удаленных от берегов Средиземного моря.

Во времена Римской империи сирийцы обосновались в Александрии, Риме, Испании, Галлии, Британии и даже на Дунае в городе Карнунт (недалеко от нынешней Вены).

Вторжения германцев ничуть не изменили сложившейся ситуации. Король вандалов Гейзерих, правда, своими пиратскими вылазками несколько затруднил торговое судоходство в Средиземноморье, но после него торговля и мореплавание процветали так же, как и прежде.

Известный христианский писатель Сальвиан (ок. 400 — ок. 484), безусловно обобщая увиденное им в Марселе, писал о том, что «среди оптовых торговцев ведущее место занимают вездесущие сирийцы, которые, опираясь на традиции предков, безусловно, главенствуют во всех торговых операциях».

Настоящий наплыв сирийцев в Средиземноморье подтверждается как археологическими данными, так и сохранившимися документами того времени, причем

последние дают более полное представление по этому вопросу.

В VI в. много выходцев с Востока можно было встретить в Южной Галлии. В Житии св. Сезара, епископа Арля (ум. 542), говорится о том, что он слагал церковные гимны и песнопения для этих людей. Их также было много и на севере Галлии; об этом можно сделать вывод из повествования Григория Турского об орлеанских торговцах, которые прибыли на встречу с королем, распевая песни и гимны. В Житии св. Женевьевы (ум. 512), говорится о том, что св. Симеон Стилит (ум. 460) расспрашивал о ней у приезжающих и уезжающих, «снующих туда-сюда купцов»¹.

Однако, помимо приезжающих и уезжающих купцов, было немало таких, которые постоянно обосновались в Галлии. Они упоминаются в письменных источниках, в частности в ряде сохранившихся надписей. Одна из таких надписей имеется в храме Св. Илии в Эвре, в устье Сены. В ней говорится об одном сирийце, и, судя по ее содержанию, он, вне всякого сомнения, торговал с Британией.

Среди этих купцов было много очень богатых людей, которые решили постоянно осесть в стране, где они сделали свои состояния. Григорий Турский упоминает о «крупном оптовом торговце», жившем в Бордо, у которого был роскошный дом с внутренней часовней; в ней хранились мощи, и купец предложил сначала сто, а затем двести золотых солидов, чтобы их у него не забрали. Другой купец, Евсебий из Парижа, «крупный оптовый торговец родом из Сирии», купил за деньги сан епископа и под предлогом исправления «недостатков в работе» своего предшественника набрал в епископат новых служащих исключительно из сирийцев. Мы, таким образом, видим, что в Галлии было очень много сирийцев, особенно в ее южной части.

В 597 г. население Нарбонна состояло из готов, римлян, евреев, греков и сирийцев. У нас нет данных о при-

¹ Круш, переиздавший это житие в наше время, считает его «не заслуживающим доверия»!

сутствии сирийцев в Италии, Африке и Испании, но нет никаких оснований полагать, что коль скоро сирийцев было в изобилии в Галлии, то в других местах ситуация должна была быть противоположной. Среди иностранных торговцев (*крупных заморских оптовых торговцев*), упоминающихся в указах Теодориха и своде вестготских законов, наверняка были сирийцы и греки. Из Жития святого отца эмеритского (город Эмерита располагался в Лузитании; сейчас это город Мерида на юго-западе Испании) нам известно, что греческие торговцы прибыли в Испанию морем с Востока (греческие *крупные оптовые торговцы* прибыли на судах с Востока около 570 г.)¹.

Прокопий Кесарийский отмечает, что в Неаполе во времена Велизария (Прокопий был секретарем этого восточноримского полководца) жил очень крупный и широко известный сирийский торговец Антиохий, который был руководителем римской партии в этом городе (объединявшей сторонников развития тесных отношений с Восточной Римской империей).

Из других источников нам известно, что сирийцев было много в окрестностях Парижа. Дюшен рассказывает о том, как священник-монофизит, путешествовавший по Галлии в 560 г., вошел в контакт с епископом Лиона св. Низьером (ум. 573), который позволил убедить себя в том, что византийский император Юстиниан I являлся несторианином (несторианство и монофизитство были осуждены официальной церковью как ересь).

В Галлии, безусловно, можно было наблюдать египетские влияния; именно этим объясняется популярность в стране египетских святых², а также то, что в храмах Галлии, столь же активно, как и в египетских, представляли убежище беглым людям (рабам, колонам и др.).

¹ Ряд источников упоминают о присутствии греков в Кордове (на юге Испании) в 585 г.; после того как в VI в. при Юстиниане эта область вновь перешла под власть Византии, контакты по морю между ней и Византией значительно возросли.

² Ряд источников, в том числе автор Жития св. Колумбы Адамнан, отмечают, что ирландские монахи приезжали в Сирию для изучения архитектуры монастырей.

Однако сирийцы и греки не были единственными представителями Востока в западных районах империи. Не менее многочисленны были и евреи; они появились в этих районах еще до вторжений германцев и оставались здесь и после вторжений.

В Неаполе во время осады города Велизарием среди торговцев евреи составляли большинство. Однако их было много уже во времена Теодориха; когда в Риме и Равенне католики уничтожили синагоги, король остготов вмешался и потребовал от них возместить нанесенный ущерб и за свой счет все отремонтировать. Позднее евреи появились в Палермо (598), Террачине (591), а также в Кальяри на острове Сардиния; об их многочисленности говорит тот факт, что во всех упомянутых городах имелись синагоги.

Евреи также были и в Испании, в частности в Мериде, причем местный епископ принимал их наравне с христианами.

В своде вестготских законов (Вестготская правда) евреи также упоминаются. Это упоминание ограничивается тем, что им запрещено вести пропаганду иудаизма. Мы видим, что их положение осталось таким же, как и во времена империи, поскольку согласно вестготским законам евреи жили по римскому праву. О том, что евреи были многочисленны, свидетельствуют принятые позднее законы относительно гонений евреев. В Италии ситуация была аналогичной. Однако благодаря Григорию Турскому мы располагаем наиболее полной информацией по этому вопросу применительно к Галлии. Евреи там жили в Клермоне, Париже, Орлеане, Туре, Бурже, Бордо и Арле. Больше всего их было в Марселе. Именно здесь искали они убежища от гонений. Представление об их численности дает тот факт, что в Клермоне не менее пятисот евреев приняли христианство. После VI в. положение евреев не изменилось. В Житии св. Сульпиция, написанном в середине VII в., говорится об их присутствии в Бурже.

Даже если местные жители и не любили евреев, власти последним особо не досаждали. Тем не менее

в 582 г. в Галлии по приказу короля они были силой обращены в христианство. Византийский император Ираклий просил Дагоберта о том, чтобы евреи были крещены. Некоторые согласились на это, другие же бежали в Марсель, где власти их не трогали. Иногда евреев обвиняли в кощунстве и святотатстве. В Бурже в первой половине VII в. многие евреи вняли убеждениям св. Сульпиция и приняли крещение. В Клермоне епископ Авит, не прибегая к принуждению, добился того, что многие из евреев крестились. Хильперих также заставил некоторых евреев креститься; когда один из них отказался, он был посажен в тюрьму. Однако папа Григорий Великий объявил выговор мирянам Арля и Марселя за то, что они пытались силой заставить евреев креститься; он также укорил епископа Террачины за то, что тот выгнал евреев из синагоги. «Их надо привлекать к себе добрым отношением», — говорил папа. Он даже запретил епископу Неаполя не допускать евреев к работе в дни религиозных праздников. Григорий Великий накладывал на евреев единственное ограничение: они не могли иметь рабов из числа христиан. Папа обратился с просьбой к Брунгильде принять закон, запрещавший евреям иметь таких рабов.

Некоторые городские советы, как, например, в Клермоне в 535 г., принимали постановления, запрещавшие евреям становиться судьями. Советы во время правления Меровингов не раз принимали решения, запрещавшие браки евреев и христиан, а также не позволяющие христианам посещать мероприятия и застолья, проводимые евреями. Кроме того что евреям было запрещено иметь рабов-христиан, в 614 г. был принят указ, не позволявший евреям публично выступать против христиан и подавать на них в суд.

В Испании после того, как Рекаред стал христианином, были приняты очень суровые законы против евреев. Вестготский король Сисебут (правивший с 612 по 631 г.) заставил некоторых евреев принять христианство,

за что был подвергнут резкому осуждению со стороны Исидора Севильского. Хрутела (правивший с 636 по 640 г.) издал указ, по которому отныне в его королевстве не должно было быть никого, кроме католиков. Рекесвинт (правивший с 649 по 672 г.) запретил евреям делать обрезание, чтить субботу и отмечать иудаистские праздники. Эрвиг (правивший с 680 по 687 г.) приказал евреям сменить вероисповедание в течение года; не сделавшим это грозила конфискация имущества и высылка из страны. Эгика (правивший с 687 по 702 г.) запретил евреям торговать с иностранцами и христианами. Вспыхнувшее народное восстание против евреев завершилось тем, что в 696 г. все евреи были объявлены рабами христиан. Исидор Севильский составил «Слово против евреев». Евреи предлагали взятку Рекареду, но тот отказался. Во время гонений при правлении Сисебута многие евреи нашли убежище в Галлии.

Некоторые евреи были мореплавателями или судовладельцами; другие — землевладельцами, сдававшими пахотные земли колонам; третьи — врачами. Но подавляющее большинство евреев занималось коммерцией, в частности ростовщичеством. Григорий Турский рассказывает о нескольких еврейских торговцах, продающих специи в Туре по явно завышенным ценам, причем делали они это при соучастии местного епископа. В Париже еврей по имени Приск был *приближенным* короля Хильпериха; он снабжал его специями, но также и ссужал деньгами, судя по тому слову, которое использует Григорий Турский, рассказывая о деятельности Приска¹. В «Путешествии Дагоберта»² упоминается

¹ Следует иметь в виду, что от слова *species*, используемого Григорием Турским, во французском языке произошли слова *épices*, означающее как «специи», «пряности», так и «магарыч», «навар», и *espèces*, означающее «золотые и серебряные монеты», а также «наличные»; латинское *species* имеет целый ряд значений: зрение; взгляд; внешность; видение, призрак; изображение, статуя; понятие, идея; идеал; образец, вид, разновидность; особый случай; товарная статья, статья в описи; специя, приправа, пряность.

² Не следует забывать, что эта работа была написана в XIX в.

крупный оптовый торговец Соломон, который был евреем. Но, без сомнения, большинство евреев занималось финансовыми операциями, и многие из этих финансистов были очень богатыми людьми.

Среди *крупных заморских оптовых торговцев*, упоминаемых Кассиодором, а также в своде вестготских законов, помимо сирийцев и евреев наверняка должны были быть и африканцы. Карфаген был одним из крупнейших городов того времени и являлся *перевалочной базой*, через которую суда шли на Восток; следует отметить, что обычай использовать верблюдов в качестве вьючных животных пришел в Галлию, скорее всего, из Карфагена.

Поскольку судоходство в Средиземноморье развивалось очень активно, жизнь бурлила в таких портах, как Бордо, Нант и Карфаген; в эти порты заходили суда с грузами, идущие через Адриатическое море на Британские острова (а оттуда привозили рабов-саксов), а также в Галисию (историческая область на северо-западе Испании; крупнейшие порты — Виго и Ла-Корунья). На судоходство вдоль бельгийского побережья, которое было весьма активным при римлянах, отрицательно повлиял захват Британии англосаксами, но оно по-прежнему продолжало функционировать. Такие города, как Тил, Дуурстед и Квентович, были там центрами морской торговли, которая, судя по всему, подпитывалась поставками фламандской одежды. Здесь, однако, торговля находилась в руках местных уроженцев¹. В Галлии находилось несколько важных средиземноморских портов. Помимо Марсея, это были Фос, Нарбонн, Агд и Ницца.

Организация торговли сохранилась такой же, как и при римлянах. Торговые суда подходили к причалу, и прямо на берегу разворачивались настоящие ярмарки и рынки. В Фосе, например, прямо у причала находились

¹ Находимые изредка англосаксонские золотые монеты, отчеканенные на юге, свидетельствуют о том, что определенная торговая активность в то время сохранялась.

торговые площади, принадлежащие государству (своего рода *государственные рынки*). Известно, что в Италии во время правления Теодориха многочисленные государственные служащие занимались регулированием торговли и контролем за торговыми операциями¹.

В Испании для *иностранных торговцев* также были отведены специальные рыночные площади, деятельность на которых регулировалась правилами, защищавшими интересы этих торговцев. В Карфагене после того, как над ним был восстановлен контроль Византии, были созданы *торговые комплексы*, которые использовались купцами как база для активной торговли через Тирренское море. Судя по имеющимся данным, было бы ошибкой считать, что торговля велась только *предметами роскоши*. Действительно, среди археологических находок в основном встречаются именно предметы роскоши, а в разделах вестготского законодательства, посвященных торговле, говорится о *крупных оптовых заморских торговцах*, привозивших для продажи золото, серебро, одежду и всякого рода *предметы роскоши*².

Нам известно и о многих других товарах, привозимых для продажи: слоновая кость из Египта, образцы которой сейчас можно увидеть в наших музеях; изысканно украшенное одеяние для ведения церковных служб, изготовленное в Саккаре (расположенной в Нижнем Египте близ древнего Мемфиса); кошель из Финикии, которые, как отмечает Григорий Турский, использовали практически все торговцы; восточные занавеси для украшения алтарей в храмах. Вне всякого сомнения, наиболее изысканные и дорогие предметы роскоши привозились с Востока; Константинополь являлся в то время таким же *законодателем мод*, как се-

¹ В материалах, подготовленных под руководством Кассиодора, приводятся правила взимания рыночных пошлин с *иностранных торговцев*.

² Именно так эти торговцы и названы в разделе XI свода вестготских законов.

годня Париж; известно, что предметы роскоши были очень популярны при дворе Меровингов. Существует ряд письменных источников, в том числе и сохранившихся документов того времени, доказывающих, что мужчины в то время так же часто носили шелковую одежду, как и женщины. А откуда было взяться шелку, если не с Востока? Его привозили из Китая, пока во времена правления Юстиниана по его приказу не было налажено производство шелка в Римской империи.

С Востока также поставляли и изысканные яства. Григорий Турский пишет о поставках сирийских вин из Газы. Эти вина завозились на Запад повсеместно и в больших количествах. Как пишет Григорий Турский, одна вдова из Лиона ежедневно приносила около восьми литров вина на могилу своего мужа. Он также свидетельствует о том, что в Туре была известная на весь город винная лавка, куда он посылал за сирийским вином всякий раз, когда к нему приходили гости. Наверное, именно об этом вине говорится в письме, направленном Дидье из Каора епископу Вердена Павлу, в котором он сообщает о посылке епископу десяти бочек фалернского; это, кстати, свидетельствует и о том, что наземный (сухопутный) транспорт функционировал нормально¹.

Упоминаются также и другие алкогольные напитки. В 597 г. папа Григорий Великий в одном из писем епископу Александрийскому высоко отзывается о напитке, который называли *когний* (очевидно, речь идет о крепком напитке, поскольку коньяк обозначается словом с тем же корнем: *cognac* (коньяк) и *cognidium* (когний). Судя по тому, что адресат письма находился в Александрии, этот напиток поставлялся именно александрийским торговцем.

Вне всякого сомнения, с Востока завозились также и продукты питания. Во время Великого поста аскеты даже питались горькими травами, привезенными из

¹ Фортунат также упоминает о вине из Газы.

Египта. Григорий Турский рассказывает об отшельнике, жившем в окрестностях Ниццы, который питался исключительно корнями растений, которые ему привозили из Александрии.

Это говорит о том, что торговля с Востоком не ограничивалась лишь поставками оттуда драгоценностей и одежды. Важнейшей статьей импорта восточных товаров были пряности, которые являлись неотъемлемой частью ежедневного рациона питания того времени. Нет никакой необходимости доказывать важность этой статьи восточного импорта. Римская империя получала всевозможные виды специй из Индии, Китая и Аравии. Именно на торговле этими товарами основывалось благосостояние и процветание таких городов, как Пальмира и Апамея; эти сирийские города активно развивались благодаря посредничеству в торговле между Востоком и Западом. Плиний Старший отмечает, что Римская империя тратила ежегодно на эти товары, получаемые из Индии, Китая и Аравии, сумму, составляющую эквивалент как минимум 100 млн сегодняшних франков (речь идет о 30-х гг. прошлого века; сейчас это около 150 млн евро). Эти товары распространялись по всей империи, и вторжения германцев в этом плане ничего не изменили. И после вторжений пряности не исчезли из пищи аристократической верхушки¹.

Некоторые данные о торговле пряностями мы можем получить из трактата греческого врача Анфимия, который был выслан из Византии в 478 г. и которого король остготов Теодорих направил послом ко двору короля Австразии Теудериха (старшего сына Хлодвига), правившего с 511 по 534 г.

Жалованная грамота, выданная корбскому аббату (настоятелю монастыря в Корби) 29 апреля 716 г. королем Хильперихом II, позволяет хорошо понять, как обстояло дело с торговлей этими товарами. Аналогич-

¹ По мнению Лота, Фистера и Ганшофа, восточные специи потреблялись только при королевском дворе, а также крупноземельной аристократией.

ные грамоты монастырь в Корби получил от Хлотаря III (правившего с 657 по 673 г.) и Хильпериха II (правившего с 673 по 675 г.). Король дает право монастырю получать товары из *кладовой государственного резерва* (казначейства) в Фосе (в государственном резерве хранились как продукты, так и материальные ценности); список этих товаров я обнаружил в этой же грамоте. Вот он:

- 10 000 фунтов (1 римский фунт = 327,45 г) оливкового масла
- 30 мер (1 мера = 238 л) приправы — *греческого рыбного соуса*
- 30 фунтов перца
- 150 фунтов тмина
- 2 фунта пряной гвоздики
- 1 фунт корицы
- 2 фунта нарда (гималайской валерьяны; из нее делали мазь)
- 30 фунтов *коста* (растение в Индии и Аравии — *costus arabicus*, — из корня которого приготавливали дорогую мазь; его также клали в подогретое вино для аромата — типа нынешнего глинтвейна)
- 50 фунтов фиников
- 100 фунтов смокв (плодов фигового дерева)
- 100 фунтов миндаля
- 30 фунтов фисташек
- 100 фунтов оливок
- 50 фунтов приправы *hidrio* (очевидно, название указано неверно; такого слова нигде не удалось обнаружить)
- 150 фунтов мелкого горошка
- 20 фунтов риса
- 10 фунтов *золотисто-красного сладкого перца*
- 20 кожур (*seoda* — кожура в оливковом масле?)
- 10 кож из Кордовы
- 50 листов папируса

Конечно, не все вышеприведенные наименования можно отнести к приправам, привезенным с Востока, например то же оливковое масло. Но большинство их, безусловно, относится именно к этой категории. Из этого документа мы можем сделать несколько выводов. Во-первых, что в государственной кладовой специй всегда было в изобилии, поскольку в предоставленной

монастырю грамоте не указывается, в какой именно день можно приходить за товаром; это своего рода открытая товарная накладная без даты, означающая, что прийти можно тогда, когда в монастыре сочтут нужным, и выбрать указанное количество товара. Опять же, мы навряд ли имеем основания полагать, что подобная щедрость демонстрировалась только по отношению к монастырю в Корби. Но даже если и так, то все равно приходишь к выводу о том, что приправы были столь неотъемлемой частью ежедневного пищевого рациона того времени, что даже монастырская кухня не могла без них обойтись.

На самом деле специи использовались столь широко, что король решил включить их и в рацион *послушников* монастыря в Фосе, выполнявших хозяйственные и другие работы, обеспечивавшие монастырскую жизнедеятельность. Они имели право на один фунт греческого рыбного соуса, одну унцию (римская унция равнялась 27,288 г) перца и две унции тмина. Таким образом, даже эти скромные служители испытывали потребность использовать в пищу перец столь же регулярно, как и соль. Получить положенное им *послушники* могли практически на каждом постоялом дворе или придорожной гостинице, а точнее сказать, на каждом пункте смены почтовых лошадей, другими словами, везде.

Аналогичную информацию мы находим и в *высочайшем королевском повелении*, дошедшем до нас благодаря Маркульфу. В этом документе упоминаются те же специи, что и в грамоте монастыря Корби. Я знаю, что, по мнению Круша, Маркульф просто скопировал грамоту Корби и представил ее как отдельный новый документ. Круш шутливо замечает, что королевские приближенные ничего этого в пищу не употребляли, и, безусловно, он прав¹.

¹ Следует отметить, что специи не входили в рацион приближенных короля и вообще официальных лиц в период правления Каролингов.

С другой стороны, навряд ли Маркульф стал бы включать в свой документ полный список упомянутых продуктов из грамоты монастыря Корби, если бы использование приправ не было повсеместным. Он считал их применение не редкостью, а обычной, широко распространенной практикой, и это тем более важно, что свой документ он готовил на севере Галлии. Более того, разве это доказанный факт, что Маркульф скопировал жалованную грамоту монастыря Корби?¹

Ведь в документе Маркульфа, помимо продуктов из грамоты Корби, также говорится о поставках мяса. И если он просто скопировал упомянутый документ, почему тогда в его документе отсутствует упоминание о папирусе?²

В любом случае как сама жалованная грамота монастырю в Корби, так и выводы, которые можно сделать на ее основе, свидетельствуют о большой важности торговли пряностями и их повсеместном распространении в эпоху Меровингов. И безусловно, то, что было характерно для Галлии, было также справедливо и для других территорий, расположенных на побережье Тиренского моря.

Другим важнейшим товаром с Востока, используемым повсеместно и в больших количествах, был папирус. Монопольным поставщиком папируса во все районы Римской империи был Египет; для повседневных нужд использовался именно папирус, а пергамент применялся для письма только в особо важных случаях. Письмо было широко распространено в западных районах Римской империи, как до, так и после вторжений германцев. Оно было неотъемлемой и важной частью всей общественной жизни. Знание письма было необходимо для правовой деятельности и государственного

¹ Шпромберг разделяет точку зрения Круша в данном вопросе.

² Что касается торговли специями в эпоху Меровингов, то она напоминает торговлю аналогичными товарами в городах Италии в XII в. и позднее. Как отмечает Григорий Турский, упомянутыми товарами торговали парижские торговцы.

управления, без него само существование государства было невозможно; то же самое можно сказать и о внутриобщественных отношениях, которые без искусства письма не могли нормально развиваться. У торговцев были специально нанятые помощники, в задачу которых входило *вести документацию четко, понятно и грамотно*. Огромное количество папируса использовалось для нужд государственного казначейства, судопроизводства, частной переписки, а также монастырских записей. Как мы видим, монастырь в Корби ежегодно потреблял 50 листов (*свитков*) папируса, которые он брал в *государственном хранилище* в Фосе. Вне всякого сомнения, суда, груженные только папирусом, регулярно посещали морские порты.

Упрек Григория Турского своим коллегам в Нанте в том, что их многочисленные оскорбления и поношения не смог бы вместить весь папирус, разгружаемый в Марселе¹, является ярким и эмоциональным свидетельством того, как часто и регулярно приходили грузы с этим товаром. Более того, папирус использовался также для изготовления фитилей для свеч, а вставки из промасленного папируса использовались в фонарях вместо стекла. Тот факт, что папирус можно было приобрести в торговых лавках в Камбре (город на севере Франции в нынешнем департаменте Нор), говорит о том, что он был доступен практически повсеместно. Следовательно, он являлся предметом массового потребления, и его поставляли оптовыми партиями из Александрии во все районы Средиземноморья. Доказательством этого служат, в частности, написанные на великолепной по качеству бумаге королевские грамо-

¹ Он пишет: «О, если бы ты нес свое пасторское служение в Марселе! Ты бы убедился, что только приправы и оливковое масло здесь разгружают столь же часто, как и папирус; суда привозят его из-за моря, давая нам возможность пользоваться этим благом и творить на нем, как творили наши предки. Так разве можно оставлять на нем то, что составит дурную славу, тем более когда стесненность в средствах и так не позволяет быть многословным и требует писать лишь то, что должно».

ты, сохранившиеся в Национальном архиве в Париже, а также некоторые фрагменты из частной переписки. Об этом же свидетельствуют остатки *ларцов круглой формы для хранения бумаг*, которыми пользовались частные лица и коих обнаружено бесчисленное множество, а также найденные документы, связанные с городским управлением и хранившиеся в *городских управах*.

Конечно, в северном климате хрупкий папирус довольно быстро разрушался; именно поэтому так мало его сохранилось до нашего времени. Однако этот факт не должен никого вводить в заблуждение относительно реального количества папируса, используемого в то время. А та богатая информация относительно его использования в Галлии, которой мы располагаем благодаря Григорию Турскому, не должна закрывать нам глаза на тот факт, что еще большее количество папируса наверняка потреблялось в Италии и Испании и что, соответственно, торговля папирусом процветала и там и он являлся важнейшей статьей импорта в эти страны.

Другим важнейшим товаром того времени было оливковое масло. Спрос на него был практически повсеместным; в первую очередь оно использовалось при приготовлении пищи — это говорит о том, что в Южной Галлии, а также в Испании и Италии практически все готовили на оливковом масле. Местных оливковых деревьев не хватало, чтобы удовлетворить имевшийся спрос, и масло приходилось завозить. Это было тем более важно, что храмы и монастыри в то время активно использовали оливковое масло — именно потому, что его было в изобилии, — для масляных светильников, поскольку восковые свечи тогда еще не применялись, к ним перешли позднее. Главным производителем оливкового масла в Римской империи была Северная Африка, и это положение сохранялось вплоть до нашествия арабов-магометан. Из Африки масло привозили в специальных *бочках* (похожие бочки использовали и для соленой рыбы). Король остготов Теодорих в

письме епископу Салоны (город расположен рядом со Сплитом в нынешней Хорватии)¹, написанном где-то между 509 и 511 гг. по просьбе торговца по имени Иоганнес, напоминает епископу о том, что ему были поставлены *шестьдесят бочек оливкового масла для наполнения светильников* и что торговец ожидает оплаты поставленного товара; из текста письма видно, что это рассматривается как *мелочь*, попросту говоря, как сущая безделица. Григорий Турский приводит интересную информацию о торговле оливковым маслом в Марселе²; так, он пишет, что у одного торговца украли прямо на причале семьдесят бочек оливкового масла, предназначенного для светильников. Жалованная грамота, предоставленная Хлодвигом III монастырю в Сен-Дени (северный пригород Парижа на Сене) в 692 г. и продленная в 716 г. (а впервые она была дана монастырю еще Дагобертом I, умершим в 639 г.), давала право на ежегодную субсидию в сто *золотых солидов*, на которые *королевские уполномоченные* могли приобрести в *кладовых государственного казначейства* требуемое для светильников оливковое масло в соответствии с наличием *необходимого количества вьючных животных для его перевозки* (солид — римская золотая монета; цены в солидах в VI в. были примерно следующими: раб стоил от 12 до 20 солидов; 6 телег оливкового масла — 100 солидов; маленький крестьянский двор — примерно 20 солидов; лошадь — 6 солидов; бык — 2 солида; корова — 1 солид). В упоминавшемся документе, составленном Маркульфом, говорится, что обычно оливковое масло для светильников покупали в порту Марселя.

Оливковое масло, таким образом, попадало даже в северные районы Галлии. Это подтверждает упоминавшаяся жалованная грамота монастырю Корби от 716 г. на получение 10 тыс. фунтов этого товара. Это масло

¹ Текст письма был любезно предоставлен мне М. Кюгнером.

² Р. Бухнер в своем исследовании по Провансу, говоря о торговле оливковым маслом, ссылается на данные Григория Турского.

явно не было поставлено из Прованса, поскольку оно хранилось на *складах государственного казначейства*¹. За вывоз оливкового масла из Бордо взимался отдельный налог, это наводит на мысль о том, что оно попадало в Бордо из Марселя.

Все это позволяет говорить о том, что торговля с африканскими провинциями развивалась весьма активно. Как раз об этом свидетельствует и тот любопытный факт, что верблюды использовались в качестве вьючных животных в Испании и Галлии. А ведь попасть туда они могли только из Африки; использовать верблюдов таким образом римляне начали в своих североафриканских провинциях еще во II в. Вне всякого сомнения, в западных районах империи верблюды использовались в качестве вьючных животных еще до вторжения германцев. Григорий Турский говорит о том, что отступавшие войска Гондобальда бросили верблюдов и лошадей, *тяжело нагруженных золотом и серебром*. Более того, Брунгильду перед тем, как казнить, провезли перед войском на верблюде. Это все свидетельствует о том, что верблюды использовались для перевозки грузов в армии. В Житии св. Илии говорится, что епископа во время его путешествий всегда сопровождал верблюд. Король Вамба приказал привезти в Толедо руководителя восставших Павла верхом на верблюде *с обритой бородой, покрытого грязью и вшами, с нечесаными, всклоченными волосами, и единственной одеждой ему служила верблюжья шерсть, хоть как-то скрывавшая его наготу*².

Вышеизложенное явно свидетельствует о том, что сухоходство в Тирренском море осуществлялось очень активно, в первую очередь в направлении Востока и побережья Северной Африки. Карфаген, похоже, был перевалочной базой торговли Востока с Западом. Также

¹ Подсчеты Р. Бухнера, согласно которым в Фос ежегодно завозилось 200 тыс. фунтов оливкового масла, не могут восприниматься всерьез.

² В первоисточниках, рассказывающих об этом, используется именно слово «верблюд», а не «серна», как ошибочно полагает Дукан.

была развита прибрежная торговля вдоль всего побережья Италии, Прованса и Испании. Люди, направлявшиеся в Рим из северных районов, делали пересадку в Марселе, чтобы оттуда попасть в Порто, расположенный в устье Тибра. В Константинополь путешественники направлялись также по морю. Сухопутный маршрут по суше и по Дунаю использовался редко из-за препятствий, чинимых варварскими племенами. Существовал другой маршрут — через Равенну и Бари. Судя по всему, между Марселем и Испанией было очень активное морское пассажирское сообщение, как, впрочем, и грузовое. Термин *«профессиональный оптовый торговец»*, используемый Григорием Турским, говорит об интенсивности торгового судоходства. Мне кажется, можно утверждать, что судоходство после вторжения германцев как минимум осталось на том же уровне, что и во времена империи. После смерти короля вандалов Гейзериха пиратство на море практически прекратилось, о нем более нет никаких упоминаний, а торговля развивалась очень активно, причем ясно, что речь идет о торговле крупным оптом, причем в очень больших масштабах. В этом нетрудно убедиться, если посмотреть, что именно ввозилось в западные районы, с какой регулярностью и какую прибыль это приносило тем, кто этой торговлей занимался.

Марсель является единственным портовым городом, о котором у нас имеется столь избыточное количество информации, и, без всякого сомнения, это был один из крупнейших портов того времени. В Марселе были представлены различные национальности и культуры. О важности этого города говорит тот факт, что при разделе королевства король хотел сохранить контроль именно над Марселем. В городе было много евреев и сирийцев, не говоря уже о греках; встречались также и готы. В «Певтавианских анналах» (летописи, составленной очевидцем описываемых в ней событий) говорится о *крупном оптовом торговце* по имени Ботто, который был англосаксом. Судя по тому, что его сын умер в 790 г., Ботто

обосновался в Марселе в начале VIII в. — в то время, когда город находился в упадке. Население города, судя по всему, было весьма многочисленным, и в нем должны были по-прежнему сохраняться большие многоэтажные дома, наподобие тех, развалины которых существуют до сих пор в главной гавани Рима на Тибре — в Остии. Григорий Турский пишет, что в одном доме умерло восемь человек; это свидетельствует о том, что упомянутый дом, скорее всего, был жилым (многоквартирным). О многочисленности населения Марселя говорит и тот факт, что город продолжал оставаться крупным центром, несмотря на целый ряд эпидемий, которые обрушились на него, в частности, в период, когда городским епископом был Теодор (примерно с 566 по 591 г.). Пришедшее из Испании судно завезло эпидемию, которая продолжалась два месяца. Она распространилась и вглубь от побережья, достигнув окрестностей Лиона. Часто упоминаются эпидемии в Провансе, в Нарбонне. Описание эпидемии 598—599 гг., данное Псевдо-Фредегаром, напоминает о страшной «черной смерти» — эпидемии чумы в Европе в 1348—1349 гг.¹

3. Торговля во внутренних районах

Мы конечно же не можем утверждать, что восточные торговцы, будь то евреи или кто-то еще, только лишь завозили товар с Востока на Запад по Средиземному морю. Безусловно, их суда возвращались с Запада на Восток также полные груза. Главным товаром, который везли с запада, были рабы. Известно, что и после V в. рабов активно использовали в домашнем и в сельском хозяйстве. Я лично склоняюсь к точке зрения, что германские вторжения лишь активизировали работорговлю, вновь сделав ее очень прибыльным занятием. Институт рабства был германцам знаком, и они наверняка привели с собой в пределы Римской им-

¹ Как говорится в хронике, «бедствие пришло в Марсель и распространилось по другим районам провинции, неся жителям тяжкие беды, сея смерть, опустошение и запустение».

перии немало рабов. А войны, которые они вели с варварскими племенами, жившими за Рейном, а также с лангобардами, лишь увеличили приток рабов.

С другой стороны, хотя церковь допустила рабов к церковным таинствам и разрешила им заключать брак, точнее сказать, обязала их к этому, что конечно же несколько облегчило их положение, но в то же время она не выступила против института рабства как такового и не подвергла его критике. Рабство было повсеместно распространенным явлением, рабы использовались не только в крупных имениях, но всеми, кому достаток позволял их приобретать. Отпуск рабов на свободу несколько не сократил их количество; рабы по-прежнему использовались повсюду, и их число только росло благодаря постоянному новому притоку¹.

Значительным источником рабов были варварские племена. Как отмечает Псевдо-Фредегар, Само пришел в страну вендов (древнейшее наименование славянских племен, скорее всего их западной ветви) с отрядами авантюристов-работоторговцев; в 623—624 гг. он наверняка занимался работоторговлей².

Работоторговцы приходили на территорию, где проживали венды, «за товаром»; аналогично тому, как варяги в IX в. приходили на Русь, чтобы увести в рабство славян; они при этом также брали и мех (в IX—XI вв. многие варяжские воины служили у русских князей, а варяжские купцы торговали на пути «из варяг в греки»: из Варяжского (Балтийского) моря по реке Неве в Ладозское озеро, затем по реке Волхов в Ильменское озеро, далее по реке Ловать, оттуда волоком к Днепру. С юга по этому пути, связанному с другими водными путями, везли: из Византии — вино, пряности, ювелирные и сте-

¹ В своде вестготских законов даже говорится о том, что рабы имелись в домах *бедняков*. Таким хозяевам отдавали проституток, которые не могли окончательно бросить свое ремесло и вновь пытались к нему вернуться; их специально хотели занять *тяжелым рабским трудом*.

² Фюстель де Куланж в своем исследовании сравнивает Само с руководителем крупной коммерческой компании!

клянные изделия, дорогие ткани, иконы, книги; из Киева — хлеб, различные ремесленные и художественные изделия, серебро в монетах и т. д.; с Волыни — шиферные пряслица. С севера возили: из Скандинавских стран — некоторые виды оружия и изделия художественных ремесел; из Северной Руси — лес, мех, мед, воск; из Прибалтики — янтарь). Венды были язычниками, поэтому продавать и покупать их можно было без всякого смущения, поскольку городские советы на территории варварских королевств препятствовали продаже за пределы королевств только рабов-христиан; последнее подтверждает тот факт, что рабов продавали иностранцам¹.

Само отнюдь не был единственным работорговцем; став правителем государства западных славян, он уничтожил нескольких франкских работорговцев, что привело к войне между ним и королем франков Дагобертом. Он был убежденным приверженцем монархической формы правления, как и варяги. С другой стороны, можно предположить, что он сам активно продавал оружие варварским племенам, как и торговцы-контрабандисты, несмотря на многочисленные официальные запреты. Что же касается торговли другими товарами, то, хотя Псевдо-Фредегар и называет Само и его подручных *крупными оптовыми торговцами*, мы не можем считать его профессиональным торговцем; однако не вызывает сомнения, что и он, и его «партнеры» были отъявленными авантюристами.

Кроме того, в Галлии продавались и рабы-мавры; других рабов привозили из Тюрингии, а также из Британии².

¹ Городской совет Шалона с 639 по 654 г. запрещал продажу рабов лицам, живущим за пределами Франкского королевства.

² По мнению Верлиндена, возможно, что рабов также продавали и в Испании. Св. Батильд выкупал рабов у «множества иностранных торговцев... недорого продававших «живой товар» очень хорошего качества». В Клермоне у хозяина по имени Сигивальд был раб из Тюрингии, который использовался при охоте на дикого кабана («у него был некий молодой раб по прозвищу Солдат»); это был именно раб, а не нанятый частный егерь, как ошибочно полагает в своем исследовании Гильермоз.

На рынке в Марселе продавалось много рабов из Британии; именно здесь папа Григорий Великий купил некоторых из них, чтобы отправить в Рим и крестить. Возможно, это были военнопленные, попавшие в плен в ходе войн между бриттами и саксами, проданные в рабство и отправленные в Галлию. Может быть, среди рабов, выкупленных св. Аманом (ум. 674 или 675) в Галлии, были люди и отсюда. Безусловно, рабы, привезенные каким-то работорговцем из окрестностей Камбре, о которых упоминается в Житии св. Гаутериха, также были по происхождению из северных районов, возможно в том числе и из Британии.

Рабов можно было купить в любой части страны. Григорий Турский пишет о рабах-саксах, принадлежавших работорговцу из Орлеана.

Псевдо-Фредегар свидетельствует о том, что Билигильда, ставшая женой короля франков Теодеберта, была куплена у *оптового работорговца* матерью короля Брунгильдой, которую, без сомнения, привлекла красота девушки.

С работорговцев взимался налог за *выставление товара на рынке и перевозку товара* в Аррасе и Турне. Таким образом, можно сделать вывод о том, что через эти города проходили маршруты работорговцев, которые и платили за это пошлину¹.

Всех рабов, захваченных во время налетов² работорговцами, такими как Само, а также привезенных из Британии, отправляли в средиземноморские порты³. Мы узнаем, что многих рабов выставляли для продажи в Нар-

¹ Тариф, согласно которому взималась пошлина в Аррасе, указан в *картулярии Сен-Васта*; он свидетельствует о том, что этот тариф в основе своей остался неизменным со времен Меровингов и в XII в. В тексте картулярии делается ссылка на *короля Теудериха*. В самом картулярии тариф приводится в разделе «Скот». Аналогичная картина наблюдается и с тарифом в Турне: там говорилось, что за продажу *раба или рабыни взимается одна унция золота* (римская унция равнялась 27,288 г).

² Ряд исследователей отмечают, что множество рабов-варваров, привезенных из густонаселенных германских провинций, были предназначены для отправки в южные страны.

³ Многие исследователи подробно рассказывают о работорговле в Марселе.

бонне. Упоминается и о продаже рабов в Неаполе, куда они, вне всякого сомнения, попадали из Марселя, который представлял собой огромный невольничий рынок¹.

Работорговлей занимались многие торговцы². В основном этим видом торговли занимались евреи. Городской совет Макона разрешил в 583 г. христианам выкупать рабов у евреев за 12 солидов и либо отпускать их на свободу, либо использовать в хозяйстве. Есть упоминания о работорговцах-евреях, действовавших в Нарбонне и Неаполе³.

Мы можем сделать вывод, что на побережье Тирренского моря велась существенная по объему и значению торговля рабами; нет никаких сомнений, что суда, привозившие с Востока на Запад пряности, шелк и папирус, назад везли рабов.

Следует отметить в этой связи, что из Галлии на Восток везли не только рабов, но также одежду, ткани, строительную древесину и, возможно, красильную марену — растение, из корней которого делали краску, в частности для тканей. Григорий Великий покупал одежду в Марселе и Арле и направлял в Александрию древесину, купленную в Галлии⁴.

В любом случае, исходя из активного оборота золота, можно утверждать, что экспорт с Запада на Восток был весьма значителен.

¹ В Житии св. Илии говорится, что он выкупал на свободу за один раз от 30 до 50 пленников «из вереницы, состоящей подчас из сотен людей, старательно собранных вместе, как мужского, так и женского пола, привезенных из самых разных мест; здесь и — подумать только! — римляне, ставшие рабами за долги, и галлы, и жители Британии, и мавры; однако из всех выделяются люди из германского племени саксов, они сгруппированы отдельно, их очень много, и на них покупатели буквально налетают со всех сторон».

² В правилах торговли рабами, принятых в Сансе, говорится в основном о покупке раба *работорговцем*; правила, принятые в Анжере, представляют, по существу, ордер на обыск для поимки рабов, бежавших от *работорговца*.

³ В исследовании Яффе-Ваттенбаха приводится несколько зарегистрированных в 593 г. случаев покупки евреем рабов-христиан.

⁴ Некоторые исследователи, хоть и с оговорками, упоминают о поставках тканей из Арраса.

Помимо внешней торговли, которая практически полностью контролировалась иностранными купцами, большую роль в экономике западной части империи играла внутренняя торговля. И здесь картина уже была иная. Конечно, как мы уже могли убедиться, и здесь большую роль играли евреи, а также сирийцы, постоянно обосновавшиеся в западных районах, в частности в Галлии, о которых мы уже говорили выше. Однако, несмотря на присутствие упомянутых иностранцев, на переднем плане во внутренней торговле все же были местные уроженцы. Причем является очевидным фактом то, что они были не просто владельцами торговых лавок, но настоящими профессиональными торговцами¹.

Анекдотическая история с торговцами Вердена, рассказанная Григорием Турским, очень характерна в этой связи: когда в первой половине VI в. город буквально умирал от бедности и жители жестоко страдали, бывший в то время городским епископом Децидариус одолжил у короля Теодоберта 7 тыс. *ауров* (золотых червонцев; 1 аур равнялся 100 серебряным монетам — сестерциям; позднее ауры были заменены уже упоминавшимися солидами) и распределил их среди жителей города, «чтобы они могли вложить их в торговлю, занятие которой уже сегодня дает большой доход и обеспечивает богатство». Здесь мы видим явное подтверждение того, что торговля развивалась очень активно².

И весьма примечательно, что епископ обратился к королю, чтобы содействовать оживлению торговли в городе, *позволяющей вернуть долги и нажить добро*; из этого можно сделать вывод, что хорошо развитая торговля была характерна для всех городов того времени.

Григорий Турский, помимо прочего, приводит следующий эпизод, который весьма показателен и позво-

¹ Как подчеркивает А. Допш, является большим заблуждением полагать, что внутренней торговлей занимались только иностранцы.

² Епископы занимались торговыми операциями в Нанте; а епископ Феликс расширил городской порт.

ляет лучше понять, как развивалась торговля в то время: «Во время, когда образовался дефицит товаров, торговец Кристофор из Тура узнал о прибытии в Орлеан судна, груженного вином. Он немедленно одолжил деньги у своего тестя, который, безусловно, сам был торговцем, купил всю партию и разместил вино на нескольких лодках. Затем он отправился верхом назад в Тур, но был убит сопровождавшими его двумя рабами-саксами». Здесь мы видим типичный пример корыстной спекуляции, которая не имеет ничего общего с практикой Средних веков. Этот Кристофор был наверняка крупным торговцем, то есть оптовым, и откровенно хотел «провернуть дельце», «ухватив» все имевшееся на рынке вино и таким образом монополизировав рынок. Важно отметить то, что действовал он в одиночку. В этой операции нет ничего, напоминающего деятельность торговых гильдий или обычный торговый оборот; это были сугубо индивидуальные действия торговца-одиночки римского типа¹. И, как отмечает Григорий Турский, другие торговцы также занимались аналогичными спекулятивными операциями.

Часто имели место случаи мошенничества. Григорий Турский рассказывает об одном купце, который на торговле поддельным вином заработал 100 золотых солидов, изначально вложив в дело *треть* этой суммы, то есть чуть более 33 солидов (1 солид равнялся 25 денариям, или аурам, и, соответственно, 2500 серебряным сестерциями; солид соответствовал своей реальной стоимости и оставался твердой денежной единицей, несмотря на некоторые колебания стоимости золота, до конца существования Византийской империи; от этого слова образовалось и одноименное французское слово *solide*, означающее «твердый», «крепкий», «прочный», «основательный», «надежный», «солидный»). Безусловно, это был розничный торговец.

¹ В VI в. торговцы действовали также и группами.

Вне всякого сомнения, профессиональные торговцы были и в Италии; об этом явственно свидетельствует упоминание о лангобардских купцах, подвизавшихся в армии. Это был самостоятельный общественный класс, представители которого жили продажей и покупкой товара. О том, насколько он был многочисленным говорит тот факт, что существовали специальные правила относительно прохождения ими военной службы.

Конечно, торговля была исключительно прибыльным делом. Можно не сомневаться, что грабители торговцев получали богатую добычу.

Однако есть и более точное подтверждение прибыльности торговли. На надгробье одного торговца из Лиона написано, что он «был утешением для страдающих и прибежищем для бедных»; из этого можно сделать вывод, что умерший был весьма богат.

В 626 г. торговец по имени Иоанн завещал часть своего имущества настоятелю аббатства Сен-Дени и нескольким храмам Парижской епархии. Поскольку этот акт был утвержден королем, можно предположить, что дар был весьма существенным. Фортунат составил надгробную надпись для торговца по имени Юлиан, который был известен тем, что щедро раздавал милостыню. В 651 г. настоятель аббатства Сен-Аган в Орлеане Деодобод завещал аббатству Сен-Пьер в Флерисюр-Луар расположенную в черте города собственность, которую он недавно приобрел у торговца; это говорит о том, что упомянутый торговец, очевидно, владел несколькими домами в городе¹.

Торговец по имени Родульф, чье имя упомянуто в одном из римских документов, безусловно, торговал во время правления Меровингов и, скорее всего, обслу-

¹ В документах городской управы имеется следующая запись: «У торговца по имени Павел унаследованы участки земли в городской черте... на этих участках расположены дома, в верхней части которых имеются жилые помещения, а в нижней совершаются церковные обряды, и там же проживает церковный служитель, помогающий священнику во время богослужений».

живал королевский двор. Григорий Турский упоминает и о другом купце из Комменжа, который, как я склонен думать, был владельцем различных торговых лавок¹.

Также упоминается торговец из Пуатье, который совершал поездки в Трир и Мец, где встречался с другим торговцем, продававшим и покупавшим соль, путешествуя по Мозелю на лодке. Есть достаточно свидетельств того, что вплоть до конца VII в. наверняка было много местных торговцев, помимо евреев и других купцов с Востока, причем эти местные торговцы были весьма богатыми людьми. Пройдет немало времени, прежде чем вновь появятся местные торговцы столь же богатые и успешные.

Можно сказать, что торговля, которая в Римской империи развивалась очень активно, осталась на таком же уровне и после германских вторжений; ни о каком спаде не может быть и речи.

А где осуществлялась торговля? Конечно же в городах. Согласно дошедшей до нас информации, *торговцы* обосновывались именно в городах; они жили и торговали внутри *городских укреплений*.

Города были центрами как церковной деятельности, так и торговли. Даже в северных городах, таких как Мо (северо-восточнее Парижа), имелись длинные торговые пассажи, подчас простиравшиеся до самых городских окраин².

Эти пассажи придавали городам итальянский вид, причем это касается и городов; расположенных на севере Галлии. Длинные ряды лавок образовывали своего рода торговый центр; как отмечает Григо-

¹ Григорий Турский пишет: «Карильф, который благодаря Божьей благодати добился большого богатства и могущества, владел хранилищами и многим другим в городе и оказывал помощь множеству людей, создав благотворительное общество помощи бедным горожанам, деятельность которого всегда была чрезвычайно активной».

² В Мо св. Фарон унаследовал «дома с внутренними двориками и участками для застройки, которые были расположены сразу за постройками, примыкающими к городским стенам».

рий Турский, это было особенно характерно для Парижа¹.

В городах, помимо торговцев, жили также и ремесленники, информации о которых, правда, у нас, к сожалению, немного. Св. Сезар говорит о том, что ремесленники находились, в частности, в Арле в VI в.²

Очень важное значение, судя по всему, имело производство стекла; в захоронениях времен правления Меровингов обнаружено много предметов из стекла, выполненных стеклодувами тех времен.

За порядок на рынках и сохранность товаров отвечал *надзиратель за соблюдением законов*, следивший, чтобы торговля велась в соответствии с действовавшими законами и правилами, и *защитник прав горожан*, следивший за тем, чтобы людей не облагали необоснованными повинностями и чтобы они в целом не становились жертвами злоупотреблений со стороны властей. В Равенне сохранились уникальные изделия, выполненные древними коллегиями ремесленников (ремесленники сначала сами добровольно объединялись в коллегии по производственной необходимости, а впоследствии их принудительно держали в коллегиях и не разрешали выходить из них, чтобы было легче собирать налоги).

Можно ли определить, каков был размер городов после вторжений германцев?

Мы обладаем лишь обрывочной и разрозненной информацией по этому вопросу. В Галлии городская территория внутри стен была весьма невелика; как считает Ф. Веркотерен, в окруженных стенами городах

¹ Григорий Турский говорит о *сети торговых складов и торговых помещений* в Комменже. Что же касается Парижа, то вот что он пишет о владениях известного торговца того времени Ледаста: «Издали бросаются в глаза изысканно отделанные дома, принадлежащие этому торговцу; они простираются во все стороны и хорошо видны внимательному взору». Он также говорит о домах, *расположенных вместе*; это означает, очевидно, что они были расположены в ряд друг за другом.

² Ф. Кинер в своем исследовании приводит его слова о том, что в городе находились «башмачники, золотых дел мастера и другие, владевшие искусством старинных ремесел».

жили максимум 6 тыс. человек, а порой и значительно меньше.

Плотность же городского населения была очень велика; можно сказать, что люди жили очень скученно, поэтому большие жилые многоквартирные дома, наподобие тех, что мы видим в Марселе, были не редкостью и встречались весьма часто; а в Париже дома строили прямо на мостах.

Города, расположенные на юге, были больше. Так, древний Фрежус (в том числе в описываемый нами период), судя по сохранившимся развалинам, был в пять раз больше, чем расположенный на этом же месте современный одноименный город (на юго-востоке Франции рядом с Лазурным Берегом). Ним занимал территорию в 320 га. Длина окружности возведенных римлянами стен вокруг Тулузы равнялась 3 км. А как отмечает Л. Гартман, во время правления Теодориха население Милана составляло 30 тыс. человек¹.

Города конечно же пострадали от германских вторжений. Мосты были разрушены; их заменили поставленные рядами, борт к борту, лодки. Однако сами города сохранились; более того, городские епископы восстановили разрушенное, и городская жизнь вскоре бурлила так же, как и до вторжений. Не вызывает сомнений, что города были не только центрами светского и церковного управления, но также и торговыми средоточиями страны. Экономическая жизнь развивалась здесь так же, как и в древние времена. Мы не встречаем ничего такого, что хоть отдаленно напомнило бы нам средневековые ярмарки, как, скажем, те, что были в Средние века в Шампани.

Ярмарки, конечно, встречались, но они были сугубо местного значения². Новые ярмарки возникли на севе-

¹ Судя по сборнику вестготских законов, в городах Испании было очень много проституток, как свободных, так и рабынь.

² В письме, направленном в период между 630 и 635 гг. епископу Каора Дидье (в городе Каор, или Кагор, расположен собор Сент-Этьен; город и одноименная прилегающая область известны тем, что здесь делается десертное красное вино, используемое в том числе и для цер-

ре; в частности, ярмарка в Сен-Дени, о которой впервые упоминается в 709 г.¹

Но они играли второстепенную роль. Согласно данным, собранным Л. де Вальдеавельяно, в Испании ярмарок не было. Мы также не встречаем упоминаний о тех маленьких рынках, которые были столь многочисленны в период правления Каролингов. Но это не является свидетельством упадка торговли. Этот вид деятельности отнюдь не был отсталым и слабо развитым; как раз наоборот. Рынки не играли сколько-нибудь заметной роли в городах по той причине, что там вели активную деятельность профессиональные торговцы, а сами города являлись постоянно действующими торговыми центрами. Именно тогда, когда торговля практически прекратилась, и были созданы специальные образования в виде упоминавшихся небольших рынков, призванные компенсировать недостаток снабжения населения необходимыми товарами, которые оно раньше приобретало через активно развивавшуюся торговлю. Причем профессиональные торговцы на этих новых рынках появлялись редко. С другой стороны, при чтении хроники того периода в изложении Григория Турского у нас не может не сложиться ощущения, что торговля в то время активно развивалась в городах. Там проводились *собрания* торговцев. О том, что она развивалась за пределами городов, никакой информации не имеется. Не следует относить к торговым центрам или местам расположения рынков те небольшие города, названия которых были выгравированы *чеканщика-*

ковных тайнств, названное по имени места производства *кагором*), говорится: «Здесь, в центре области проживания рутенов, в свободные от работы и праздничные дни собираются жители окрестных городов». В данном случае речь идет о ярмарках, проводившихся в нынешнем Родезе, который в то время назывался Сегодун и располагался на территории провинции Аквитания. Жителям Каора, расположенного примерно в 90 км от Родеза, запрещалось часто посещать упомянутые ярмарки ввиду опасности заражения чумой, пришедшей из Марселя.

¹ По свидетельству Левиллана, на которого ссылается в своем исследовании Ф. Веркотерен, ярмарка в Сен-Дени была организована в 634 или 635 г.

ми на монетах, относящихся ко времени правления Меровингов. Что действительно осталось при Меровингах от античного времени, так это *торговые пристани*, другими словами, места выгрузки, перевалки и хранения товаров, расположенные на пристани, но их никак нельзя считать рынками. Король облагал *рыночной пошлиной* — налогом на размещение товара на рынке и его перевозку — как непосредственно городскую территорию, так и сами торговые пристани¹.

По сути, это были старые римские рыночные пошлины, которые собирались на постоянной основе в отведенных для этого местах². Конечно же начались злоупотребления. Некоторые графы округов пытались самочинно устанавливать пошлины на территории своих округов к своей собственной выгоде. Король Хлотарь II был вынужден вмешаться и в 614 г. издал указ, подтверждающий, что на всей территории королевства действуют те же самые пошлины, которые были введены его предшественником.

Аналогичные послания направлял своим подданным в Испанию и Теодорих, стремясь таким образом предотвратить взимание фиктивных пошлин, наносящих серьезный ущерб *заморским торговцам*.

В рыночную пошлину был включен целый ряд налогов: *на размещение товара на рынке, на перевозку товара, на рассредоточение товара по торговым точкам* и т. д. Этот рыночный налог носил не экономический, а сугубо фискальный характер и был направлен на сбор в казну максимального количества средств. Судя по

¹ Согласно действовавшим налоговым правилам, упомянутая рыночная пошлина взималась «на территории города, и на территории городских укреплений, и на территории торговых пристаней, и на прилегающих к ним местах, где товары хранились и готовились к перевозке». Из указов Сигиберта III о торговле и налогообложении мы видим, что в его время существовала оптовая торговля, а налоги с торговли собирали специальные *сборщики податей*.

² В приложении Маркульфа к правилам торговли и налогообложения приведен список городов в бассейне Роны, в которых собиралась *рыночная пошлина*; это следующие города: Марсель, Тулон, Фос, Арль, Сожон, Валанс, Вьенн, Лион и Шалон-сюр-Сон.

всему, налог взимался главным образом в денежной форме. Король мог освобождать от этого налога аббатства, но в отношении других он никогда этого не делал, за исключением периодов серьезного экономического упадка. Рыночная пошлина собиралась исключительно в интересах короля и королевской казны. Объем собираемых средств был очень велик. В этом мы можем убедиться, посмотрев, каков был объем пожалований короля некоторым аббатствам в виде предоставления ежегодной ренты продуктами питания и другими средствами жизнеобеспечения, которые они могли получать со складов государственного казначейства.

Сбор этих налогов был возможен потому, что у короля имелись грамотные подданные, умевшие читать и писать; они и были сборщиками податей. Безусловно, они отдавали сбор налогов на откуп другим лицам, и, вероятно, именно по этой причине евреи получали право на сбор налогов, несмотря на возражения городских советов¹.

Из законов Теодориха мы узнаем, что в крупных портах имелись торговые лавки и склады; и непосредственно в таких портах постоянно находились и собирали налоги государственные служащие².

Что касается почты, то почтовое сообщение по-прежнему функционировало по всему бассейну Тирренского моря. По римским дорогам передвигался наземный транспорт. Вместо разрушенных старых римских мостов были созданы новые мосты из лодок. Органы власти, в чьей компетенции это находилось, настояли на том, чтобы вдоль берегов в устье рек с обеих сторон оставалось свободным водное пространство для прохождения барж, отмеченное специальным *мерным шестом*.

¹ Нам известно, что одним из таких сборщиков налогов был *торговец Соломон*, который наверняка был евреем. Он был *доверенным лицом* короля Дагоберта, и именно ему Дагоберт уступил все средства, которые были собраны в качестве пошлины у одних из ворот Париза.

² Об этом мы уже говорили ранее, когда рассказывали о складах государственного казначейства.

4. Деньги и денежное обращение

Римский золотой *солид* — новая золотая монета, введенная при императоре Константине I (правившем с 306 по 337 г.), — к моменту вторжений германцев действовал в качестве денежной единицы на всей территории Римской империи¹.

Система денежного обращения, хорошо знакомая варварам, поскольку они уже некоторое время до вторжений получали субсидии от римлян, была оставлена ими без изменений и после вторжений.

На всех занятых ими территориях денежные единицы остались прежними. Короли германцев продолжали чеканить монеты с изображением римских императоров².

Ничто другое столь ярко не свидетельствует о сохранении экономической целостности империи. Лишить ее единой денежной единицы было просто невозможно. Вплоть до потрясений во время правления Каролингов по всей империи, от греческого (эллинистического) Востока до занятого германцами латинского Запада, придерживались в основном исключительно золотой денежной единицы — и этой денежной единицей был золотой солид. Сирийские мореплаватели, разгружая суда с товаром в портах Тирренского моря, могли убедиться, что там приняты в обращение те же золотые монеты, что и в портах Эгейского моря. Более того, в германских королевствах при чеканке монет на них делали те же изменения, что и в Византии³.

Фактически имел место золотой монометаллизм. Конечно, в хождении были и серебряные, и бронзовые

¹ Золотой солид, пущенный в обращение при Константине, весил 4,48 г; 72 солида составляли по весу один фунт. Стоимость золотого солида равнялась 15,43 французского франка середины 30-х гг. XX в. (около 70 сегодняшних американских долларов).

² По мнению исследователя Гуннара Миквица, нет никаких оснований говорить о том, что в IV в. в империи существовало натуральное хозяйство.

³ Когда в конце VI в. символ победы на византийских монетах был заменен крестом, на монетных дворах Марсея и других городов сразу же стали делать то же самое.

монеты, но нельзя согласиться с А. Допшем, делающим на этом основании вывод о введении биметаллизма — денежного обращения, основанного на двух основных металлах: золоте и серебре. Официальной валютой было золото. Денежная система варварских королевств была римской. А система денежного обращения, основанного только на серебре, — серебряный монометаллизм — была введена уже во время правления Каролингов в Средние века.

Единственное исключение составляли англосаксы — у них главным денежным металлом было серебро. Однако большое количество золотых монет имело хождение на юге Британии — то есть как раз в тех районах, которые вели активную торговлю с Галлией, и есть все основания полагать, что эти золотые монеты были отчеканены на монетных дворах государства Меровингов.

В королевстве Мерсия, наиболее удаленном от Галлии, обнаружены только серебряные монеты, причем на некоторых из них изображены рунические надписи. Короли династии Меровингов чеканили монеты, скопированные с византийских; их выпуск прекратился во время правления императора Ираклия (610—641) — первого византийского императора, вступившего в открытые боевые действия с арабами.

Как правило, такие монеты с первого взгляда можно отличить от настоящих имперских монет. С другой стороны, все эти «якобы византийские» монеты столь схожи друг с другом, что невозможно сказать, какие отчеканены вестготами, какие бургундами, а какие франками. Именно экономическая необходимость заставила варваров сохранить римские деньги. Это подтверждается тем, что именно в крупнейшем торговом порте Марселе и прилегающих к нему районах византийские монеты копировались дольше, чем где бы то ни было. На этих монетах имена франкских королей выгравировывались редко. Впервые монета с франкским королем появилась, когда Теодеберт I вел войну

в Италии против войск императора Юстиниана в 539—540 гг.; появление подобной монеты вызвало большое разочарование описывавшего эти события Прокопия Кесарийского. На этих монетах также присутствует надпись «победитель», которая на римских деньгах встречалась редко и была скорее исключением. Эти монеты настолько лучше по качеству исполнения, чем любые другие франкские монеты, что М. Пру в своем исследовании делает предположение о том, что они были отчеканены непосредственно в Италии во время похода Теодоберта или даже после завершения похода на территории тех районов, над которыми он сохранил контроль. Только во время правления Хлотаря II (с 584 по 629 или 630 г.) на монетах, отчеканенных на монетных дворах Марселя, Вивьера, Валанса, Арля и Юзеса, имя византийского императора было заменено именем франкского короля. Вместо «Победоносный Император» стали писать «Победоносный Хлотарь».

В Галлии во время правления Юстина II (византийский император с 565 по 578 г.) сначала в Провансе, а потом и в других местах стали чеканить монеты равные по весу 3,92 г; византийский золотой *солид*, как мы уже говорили, содержал 4,48 г золота. Именно об этих *галльских солидах*, судя по всему, говорил в одном из своих писем папа Григорий Великий, отмечая, что они не имеют хождения в Италии.

Особенно много золотых монет чеканилось в королевствах франков и вестготов. Вандалы золотых монет не чеканили, а в королевстве остготов их чеканили лишь при Теодорихе. Это, вне всякого сомнения, говорит о том, что в королевствах остготов и вандалов имело хождение множество римских золотых монет. Относительно вандалов нам, по крайней мере, хорошо известно, что их королевство было очень богатым, а короли и их приближенные буквально купались в роскоши.

Чеканка монет по-прежнему оставалась под контролем королевской власти, но сама организация чеканки

на монетных дворах была, так сказать, децентрализованной. Короли вестготов организовали монетные дворы в нескольких городах¹.

В королевстве франков один монетный двор располагался непосредственно в королевском дворце, а другие — в различных городах. Однако монеты чеканились также и церковью, а чеканщиков вообще было великое множество. Без сомнения, это объяснялось способом сбора налогов.

Вот как объясняют это в своем исследовании Энгель и Серур: «Представлялось удобным разрешить лицу, отвечавшему за определенный налог, — арендатору, ведавшему добычей соли, управляющему королевским имением, казначею монастыря и т. д. — получать необходимые платежи или пожертвования в иностранных или старых монетах либо металлами вразвес и тут же делать из них находящиеся в обращении монеты, на которых стоит именное клеймо этого ответственного лица, являющееся гарантией того, что монета имеет соответствующую стоимость и стандарт качества. Помимо именного клейма чеканщика, на монете указывалось и место ее производства, чтобы была полная ясность относительно ее происхождения. А уже этими новыми монетами откупщик рассчитывался с казной, а также обеспечивал свои нужды».

Как считает А. Люшин, практика чеканки монет из сырья, полученного в виде пошлины, является римской традицией. Как он отмечает, чеканщики монет были не мелкими ремесленниками, а откупщиками.

Вместе с Люшином мы вполне можем исходить из того, что, несмотря на значительное рассредоточение мест чеканки монет и большое количество монетчиков, весь процесс находился под определенным контролем;

¹ При римлянах в Галлии монеты чеканились в четырех городах: Трире, Арле, Лионе и Нарбонне. Как отмечает в своем исследовании Ф. Лот, чеканщики сразу переплавляли золотые солиды, полученные в виде налогов, в золотые слитки. Этой практики придерживались еще в римскую эпоху.

именно поэтому не возникло хаоса и неразберихи в финансах, которые наблюдались в эпоху феодализма в Средние века.

Как считает Пру, чеканщики изначально были ремесленниками, работавшими на императорских монетных дворах, а потом они оттуда ушли и стали откупщиками¹.

На отдельных монетах, выполненных некоторыми чеканщиками, мы можем увидеть надписи «охраняется казначейством» или «охраняется императорской властью»; это говорит о том, что процесс чеканки монет находился под контролем казначейства. Монеты чеканились не только во многих городах, но также и *в сельских округах, крепостях и крупных земельных владениях*, это подтверждает предположение о том, что чеканка была связана со сбором налогов и податей. Совершенно невозможно предположить, как это делает Пру, что во всех этих местах располагались полноценные монетные дворы; тем более сам Пру признает, что чеканщики не были государственными служащими. После правления Пипина они встречаются уже очень редко; окончательно же эти чеканщики исчезли в 781 г., то есть именно тогда, когда прекратила существование римская система сбора налогов и пошлин.

В эпоху правления Меровингов не было случаев отказа в праве чеканить деньги².

Как отмечает преподобный Лен, церкви занимались чеканкой монет просто для того, чтобы мобилизовать имевшиеся у них ресурсы и обратить их в денежную форму. «Церковная чеканка монет, — пишет он, — представляла собой, как нам кажется, не столько реализацию права, пожалованного королевской властью, сколько использование возможности, имевшейся у священнослужителей и монахов, превратить свои сбережения и накопления... в денежную форму».

¹ По-моему, это вполне согласуется с тем, что написано в Житии св. Илии.

² Пру, однако, ставит это под сомнение.

Упомянутая постоянная чеканка золотых монет, а также имеющиеся у нас сведения о больших запасах золота, которыми обладали короли¹, церковь, а также частные лица², свидетельствуют о том, что на Западе запасы золота были очень велики и являлись основой богатства как частных лиц, так и государства. При этом следует иметь в виду, что на Западе не было золотых рудников, а предполагать, что все имевшееся золото было намыто из золотоносных песков, нет никаких оснований. Следовательно, золото попадало на Запад в результате торгового оборота и представляло собой ликвидный драгоценный товар, имевший повсеместное обращение, а коли так, то о каком «натуральном хозяйстве» может идти речь?

А разве мало дошло до нас сведений, подтверждающих вышесказанное!³

Епископ Тура Болдуин раздал бедным 20 тыс. золотых солидов. Золото широко использовалось для украшения одежды того времени; также большое количество золота находилось во владении частных лиц, что подтверждают многочисленные конфискации золота у них королями⁴.

Королевская казна, обильно подпитываемая налогами и податями, также росла и благодаря щедрым дарам и субсидиям, получаемым от византийских императо-

¹ В Гуарразаре, недалеко от Толедо, нашли несколько королевских корон из чистого золота, относящихся к VII в., что в любом случае свидетельствует о богатстве королевской казны в тот период.

² О том, что частные лица обладали большим богатством, состоявшим из золота и драгоценных камней, убедительно свидетельствует Григорий Турский в своей работе «История франков». Он, в частности, отмечает, что жена герцога Раухинга обладала драгоценностями, сопоставимыми по стоимости с теми, которые имел король.

³ Клосс в своем исследовании на эту тему не учитывает те документы и свидетельства, которые приводятся преподобным Леном.

⁴ О богатстве церкви свидетельствует преподобный Лен. В случае необходимости имевшиеся в церковной сокровищнице драгоценности обращали в деньги. Так, Григорий Турский рассказывает об одном епископе, который пожертвовал золотую чашу для причастия на чеканку золотых монет, чтобы заплатить выкуп подступившим к городу отрядам и спасти его от разграбления.

ров, которые иной раз могли пожаловать, например, 50 тыс. золотых солидов. Королевская казна на входе средств была подобна гигантскому насосу, который активно «всасывал» золото, а на выходе — не меньших размеров фонтану, который столь же активно его «расплескивал» в разные стороны; в королевских сундуках золото никогда не пылилось и не залеживалось. Выплачивались щедрые ежегодные ренты, готовилось приданое королевских дочерей, приносились дары друзьям и приближенным; щедро раздавалась милостыня бедным. Король также имел возможность давать деньги в рост, как было в случае с епископом Вердена; платить персональные пенсии нуждавшимся священнослужителям, как мы сейчас имеем возможность перечисления пенсий на личный пенсионный счет, предназначенный для пользования тем, на кого он открыт. Король снабдил деньгами св. Аманда, когда тот направился крестить франков. Король мог купить за деньги мир с варварами, как поступила Брунгильда, или же покрыть серебром свод собора Сен-Дени, как сделал Дагоберт; приобретать изысканные яства из Константинополя; покрывать расходы на государственный аппарат, а также на поддержку ученых и философов и т. д. и т. п. Я согласен, что часть этих средств составляла добыча, захваченная у побежденных германских и славянских племен; также это были византийские субсидии и дань, которую платили готы после окончания правления Теодориха, а позднее и лангобарды¹.

Но именно часть, поскольку эти поступления не могли обеспечить того изобилия золота, которое мы наблюдаем на Западе в то время. По моему мнению, только активная торговля могла обеспечить такой приток золота. Мы, таким образом, должны сделать вывод, что активная торговля между Востоком и Западом, шедшая в обоих направлениях, играла куда более важную роль, чем до сих пор считалось, и в первую очередь следует

¹ Мы видим, как в 631 г. претендент на престол Сизенанд предложил Дагоберту 200 тыс. золотых солидов за содействие.

отказаться от тезиса о том, что эта торговля сводилась к простому импорту за деньги товаров с Востока на Запад.

Некоторые исследователи объясняют наличие столь большого количества золота в королевских сокровищницах тем, что туда свозилось все золото, имевшееся в стране. В поддержку этой точки зрения Пру¹ приводит закон, действовавший во время правления византийских императоров Грациана, Валентиниана и Феодосия, запрещавший платить золотом варварам. Однако совершенно очевидно, что невозможно было навязать выполнение этого закона там, где существовали варварские королевства, независимые от власти императора. Как считает Люшин, золотой запас королей варваров состоял из римских золотых монет, а также изделий золотых дел мастеров. Если это было так, то никак нельзя предположить, что раз наполненный золотой запас Галлии можно было сохранить в таком же объеме от правления Хлодвига до Карла Мартелла, то есть в течение двух с половиной столетий. Необходимым условием этого были новые активные поступления золота в страну. А откуда оно могло взяться? Ясно, что только от торговых операций. Более того, короли варваров импортировали золото, и вестготские законы подтверждают ввоз золота в страну².

Григорий Турский рассказывает о том, как один король покупал золото в Константинополе, а из последующего повествования о кораблекрушении, произошедшего недалеко от Агда, можно сделать вывод, что золото перевозилось морем. Более того, не следует забывать, что продажа пшеницы также обеспечивала приток золота³.

¹ М. Лот, как и Пру, считает, что золото «вымывалось» из страны именно таким образом, то есть непосредственно в королевскую казну.

² Там, в частности, говорится: «Если заморские торговцы привозят золото, серебро, одежду, а также украшения и оружие, то они должны продавать все это соответственно их качеству и стоимости...»

³ Как свидетельствует Кассиодор, король остготов Теодорих направил послание жителям Истрии, в котором говорилось, что если у них нет пшеницы на продажу, то никакого золота они не получат.

В перечне налоговых ставок на товары, облагаемые *налогом на выставление товаров на рынке и их транспортировку*, указываются в числе прочих ставки на перевозку золота и рабов.

Мы уже ссылались на письмо папы Григория Великого священнику Кандиду, в котором папа просит его купить в Провансе одежду и рабов-англосаксов, платя за это галльскими золотыми монетами, которые папа ему направил, поскольку они не имели хождения в Риме.

На самом деле до нас дошло очень немного авторских работ, где описывалась бы торговля того времени, и если историки будут руководствоваться лишь литературными источниками и исследованиями, составленными в Средние века, то они вряд ли смогут сделать вывод о той поистине невероятной торговой активности, которая имела место в рассматриваемую нами эпоху. О развитии торговли можно судить по архивным документам того времени. К сожалению, практически все архивные документы времени правления Меровингов, за исключением нескольких королевских указов и частных писем и документов, исчезли. Так что нам надлежит просто рассуждать логически.

Наличие огромных запасов золота надо как-то объяснить. Если бы это количество постепенно сокращалось ввиду необходимости делать платежи за ввозимые товары, то общий золотой запас со временем должен был бы уменьшиться. Но ничего подобного мы не наблюдаем.

Одно можно сказать с уверенностью: денежное обращение в то время было очень интенсивным. Мы должны полностью отвергнуть точку зрения, что во время правления Меровингов люди вели натуральное хозяйство. Ф. Лот для подтверждения этой точки зрения приводит пример, что в Клермоне налоги платили хлебом и вином¹.

¹ При этом он ссылается на Григория Турского.

Однако этот же налог по просьбе епископа стал взиматься в денежной форме. Следует отметить, что это происходило в IV в., то есть еще во времена Римской империи, причем Григорий Турский, рассказывая об этом эпизоде, подчеркивает, что вмешательство епископа было актом доброты и милосердия. Это подтверждает то, что обычной практикой того времени, к которой и вернулись благодаря вмешательству епископа, было взимание налогов и податей в денежной форме. Нигде более Григорий Турский не упоминает о случаях уплаты налогов в отличной от денежной форме; все оплачивалось деньгами, а налоги королю выплачивались золотом.

Более того, денежное обращение было не просто интенсивным, а очень интенсивным; люди имели немалые деньги на руках и пытались использовать их к своей выгоде. Иначе никак нельзя объяснить тот факт, что многие люди, движимые честолюбием и тщеславием, предлагали королю крупные суммы денег за назначение их епископами. Существование откупщиков, купавших право на сбор налогов, говорит о том же. Григорий Турский приводит анекдотичный случай, правда с печальным концом, подтверждающий интенсивность денежных операций. Еврей Арментарий вместе с одним своим единоверцем и двумя христианами прибыли в Тур, чтобы получить по векселям деньги, которые они, безусловно являясь откупщиками, дали в долг под процент (*в рост*) графу округа Эномию и викарию Инуриосию, а также *городскому народному представителю с правом вето* Медарду. Теперь они хотели получить сразу весь долг. Высокопоставленные должники не нашли ничего лучшего, как пригласить своих кредиторов на обед, где те были убиты.

Судя по всему, вышеупомянутые кредиторы высокопоставленных лиц заработали деньги на торговых операциях. И следует иметь в виду, что они давали деньги в долг под процент: *в рост*. Это является подтверждением факта, имеющего очень большое значение, а

именно что в эпоху Меровингов процентные ссуды были официально разрешены. Все давали деньги в долг под процент, даже король; по его распоряжению процентная ссуда была выдана городу — речь, как мы уже упоминали, идет о Вердене.

Согласно правилам Маркульфа, ссудный процент не должен был превышать *треть* ссужаемого солида, то есть не более 33,5%. Согласно бревиарию Алариха, следовало возвратить данную в долг сумму плюс не более чем 12,5%. Возможно, за период, разделяющий эти документы, произошло некоторое сокращение денежной наличности на руках у людей. Но можем ли мы с уверенностью утверждать, что в данном случае имеем дело с коммерческими процентными ставками?

Церковь, и это правда, регулярно запрещала священнослужителям и даже мирянам давать деньги в долг под ростовщический процент; это говорит о том, что процентная ставка по кредитам имела тенденцию к повышению. Ростовщичеством в основном занимались евреи¹.

Как мы уже отмечали, евреев было очень много среди откупщиков, собиравших налоги и рыночные пошлины, причем настолько много, что церковные соборы выражали протест и недовольство по этому поводу. Евреи встречались и среди монетчиков; на некоторых монетах выгравированы их имена. У них, как и вообще у всех ростовщиков, была очень широкая клиентура. Помимо сборщиков налогов, это были, вполне вероятно, и *управляющие* церковными землевладениями, которые также отдавали свои обязанности на откуп. Торговля тоже в значительной степени за-

¹ В Клермоне священник Ефразий, который был сыном сенатора, предложил королю за назначение его епископом деньги, которые он одолжил у евреев; как отмечает Григорий Турский, одолживший ему деньги был «еврей, являвшийся очень крупным оптовым торговцем специями». Епископ Каутин «находился в очень тесных отношениях с евреями и был их подставным лицом»; такой вывод Григорий Турский делает на основании того, что этот епископ брал у евреев в долг, а также покупал у них предметы роскоши.

висела от возможности взять кредит. Сидоний Аполлинарий рассказывает об одном должностном лице (*глашатае*) в Клермоне, который поехал с взятыми в долг деньгами в Марсель, купил там импортный товар, вернулся в Клермон, продал все в розницу и не только рассчитался с кредиторами, но и получил отличную прибыль.

Это, безусловно, был пример той самой *бесстыдной наживы*, которой церковные соборы запрещали священнослужителям заниматься¹.

Все вышесказанное ясно свидетельствует о том, что экономическая жизнь в Римской империи активно развивалась в эпоху Меровингов по всему бассейну Тирренского моря, поскольку не вызывает сомнения тот факт, что происходившее в Галлии должно было иметь место и в Африке, и в Испании.

Все характерные черты прежней экономической жизни были налицо: преобладание торгового судоходства с Востока, ввоз восточных товаров, организация и активная деятельность портов, сбор рыночной пошлины и других налогов, интенсивная чеканка монет и их столь же интенсивное обращение, ссужение денег в рост, отсутствие небольших рынков и большая торговая активность в городах благодаря деятельности профессиональных торговцев. Конечно, в области торговли, как и во всех других областях жизни, наблюдался определенный упадок, своего рода «откат назад», вызванный варваризацией нравов и манер, но в целом не произошло никакого подрыва экономической жизни империи и разрыва с ее традициями в этой области. Наоборот, торговая активность в Средиземноморском бассейне продолжалась и только нарастала, причем с удивительным постоянством. То же можно сказать и о

¹ В 538 г. собор, проведенный в Орлеане, запретил священнослужителям в сане выше дьякона «ссужать деньги в рост». В 626—627 гг. собор в Клиши распространил этот запрет вообще на всех священнослужителей, добавив при этом: «Любой христианин должен воздержаться от всего, что связано с ссужением денег с целью получить какую-либо прибыль».

сельском хозяйстве, которое продолжало оставаться основой экономической жизни. Но все же следует особо подчеркнуть, что наряду с ним торговля продолжала играть очень важную роль как в повседневной жизни (продажа необходимых всем товаров, таких как специи, одежда и т. д.), так и в жизни государства (рыночная пошлина, поступавшая в казну благодаря торговле) и в общественной деятельности (благодаря наличию торговцев и существованию по этой причине доступного кредита)¹.

Глава 3

КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ ПОСЛЕ ВТОРЖЕНИЙ ГЕРМАНЦЕВ

1. Сохранение античной традиции²

Совершенно очевидно, что после III в. в уходящей корнями в древность культуре и творениях человеческой мысли наблюдался упадок. Упадок был виден невооруженным глазом и наблюдался везде: в науке, искусстве, литературе... Создавалось впечатление, что сама человеческая мысль переживает период упадка, как бы опустившись на более низкую ступень. Повсюду наблюдались пессимизм и разочарование. Попытки Юлиана возродить дух Античности потерпели неудачу; гениальный порыв Античности уже не мог более существовать независимо от христианства.

В жизни христианской церкви сохранились традиции язычества, формы и внешнее облачение, присущие язы-

¹ После потрясений V в., безусловно, наступил период восстановления, характеризовавшийся, в частности, появлением большого количества возведенных памятников скульптуры и архитектуры, что было бы невозможно без очень высокого уровня экономического процветания.

² Данный раздел является лишь кратким обзором и не претендует на всестороннее и системное освещение данного вопроса; автор просто хочет показать, что после вторжения германцев древняя античная традиция, определявшая римскую культуру, сохранилась.

ческому периоду, которые не были адекватны новой жизни церкви. Прежние литературные традиции почитались и пользовались большим уважением. В них входили и поэзия Вергилия и его приверженцев, и проза ораторов. И хотя содержание было уже иным, но форма, сосуд, в котором оно подавалось, осталась той же. Христианская литература появилась значительно позже, чем христианское мироощущение и вероисповедание.

Официально оформленный и явный триумф христианства при императоре Константине не совпал с его действительным триумфом, который произошел еще ранее. Никакой оппозиции христианству более не существовало. Практически все стали приверженцами новой веры. Однако следует иметь в виду, что лишь небольшое число аскетов, а также мыслителей и думающих людей были искренне верующими. Многие объявили себя христианами и прихожанами христианской церкви исходя из личного интереса, будь то корысть или жизненная необходимость: люди, занимавшие официальные посты, такие как Сидоний Аполлинарий, сделали это, чтобы сохранить свое влиятельное положение в обществе, а бедные и нуждающиеся искали в христианской церкви прибежища и защиты.

Для многих людей того времени духовная жизнь уже не ограничивалась только античной традицией, их духовные потребности не могли быть удовлетворены лишь античными произведениями; но христианство пока не стало составной частью их духовной жизни. Поэтому нетрудно понять, что читали эти люди традиционную литературу, написанную в знакомых и привычных для них традициях¹.

Древние традиции школ грамматики и риторики по-прежнему играли главную роль в удовлетворении духов-

¹ Некоторые исследователи называют христианами тех, у кого ничего христианского, кроме имени, не было: Клавдий, Маробод, Флавий, Сидоний Аполлинарий. Другой характерной в этом смысле фигурой является Эннодий, родившийся, вероятно, в Арле; он был по образованию ритором и ничего, кроме риторики, серьезно не изучал.

ных запросов этих людей, воспринявших христианство внешне и формально и остававшихся равнодушными к его содержанию.

Вторжения германцев в западную часть империи не изменили этой ситуации, да и не могли ее изменить¹.

В самом деле, как они могли это сделать? Германцы не принесли с собой никаких новых идей, да и практически на всех занятых территориях — за исключением захваченной англосаксами Британии — латынь осталась языком общения и самовыражения. И в области языка, и во всех других сферах жизни германцы ассимилировались, практически слились с новой для них средой обитания. Такой же подход они демонстрировали к существовавшим общественным порядкам — в культурной, политической и экономической областях. Короли германцев никак не могли устанавливать здесь свои порядки, сколько-нибудь серьезно отличавшиеся от существовавших, коль скоро их окружение состояло из римлян — мыслителей, юристов и поэтов; без этого окружения они и просто управлять не смогли бы. Римляне готовили для них проекты законов и указов, писали официальные письма и послания и вели учет документов в государственной (королевской) канцелярии в соответствии с древними устоявшимися римскими правилами и традициями.

Короче говоря, они поддерживали существовавший порядок вещей. Упадок наблюдался и в их деятельности, и шел он быстрее, чем в других областях жизни, поскольку, и это следует понимать очень четко, варваризация имела даже более катастрофические последствия для духовной культуры, чем для культуры материальной. Процесс этот наблюдался во всех варварских королевствах, возникших в Западном Средиземноморье, и его можно назвать упадком внутри упадка, упадком внутри человека, живущего в обществе, находящемся в упадке.

¹ Р. Бухнер совершенно справедливо заметил, что продолжался период *поздней Античности*.

Посмотрите в этом аспекте на королевство остготов. Здесь все осталось таким же, как в Римской империи. Достаточно назвать двух главных советников Теодориха — Кассиодора и Боэция. А ведь и другие римляне играли немаловажную роль. Поэт Рустиций Эллидий, автор произведения «Поэма о благодетельном и милостивом Иисусе Христе», был врачом Теодориха и одним из его самых любимых подданных; он пользовался очень большим расположением и доверием короля остготов. Можно также упомянуть и Эннодия, родившегося, вероятно, в Арле в 473 г., который, хоть и стал в 511 г. епископом Павии, настолько придерживался языческих традиций в своих произведениях, что прославлял в них любовные похождения Пасифаи. Он был ритором, ставшим, так сказать, наставником духовного красноречия. От него мы узнаем, что школы риторики в Риме были столь же активно посещаемы, как и раньше. Где-то между 504 и 508 гг. он написал хвалебное произведение, посвященное Теодориху, причем написано оно было столь же высокопарным и напыщенно-вычурным языком, не говоря уже о крайне одностороннем содержании, как и им же написанная биография Антония, монаха из Лерина. Он также писал работы по грамматике, риторике, знание которой, по его мнению, «позволяет управлять вселенной», а также по основам христианского образования и воспитания. Он советовал молодым людям, желающим успешно завершить свое образование, посещать школы риторики в Риме, где преподавали выдающиеся риторы того времени; он также рекомендовал им брать уроки в доме одной женщины, которая, по его словам, была «столь же благочестива, сколь и умна». Насколько мы можем судить, подобная литература концентрировала внимание лишь на форме, а не на содержании; ее задача состояла в составлении правильных и хорошо оформленных фраз, а не в том, чтобы смотреть вглубь. Однако уже самим фактом своего существования она доказывает, что во времена Теодориха в высших слоях

общества было довольно много грамотных и образованных людей.

Бозций родился в Риме в 480 г.; он принадлежал к древнему и знатному роду Анициев. В 510 г., будучи консулом, он стал главным советником Теодориха, поручившего ему провести реформу системы денежного обращения. В 525 г. Бозций был казнен по обвинению в сговоре с Византией. Он перевел на латынь Аристотеля, а его комментарии к работам этого великого философа оказали большое влияние на развитие философской мысли и процесса познания окружающего мира в Средние века. Бозций также перевел на латынь «Исагогу» Порфирия и ряд работ греческих авторов, посвященных музыке и математике. Последней его работой, написанной уже в тюрьме, было «Утешение философское», в котором переплетаются христианство и характерная для Рима мораль стоицизма и готовности преодолевать любые трудности. Он был мыслителем и человеком большой силы духа.

Кассиодор родился около 477 г.; он был крупным землевладельцем знатного рода. Он служил главным советником Теодориха; его расположения и доверия он добился, написав работу, прославлявшую короля остготов. В 20 лет он был государственным казначеем и секретарем Теодориха, затем — консулом и руководителем его канцелярии. Даже после смерти Теодориха, во время правления Витигиса, он сохранил свое влияние при королевском дворе; однако после того, как регентшей стала Амаласунта (535), преобладающего влияния он уже не оказывал. В 540 г. Кассиодор ушел в отставку. Он решил оставить мирскую жизнь и сконцентрироваться на жизни религиозной; удалившись в свое имение в Вивариуме, на берегу залива Таранто в Южной Италии, которое его прадед в свое время защищал от вандалов Гейзериха, он организовал здесь Виварийский монастырь, где занялся сбором рукописей античных и греческих авторов. Именно по его указанию к их переписыванию были привлечены монахи,

что сыграло огромную роль в сохранении древней литературы, в том числе и античной классической. Возможно, идея сбережения культурного наследия в монастырях и превращения их в место прибежища культуры в целом была навеяна ему войной остготов с Юстинианом, из-за которой он не сумел основать в Италии школу изучения теологии, о чем давно мечтал.

Следует упомянуть и Аратора, поступившего на государственную службу при правлении Аталариха; Аратор стал *главным казначеем и управляющим королевским имуществом*. Он вступил в лоно церкви, скорее всего, во время осады Рима Витигисом, ища там убежища и пристанища. В 544 г. в церкви Сан-Пьетро-ин-Винколи он читал собравшимся прихожанам свою поэму «Деяния апостолов».

Венанций Фортунат родился где-то между 530 и 540 гг. Он изучал грамматику, риторику и право в Равенне. В 560 г. он направился в Галлию, где добился расположения короля Австразии Сигиберта и других влиятельных лиц. В Пуатье он познакомился со св. Радегундой, которая только что основала там монастырь Святого Распятия. Венанций Фортунат стал священником в этом монастыре, а умер он, будучи епископом Пуатье.

Его поэмы носили в основном характер хвалебных посвящений; наиболее значимыми из них являются произведения, посвященные королю Хильпериху, чьи таланты он прославляет, и королеве Фредегунде. Он превозносит римское красноречие Кариберта. Он воздает хвалу герцогу Лупию, римлянину, который привлек к службе в королевском окружении тех своих соотечественников, которые, подобно Андархию, были известны своими глубокими познаниями. Он приветствует красноречие Гога; а по случаю свадьбы Сигиберта и Брунгильды он написал стихотворное поздравительное посвящение, в котором фигурируют Купидон и Венера. Фортунат также написал надгробную надпись-посвящение Вилитуте — девушке, умершей в воз-

расте 17 лет, которая была по происхождению из варваров, но благодаря полученному образованию стала римлянкой. Он также являлся автором церковных гимнов и песнопений.

Бартений, получивший образование в Риме, был *руководителем канцелярии* Теодориха. Как свидетельствует Григорий Турский, его побили камнями, поскольку люди сочли его виновным за то чрезмерное и непосильное налоговое бремя, от которого они страдали. Бартений был человеком Аратора.

Римские риторы играли не менее важную роль и в окружении королей вандалов. Ритор и поэт Драконций написал хвалебную поэму «Благодарственное послание» королю вандалов Гунтамунду (правившему с 484 по 496 г.). Драконций был учеником преподавателя грамматики Фелициана; из его работ можно сделать вывод, что вандалы и сами посещали занятия по грамматике наравне с римлянами. Мы также узнаем, что земельные владения и имущество семьи Драконция, в отличие от многих его соотечественников, не были конфискованы вандалами. После изучения грамматики и риторики Драконций решил посвятить себя работе в области права. Впоследствии он был подвергнут репрессиям со стороны Гунтамунда, который бросил его в тюрьму и конфисковал все имущество из-за написанной Драконцием поэмы, в которой, по мнению короля вандалов, прославлялся византийский император, а Гунтамунд по сравнению с ним выставлялся в невыгодном свете.

При правлении вандальских королей Тразамунда (496—523) и Хильдериха (523—530) видную роль играли поэты, составлявшие цвет римской поэзии: Флорентин, Феликс Флавий, Луксорий, Мавортий, Коронатий и Калбулий. Эти поэты писали в языческих традициях древней Античности. В их произведениях прославляется *колонна с бюстом Тразамунда*, а также памятники, возведенные в Алиане; в них также упоминается знаток грамматики Фауст, который был другом Луксория.

Христианские мотивы перемешиваются в этих произведениях с откровенными непристойностями.

Представитель правящего слоя вандалов Сигистий покровительствовал поэту Партению и сам был поэтом. Мы также не должны забыть упомянуть Фульгенция, по профессии преподавателя грамматики, который писал свои произведения в Карфагене в течение последних двадцати лет V в. Его произведения были написаны высокопарным и малопонятным языком; они представляли собой набор фантазий и завуалированных параллелей с действительностью, навеянных мифическими сюжетами, поскольку лишь в такого рода произведениях можно было сохранить поблекшее и увядающее величие словесной формы, к которому по-прежнему стремились знатоки грамматики.

Подобное наблюдалось и у других германцев. Сидоний Аполлинарий пользовался огромным влиянием в королевстве бургундов. В окружении короля вестготов Эйриха было много риторов. Германские короли Вамба, Сизеберт, Хиндасвинт и Хинтила также были писателями. Такие авторы, как Евгений Толедский, Иоанн Бикларский и Исидор Севильский, писали на латыни, причем на хорошей латыни¹.

Говоря о франках, следует помнить, что король Хильперих сам был автором нескольких поэтических произведений, написанных на латыни.

Наконец, не следует забывать о влиянии Константинополя, который был центром просвещения, науки и искусства того времени. Помимо прочего, он был знаменит своей школой медицины, о чем неоднократно упоминает в своих работах Григорий Турский.

Короче говоря, германские вторжения никоим образом не изменили характера культурной жизни в Западном Средиземноморье. Хотя мы не можем сказать, что наблюдался расцвет литературы, но, по крайней

¹ Как считает Манитий, вестготская литература была лучшей среди всей германской.

мере, она продолжала существовать в Риме, Равенне, Карфагене и Толедо, а также в Галлии, хотя ничего нового в нее не было привнесено до того момента, когда стало реально сказываться влияние англосаксов. Упадок литературного творчества был налицо, но старая культурная традиция выжила и сохранилась. Поскольку по-прежнему творили писатели, то были, соответственно, и читатели, причем эти читатели были достаточно образованными людьми. Поэты льстили германскому королю так же, как раньше римскому императору. Они продолжали писать на те же темы, просто более скучно, вяло и безжизненно.

Традиции Античности сохранялись в культурной жизни и в VII в., о чем свидетельствует, в частности, то, что папа Григорий Великий упрекал епископа Вьенна Дидье в том, что он все свое время посвящает изучению грамматики, а также то, что в Испании до арабских вторжений был целый ряд историков весьма достойного уровня.

В то же время вклад германцев в эту культурную жизнь был абсолютно нулевым¹.

2. Церковь

Вполне естественно и очевидно, что положение церкви на Западе осталось таким же, каким было и до падения Западной Римской империи. Церковь является поразительным примером преемственности римских порядков и традиций, которые называют романизмом. Вера церкви в незыблемость империи укреплялась тем, что она считала Римскую империю воплощением воли Божественного провидения и наилучшим образцом человеческого общества. Священнослужители были все выходцами из римской аристократии, что обеспечива-

¹ Согласиться с точкой зрения Эберта о том, что произведения Фортуната отражают германскую культурную традицию и пропитаны германским духом, можно лишь в том случае, если заранее дать себе такую установку и убедить себя в этом еще до ознакомления с этими произведениями.

ло сохранение и развитие римской цивилизации¹. Лишь некоторое время спустя среди священнослужителей появились варвары.

Влияние церкви в обществе было огромным. Главным лицом в Риме был папа; а непосредственно в самом городе — епископ. У церкви искали поддержку и те, кто стремился сделать государственную карьеру, и те, кто пытался укрыться от бурь и потрясений того времени. И эту поддержку находили самые разные люди: от крупных землевладельцев и влиятельных людей, таких как Сидоний Аполлинарий или Авит, до тех, кто оказался в разорении и нужде, таких как Паулиний из Пеллы. Практически все писатели, о которых я упомянул чуть выше, закончили свои дни в лоне церкви.

Однако были и те, кто приходил в лоно церкви не по практическим соображениям, а по зову сердца, в котором жила вера. И в этом плане огромное влияние на людей оказал аскетизм, пришедший с Востока. Это влияние, носители которого своей жизнью показывали, как преодолевать искушения окружающего мира, чувствовалось на Западе с самых ранних времен и являлось одной из важнейших черт рассматриваемой нами эпохи².

Св. Мартин, родившийся в Венгрии и бывший епископом Тура с 372 по 397 г., основал в Лигюже близ Пуатье монастырь; произошло это в 360 г. Св. Иоанн Кассиан был монахом, сначала в Вифлееме, а затем в Египте и Константинополе; около 413 г. он основал монастырь Сен-Виктор в Марселе. А около 410 г. Гоноратий, ставший позднее епископом Арля, основал монастырь в Лерине, в административной области Грасс;

¹ Согласно статистическим данным, в VI в. практически все епископы Галлии были римлянами.

² Влияние монашества, пришедшего из Египта, в полной мере проявилось в Лерине. Здесь жил уроженец Британии св. Патрик, благодаря которому жители Ирландии в 432 г. приняли христианство. Благодаря ему же в Ирландии распространились традиции египетского монашества, оказавшие большое влияние и на религиозную жизнь, и на искусство.

именно в этом монастыре было очень сильно влияние египетского аскетизма, распространившееся в это же время по всей Галлии одновременно с монашеством, также пришедшим с Востока¹.

Варвары не предприняли никаких действий против монашества. Можно даже сказать, что вызванные вторжениями нарушения в общественной жизни содействовали росту монашества, поскольку многие люди тонкого душевного склада и утонченной культуры бежали под сень монастырей, чтобы найти там убежище от смятений и потрясений мирской жизни, переносить которые стало для них невыносимым. Кассиодор основал в одном из своих имений Виварийский монастырь; св. Бенедикт (Бенедикт Нурсийский, 480—543) основал в Монте-Кассино знаменитый монастырь и положил начало бенедиктинскому ордену; он ввел в монастыре приобретший широкую известность Бенедиктинский устав, который впоследствии активно поддержал папа Григорий Великий, предложивший распространить эти правила жизни монахов и на другие монастыри.

Монашество повсеместно распространялось от юга до севера. Св. Радегунда специально приехала в Арль, чтобы получить разъяснения относительно монастырского устава, разработанного св. Цезарием, который она ввела в основанном ею монастыре в Пуатье.

Св. Цезария вполне можно назвать типичным представителем своего времени. Он родился во влиятельной и знатной семье в Шалон-сюр-Сон и уже в двадцатилетнем возрасте, в 490 г., нашел пристанище в Леринском монастыре. Вся его жизнь является примером христианского подвижничества. С 502 по 543 г. он был епископом древнего города Арля, который Авсоний называл «Римом Галлии». Король вестготов Аларих II сослал его в Бордо. Позднее он вступил в контакт с королем остготов Теодорихом. Будучи свидетелем тех политических и экономических изменений, которые

¹ Григорий Турский упоминает о присутствии последователя св. Симеона Столпника в Эпозии (Ивуа).

происходили вокруг него, он считал папство символом исчезнувшей империи и был убежден, что папа должен играть ведущую роль в общественной жизни. Монашество было для него идеалом религиозной жизни; жизнь монаха должна быть посвящена благотворительности и богоугодным делам, проповедям, исполнению церковных гимнов и песнопений и наставлениям на путь истинный. Он организовал многочисленные съезды и объединения священнослужителей с целью осуществить преобразования к лучшему в церковной жизни. Благодаря ему средиземноморский город Арль стал центром церковной жизни в государстве франков. Практически все канонические правила, действовавшие во время правления Меровингов в VI в., были составлены именно в Арле и оттуда стали распространяться по всей территории страны. А библиотека духовной литературы, собранная в Арле, стала примером для создания аналогичных духовных сокровищниц и в других монастырях. В 513 г. папа Симмахий предоставил Цезарию право ношения *паллия* (элемент литургического облачения старших священнослужителей) и назначил его своим представителем в Галлии. В 500 г. он стал настоятелем монастыря, расположенного на одном из островов на Роне недалеко от Арля, в котором наблюдалась откровенная распущенность нравов, и разработал для него монастырский устав. Затем в 512 г. он основал в Арле женский монастырь, в котором в 523 г. уже было 400 монахинь. Он составил для этого монастыря устав, позаботившись при этом, чтобы этот устав не был слишком строгим; разрешались чтение, шитье одежды, исполнение церковных гимнов и песнопений и переписывание священных рукописей. Он добился того, чтобы покровителем монастыря был папа римский.

Его проповеди были просты и понятны всем, и он пользовался большой популярностью в народе. Он рассылал рукописи с комментариями по всей империи, и они оказывали большое влияние на мировоззрение жителей Галлии, Испании и Италии.

Св. Бенедикт был выдающимся религиозным деятелем в Италии VI в., как и св. Цезарий в Галлии. Он родился, предположительно, в Сполето, получил образование в Риме, а затем уединился в Субьяко. Вокруг него собрались единомышленники-аскеты. В 529 г. он обосновался вместе с ними в Монте-Кассино. Составленный св. Бенедиктом устав основанного им монастыря в немалой степени учитывал уставы, составленные Кассинием, Руфинием и св. Августином. Его устав не предписывал самообразования и приобретения новых знаний, хоть и содержал перечень книг, рекомендованных к чтению во время Великого поста. Устав представлял собой практическое пособие для повседневной жизни монахов, причем не был излишне строгим. Благодаря тому что монастырь располагался буквально по соседству с Римом, этот устав стал широко известен и приобрел поистине мировое значение.

Распространение монашества в тот период было просто невероятным по масштабу¹.

Короли², аристократы и епископы основывали монастыри. Выдающимися проповедниками монашества были св. Фруктуоз (ум. 665), являвшийся епископом в испанском городе Брага, и папа римский Григорий Великий.

Влияние монашества было особенно сильно в прибрежных районах Средиземноморья. Именно с монашеством, судя по всему, было связано принятие христианства язычниками, о чем мы узнаем из житий двух выдающихся уроженцев Аквитании — св. Аманда

¹ Св. Колумба (ум. 615) приехал в Галлию в 590 г. В VII в. был основан целый ряд монастырей, уклад жизни которых, особенно на севере Галлии, практически воспроизводил порядки в Люксейском монастыре. Этот факт важен, поскольку он показывает, что влияние распространялось не только со стороны Средиземного моря. Складывается впечатление, что Люксейский монастырь стал более знаменит, чем Леринский. Однако монастырский устав, составленный св. Колумбой, предусматривал слишком аскетичную жизнь и поэтому был заменен уже упоминавшимся уставом св. Бенедикта.

² Например, Сигиберт III основал монастырь в Ставелот-Малмеди.

(ум. 675 или 676) и св. Ремакля (проповедовал с 650 по 670 г.), которые были монахами и проповедниками Нового Завета — Евангелия, — поэтому их называли евангелистами.

Проповедники Евангелия, несшие христианство англосаксам, также были монахами. Эту подвижническую миссию возглавил св. Августин, который взял с собой 40 монахов. Они высадились в королевстве Кент в 597 г. на Пасху. К 627 г. христианство распространилось от Кента до Нортумберленда. К 686 г. христианство было принято всеми жителями Британии.

Таким образом, сфера влияния христианства и христианской церкви возникла на берегах Средиземного моря и далее двинулась на север, и этот процесс имел очень важные последствия. Проповедниками христианства были полностью романизированные и высококультурные люди, как, в частности, Августин и его товарищи.

В 668 г. папа Вителлий назначил архиепископом Кентерберийским Феодора из Тарса, получившего образование в Афинах. Феодора сопровождал его друг Адриан, уроженец Африки, который был ученым, знавшим как греческий, так и латынь, и изучившим много работ на этих языках. Именно Адриан с помощью единомышленников-ирландцев, принявших христианство еще ранее, распространял древнюю культуру и проповедовал христианство среди англосаксов.

Таким образом, Средиземноморье было обителью христианства того времени. Епископ Трира Никеций был уроженцем Лиможа; можно привести и еще целый ряд имен. Теодеберт I направил нескольких своих приближенных из Клермона в Трир. А наибольшее влияние на судьбы людей то время оказывал римский папа Григорий Великий. Как и Кассиодор, он был из знатного патрицианского рода. Начинал он как проповедник; затем, вдохновленный идеалами аскетизма, он продал свои имения и имущество и на вырученные деньги основал семь монастырей. Хотя он был мона-

хом, папа в 580 г. направил его своим послом — нунцием — в Константинополь. В 590 г. он сам стал папой римским. Умер Григорий Великий в 604 г. В своих работах он стремился к простоте и ясности изложения. Он с пренебрежением отвергал словесные изыски языческой риторки, считая их бесплодным пустословием. В то же время он был высококультурным человеком, прекрасно знавшим и риторику, и грамматику: просто для него содержание было намного важнее, чем форма. Поэтому в своих работах он решительно порвал с традициями классической риторики. Этот разрыв рано или поздно должен был произойти, и не только потому, что риторика того времени отдавала предпочтение форме в ущерб содержанию, но и из-за того, что аскеты требовали от церкви выполнять свое истинное предназначение и служить людям настоящим образом. А именно обращение к людям на понятном и доступном языке, который бы ясно выражал то самое важное, что церковь хотела до них донести, могло привлечь к ней людей. Ведь только идя навстречу друг другу, они могли стать единым целом.

Эвгиппий в своем Житии св. Северина отказался от языка и стиля, которые сделали бы работу слишком замысловатой для народа; он, наоборот, умышленно писал так, чтобы все было ясно и понятно. А св. Цезарий из Арля, по его собственному признанию, буквально наступал на горло собственной песне, стремясь писать так, чтобы его мысли были понятны даже малограмотным и совсем неграмотным людям.

Церковь, таким образом, пыталась приспособиться к реалиям окружающей жизни. Она воспринимала литературу как средство нести культуру людям, другими словами, как средство образования, поучения и воспитания.

Григорий Великий, как отмечает в своем исследовании Роджер, порвал с традициями древней литературы. Он выразил упрек епископу Вьенна Дидье за то, что тот уделяет много времени изучению и преподаванию грам-

матики, а также что он, будучи христианином, поет хвалу Юпитеру.

Таким образом, церковь, осознавая необходимость выполнять свое предназначение, стала использовать народную латынь, или, точнее сказать, латынь, освобожденную от риторических изысков и понятную обычным людям. Она стремилась писать на том языке, на котором в то время люди говорили, то есть на живом языке, понятном людям, не придавая при этом особого значения требованиям классической грамматики. Она рассказывала людям о жизни святых, чтобы поучать их на сотворенных святыми чудесах. Людям все должно быть доступно и понятно. Исидор Севильский (ум. 646) писал очень простым языком, но при этом его работы были основаны на глубоких научных знаниях. Он хотел донести до современников научные знания и достижения прошлого, хотел сделать прошлое доступным для современников. В его работах нет и тени прежних литературных традиций, классической латыни. В них приводятся факты, а также даются полезные советы. Его работы — это энциклопедия Средних веков, а он сам — энциклопедист, собиратель и хранитель знаний. Родом он был также с берегов Средиземного моря.

Таким образом, литература начала проникаться духом христианства именно на юге Романии. Да, возможно, по форме она была простоватой, но ее роль и значение по-прежнему были очень велики. Вполне можно утверждать, что она имела жизненно важное значение для людей того времени. Латынь, на которой писали, была языком общения мирян. И священнослужители, отказавшись от классических традиций, писали на этом языке специально для мирян, для того, чтобы миряне поняли то, что до них хотели донести. Иной была ситуация в Британии, поскольку латынь попала туда в своей ученой, классической форме; она использовалась лишь самими священнослужителями внутри церкви, в частности для церковных служб, но ничего не было сделано, чтобы язык этот стал понятен

людям, которые, как и прежде, продолжали общаться на германском.

Спустя некоторое время священнослужители попытались вновь вернуться к классической латыни, но эта попытка не имела успеха.

3. Искусство

Вторжения германцев не нарушили сколь-нибудь чувствительным образом развитие искусства в Средиземноморье. В искусстве влияние Востока не только сохранилось, но становилось все более и более преобладающим. Влияние культурных традиций Персии, Сирии и Египта становилось все более довлеющим по всей территории империи, в том числе и той, которая была занята варварами.

Это была своего рода антиэллинистская тенденция в искусстве, реакция на длительное преобладание древних античных традиций; ее можно сравнить с имевшим место в более позднее время всплеском романтизма как реакции на длительное преобладание классического искусства. В изобразительном искусстве это нашло выражение в более изящном, изысканном и утонченном представлении объекта, более частом использовании в качестве объекта животных, изображаемых в оригинальной форме, тяге к тонкому и необычному украшению объектов, в том числе скульптурных и архитектурных, а также к полному использованию всей цветовой палитры и игры цветовых оттенков.

Восточное влияние на Западе становилось все ошутимее, и Запад не мог ничего этому противопоставить. Этот процесс только усиливался по мере активизации торговых связей западной части империи с Сирией, Египтом и Константинополем. Именно те сирийские торговцы, которые специализировались на предметах роскоши, распространяли на Западе изделия с Востока из золота, а также из слоновой кости начиная с III в. Причем эти изделия доставлялись в самые отдаленные районы империи, в частности и на Британские острова.

Рост восточного влияния наблюдался и в церковной жизни; отражением этого был, в частности, рост монашества. А на Западе с церкви всегда брали пример — соответственно, восточное влияние преобладало и в других областях жизни, в том числе и в искусстве. В этом смысле германские вторжения ничего не изменили — «ветер с Востока» ничуть не ослабел¹.

Более того, можно сказать, что вторжения содействовали росту восточного культурного влияния, поскольку германцы, и более всего готы, во время пребывания на просторах Русской (Восточно-Европейской) равнины испытали на себе очень сильное восточное культурное влияние, которое достигло их через Черное море. Если посмотреть на их броши, воротники и другие детали одежды, кольца и золотые украшения, выполненные в технике клуазоне (перегородчатая эмаль), то сразу можно обнаружить влияние на эти изделия сарматского и персидского декоративного искусства вкупе с ярко выраженной культурой производства утвари времен бронзового века. Таким образом, германцы были носителями искусства, которое римляне называли *варварским* или *скифским* и которое было распространено в западных районах империи еще до германских вторжений. В частности, это подтверждается обнаруженными изделиями одного мастера из Лиона, который был уроженцем Комагены, расположенной в Малой Азии.

Местные мастера выполняли изделия очень искусно и в оригинальной манере. Однако зададимся вопросом: а были ли среди этих мастеров сами германцы? Из бургундских законов мы узнаем о наличии среди рабов золотых дел мастеров, в обязанности которых входило изготовление украшений для воинов и женщин; вне всякого сомнения, сначала этими рабами были греки, а затем римляне. И именно они распространили это ис-

¹ Некоторые исследователи наглядно продемонстрировали следующее: то, что мы называем меровингским искусством, на самом деле является лишь европейской разновидностью сарматского искусства, зародившегося в Центральной и Средней Азии.

кусство внутри империи во время вторжений; оно процветало и у вестготов, и у вандалов, и у бургундов¹.

По мере популяризации античных традиций варварское искусство постепенно отступало. Короли и крупные землевладельцы хотели чего-то лучшего, и они не могли себе представить, что может быть лучше, чем произведения искусства Римской империи. Хильперих показывал Григорию Турскому великолепные изделия из золота, подаренные ему римским императором, подчеркивая при этом, что у него есть золотое блюдо, выполненное по его заказу в Константинополе, и что он заказал еще «в честь славного франкского племени». Как отмечает Г. Цейс, характерная для германцев техника украшения *мотивами животных* исчезла очень рано и к VI в. чисто германская составляющая в вестготском искусстве была полностью исчерпана.

Обосновавшись в Романии, германцы, в отличие от ирландцев и англосаксов, не привнесли в ее культурную жизнь какие-то национальные самобытные традиции своего искусства. А у ирландцев и англосаксов, в отсутствие римского влияния, искусство сохранило национальные самобытные черты; то же самое можно сказать о законодательстве и общественных институтах. Однако британское влияние распространилось на Галлию значительно позднее: лишь в VII в. сюда проникли ростки ирландского искусства, а в VIII в. — творчество англосаксов².

Сохранилось несколько прекрасных, искусно выполненных образцов варварского искусства, которое, однако, значительно уступало сарматскому, на чьей

¹ Что касается вестготов, то, по мнению Д. Мартинеса, в развитии их искусства можно выделить три периода: готский — до 500 г.; вестготский — до 600 г., а затем уже византийский. Во время последнего периода германские культурные традиции растворились в местных и средиземноморских традициях культуры и искусства.

² По моему мнению, Брейе не прав, когда утверждает, что искусство и меровингской Галлии, и вестготской Испании, и остготской Италии, и лангобардов, и англосаксов, а также Скандинавских стран представляет собой единое культурное целое.

основе оно и возникло. Это доспехи Теодориха, экземпляр Евангелия, специально сделанный для Теоделинды, и алтарь в соборе Монцы, где он молился, а также короны Гварразара. В то же время трудно поверить, что упомянутые произведения искусства были выполнены варварами. Ригль и Цейс признают, что короны, судя по всему, были изготовлены римскими мастерами. Св. Элио, создавший целый ряд произведений искусства, был галло-римлянином. В подобных случаях мы не можем говорить о чисто германском искусстве; это, скорее, образцы восточного искусства.

О влиянии восточного искусства говорит тот факт, что изделия, выполненные из золота и слоновой кости, оптом завозились на Запад из Византий, Сирии и Египта. Как отмечает Доусон, ирано-готское искусство, которое привнесли с собой варвары, уже с середины VI в. во Франции, а в более южных районах и еще раньше, уступило место сирийскому и византийскому искусству, которое распространялось по всему бассейну Средиземноморья¹.

А один скандинавский исследователь указывает на явное влияние восточных мотивов на германское искусство англосаксов.

Культурное влияние Персии было представлено завозимыми на Запад персидскими коврами, которые достигли даже центральных районов Галлии².

Влияние коптской культуры Египта представлено главным образом изделиями из слоновой кости, выполненными в Александрии, а также текстильными товарами. Следует помнить, что, когда св. Гоноратий основал монастырь в Лерине в 410 г., монахи из Египта приехали и обосновались там.

¹ В своем исследовании Мишель рассказывает о множестве надгробных памятников и гробниц, возведенных в Галлии, которые являются типичными образцами сирийского искусства; из них особо выделяется гробница Боэция, епископа Карпентры.

² Сидоний Аполлинарий отмечает, что персидские ковры были широко распространены в Оверни.

Короче говоря, чисто восточное искусство, пришедшее на Запад по Средиземному морю, наложилось на варварское искусство, которое также в своей основе было восточным, и в этом взаимопроникновении и взаимодействии пришедшее с юга восточное искусство играло преобладающую роль, поскольку техника исполнения его изделий была более высокой.

Искусство Востока повсеместно заняло прочные позиции в Галлии, Италии, Африке и Испании. Оно являлось своего рода печатью, которую Византия поставила на культурную жизнь Запада.

Как считает Е. Бабелон, гробница Хильпериха была возведена византийскими мастерами, обосновавшимися в Галлии. Именно они создавали наиболее замечательные произведения искусства, а изделия их безыскусных учеников-варваров обычно были более грубыми. Л. Шмидт пришел к заключению, что образцы варварского искусства того времени были выполнены рабами из галло-римлян в германском, а значит, в восточном стиле¹.

Влияние Востока наблюдалось во всех видах декоративного искусства, а также в работе золотых дел мастеров. Изумительные ткани, предложенные Дагобертом монастырю Сен-Дени, были выделаны на Востоке. Папа Адриан (был папой с 772 по 795 г.) направил в базилики Рима («базилика» по-гречески и на латыни означает «царский дом»; представляет собой здание прямоугольной формы, разделенное колоннадами на несколько продольных отсеков — нефов; в форме базилики были выполнены многие христианские храмы) не менее 903 искусно выделанных и украшенных драгоценностями тканей. Эти шелковые ткани, будь они из Константинополя или из какого-то другого места, были вытканы и украшены в персидской технике ткачества².

¹ Об этом имеется упоминание в своде законов бургундов.

² Образцы этих тканей сохранились в церковных сокровищницах; в частности в храмах Санса.

Влияние искусства Востока мы наблюдаем и в украшении рукописей. В вестготском Галлоне экземпляра Священного Писания был разрисован попугаями, павлинами, мифическими существами — грифонами, львами и змеями, — что ясно свидетельствовало о том, в какой культурной традиции выполнена эта работа. Наблюдалось также и влияние армянского искусства.

Рукописи, распространяемые в VII в. ирландцами, наоборот, были украшены в национальных традициях, а также в традициях варварского искусства. Мы наблюдаем здесь смешение доисторических мотивов, оттененных местным колоритом, и восточных мотивов, безусловно позаимствованных из искусства Галлии.

В значительной степени подобным же образом развивалось и искусство мозаики. Мифологические и христианские сюжеты, используемые в галло-римский период, сменились листовным орнаментом и изображением животных; прекрасным примером подобного стиля являются сохранившиеся образцы сирийской и африканской мозаики V в. В храме Св. Хрисогона Трастeverского в Риме пол выложен мозаикой, являющейся «современницей» восстановления на папском престоле Григория III в 731 г.; рисунок представляет собой чередующиеся изображения медальонов с орлами и драконами посреди орнамента из листьев и роз. Аналогичным образом, фрагменты мозаики в храме Св. Генезия в Тьере, возведенном в 575 г. епископом Клермона св. Авитом, напоминают нам фантазии, навеянные персидскими мотивами. Как пишет Григорий Турский, «ничто лучше не передает то влияние, которое оказала культура Востока на меровингскую Галлию, чем этот небольшой памятник искусства не более метра в длину».

Такая же тенденция, судя по всему, наблюдалась и в орнаментальной живописи. Как отмечает Григорий Турский, Гондовальд увлекался живописью и проявил себя как *живописец*, специализировавшийся на расписывании домов. Из этого описания мы узнаем,

что частные дома расписывались яркими узорами и, вне всякого сомнения, в восточном стиле, в том же, в котором выполнялись и разукрашивались восточные ткани.

Храмы украшались с использованием всей цветовой палитры, причем большое значение имело изображение человека, и именно подобное изображение встречалось наиболее часто, как, в частности, на мозаике в храме Сан-Витале в Равенне. Папа Григорий Великий упрекнул епископа Марселя Серения в том, что тот уничтожил росписи в храме, поскольку, как объяснил папа, они служили для людей путеводителем веры¹.

Не следует считать, что в VI и VII вв. не наблюдалось активного развития искусства. Строительство объектов архитектуры шло повсеместно. Достаточно вспомнить такие важнейшие памятники архитектурного искусства, как храм Сан-Витале в Равенне. Все здания того периода возводились с присущими византийской традиции блеском и роскошью. В Клермоне епископ возвел храм, облицованный мрамором, в котором было 42 окна и 70 колонн.

Фортунат описывает храм в Сен-Жермене, построенный в 537 г.; в нем были мраморные колонны и окна с цветным стеклом, а в Житии Дроктовея говорится о мозаике и росписи в этом храме, а также о позолоченных пластинах, которыми был украшен купол.

Леонтий из Бордо около 550 г. построил девять храмов. Сидоний Аполлинарий в конце V в., в разгар германских вторжений, выражал сожаление в связи с тем, что практически ничего не делается для сохранения древних храмов. Однако, когда все успокоилось, потерянное время было с лихвой компенсировано. Повсюду восстанавливались старые и возводились новые храмы, что, помимо прочего, говорило о соответствующем уровне благосостояния. Никеий из Трира, Вилик

¹ В Житии св. Дидье из Каора говорится, что по инициативе этого святого был возведен и украшен целый ряд храмов.

из Меца и Карентин из Кельна возводили и украшали храмы¹.

Епископ Майнца построил храм Св. Георгия и купель для крещения в Ксантене. Дидье из Каора с 630 по 655 г. построил ряд храмов в городе и окрестностях, а также монастырь. К этому можно добавить храмы, возведенные Агриколой в Шалоне и Далмацием в Родезе. Несколько мастеров-зодчих было вызвано из Италии. Нам известно, что епископ Никеций направил людей за итальянскими умельцами, чтобы привезти их в Трир². Однако среди зодчих были также и варвары³.

Купель для крещения, изготовленная в Пуатье, дает представление о работе местных мастеров; мы можем убедиться, что они также находились под влиянием культурных традиций Востока⁴.

Короче говоря, из того, что нам известно о развитии всех видов искусства того времени, можно согласиться с оценкой Брейе, что произведения того периода представляли собой «западное искусство, лишенное какого-либо влияния классических традиций». Однако он ошибается, когда утверждает, что это искусство развивалось бы в том же направлении, что и арабское, если бы не Возрождение, произошедшее в эпоху Каролингов.

Очевидным является факт, что западное искусство того времени развивалось в том же направлении, что и византийское искусство. Все Средиземноморье следовало примеру Константинополя.

¹ Агриций из Вердена приводит следующие строки Фортуната: «Украшаются древние храмы и возводятся новые по благодати Господа; смиренно возводим пред тобой твои земные обители».

² Скорее всего, это были зодчие из Милана.

³ Это предположение совпадает с тем, что написано в Житии св. Дидье из Каора, где упоминается строительство христианского храма в форме базилики. В этой же работе рассказывается, как св. Дидье возвел стены вокруг Каора: «Возведены стены, представляющие собой четырехугольный каменный монолит».

⁴ М. Пуиг и У. Кадафалк приводят в качестве примера в этой связи собор в Эгаре (ныне Тарраса, Каталония); он возведен в архитектурных традициях Малой Азии и Египта.

4. Светский характер общества

Существует и еще один очень важный факт, который до сих пор не был достаточно оценен и который решающим образом доказывает, что после германских вторжений общественная жизнь на занятых германцами территориях не изменилась; таким фактом является сохранение светского характера общества. С каким бы уважением люди ни относились к церкви и каким бы влиянием и авторитетом в обществе она ни пользовалась, церковь не стала составной частью государства. Вся полнота политической власти была в руках короля, как до этого в руках императора, и эта власть носила полностью светский характер. Вступление короля на престол не сопровождалось никакой религиозной церемонией; исключение составили лишь вестготы начиная с конца VII в. В королевских указах никогда не присутствовала фраза «Мы, Божьей милостью». Среди официальных лиц, входивших в королевское окружение, не было священнослужителей. Все официальные лица, помощники и советники короля были мирянами. Именно эти лица руководили церковью: они назначали епископов, созывали церковные соборы, а порой и принимали участие в их работе. В этом смысле наблюдается разительный контраст системы государственного управления, которая существовала тогда, с той, которая появилась в VIII в.¹

Школа, как и прежде существовавшая при королевском дворе, не имела ничего общего с той школой, которая появилась позже при дворе Карла Великого. Церкви дозволялось на добровольной основе выполнять некоторые общественные функции, но в то же время государство официально церкви никаких подобных функций от себя не делегировало, оставляя за собой государственное управление в полном объеме. Юрисдикция церкви признавалась лишь в вопросах правил поведения; здесь первое и последнее слово было за ней. Церковь облагалась налогами. Государство охраняло и за-

¹ В рассматриваемый нами период никто не мог стать священнослужителем без согласия короля или графа округа.

щищало церковь, но не допускало того, чтобы попасть в подчиненное положение по отношению к ней. И следует отметить, что церковь была благодарна власти за защиту и поддержку; в ответ она всегда сохраняла верность королю. Даже когда короли были арианами, церковь никогда не выступала против них.

Это объясняется тем, что общество еще не попало в зависимость от церкви в аспекте общественной жизни; общество выдвигало мирян на государственные должности для выполнения функций государственного управления.

Сенаторская крупноземельная аристократия, представители которой получили образование в школах грамматики и риторики, представляла тот общественный класс, из которого выдвигались претенденты на важные государственные должности. Достаточно вспомнить уже упоминавшихся Кассиодора и Боэция. Подобное положение сохранилось и после них, несмотря на известный упадок культуры. В королевском окружении, даже и в эпоху Меровингов, никогда не было недостатка в культурных и образованных людях. Из свидетельств Григория Турского нам известно, что все дети королей приобщались к письменной культуре того времени, к изучению литературы и словесности; они изучали, в частности, правописание, грамматику, филологию и литературную критику. Это особенно активно практиковалось в королевствах ост- и вестготов. Пышный и высокопарный стиль официальных писем, направляемых из королевской канцелярии эпохи Меровингов римскому императору, свидетельствует о том, что даже во время правления Брунгильды государственные должности занимали культурные и образованные люди. И несомненно, эти государственные служащие были мирянами, поскольку в королевскую канцелярию, по примеру императорской канцелярии, брали на службу только мирян¹.

¹ Как считает Ф. Лот, в то время получить хорошее образование можно было лишь с помощью частных учителей.

Можно привести и множество других примеров. Астериол и Секундин, пользовавшиеся особым доверием и расположением Теодоберта I, были *знатоками риторики и грамматики*. Другой приближенный этого же короля, Парфений, был *руководителем королевской канцелярии и главным советником в статусе патриция*; он отправился в Рим, чтобы завершить образование в области письма и словесности¹. Однако люди, занимавшие ответственные государственные посты, обладали знаниями не только в области грамматики и риторики².

Дидье из Каора, бывший королевским казначеем при Хлотаре II (правившем с 613 по 629 или 630 г.), изучал *галльское красноречие и римское право*. В VII в. многие официальные лица из королевского окружения были гораздо более образованными и культурными, чем можно было бы предположить.

Что же касается вестготов, то достаточно почитать их законы, отличающиеся, с одной стороны, по форме, многословием и риторическими изысками, а с другой — по содержанию, точными и емкими предписаниями, касающимися тех или иных сторон общественной жизни, чтобы прийти к выводу о том, что государственные служащие обладали не только знаниями в области грамматики и словесности, но также хорошими практическими навыками и пониманием того, как обстоят дела в государстве.

Таким образом, короли управляли при помощи людей, которые были носителями римских традиций в области как образования, так и политической жизни. Но самое главное заключается в том, что государственные служащие, которым было доверено государственное управление, были образованными и учеными людьми. Следует, правда, отметить, что иначе и быть не могло.

¹ Именно Парфений был убит жителями Трира, возмущенными невыносимым бременем налогов, которыми они были обложены по инициативе Парфения.

² Личный секретарь Сигиберта II, как отмечают, «не только преуспел в учении о словесности и применении его в обиходе, но столь же хорошо изучил указы и распоряжения императора Феодосия».

Ведь для того, чтобы нормально функционировала римская система управления, которую хотели сохранить, нужны были образованные и знающие государственные служащие. А как иначе можно было вводить налоги и точно контролировать их сбор, вести учет имевшихся земель и хранить эти данные в систематизированном виде, а также разобраться в том потоке документов, который исходил из королевской канцелярии? То же можно сказать и о мелких государственных служащих: как можно вести учет уплаты рыночной пошлины, если человек не умеет читать и писать? Это же справедливо и для тех, кто вел учет документов по городскому управлению, хранившихся в *канцелярии городской управы*.

Помимо этого, римское право — точнее сказать, романизированное право, то есть римское право в том виде, в каком его восприняли германцы, — с его письменной процедурой, ведением письменного учета судебных решений, договоров и завещаний, требовало наличия многочисленных *писарей-секретарей* по всей стране. Именно для них писал Маркульф. Подавляющее большинство этих писарей-секретарей были мирянами, хотя встречались священнослужители, о чем мы находим упоминание в городских уложениях (уставах) — правилах, как жить и работать в городе, — составленных в Бурже и Анжере¹.

Естественно, существовали учебные заведения для обучения этих государственных служащих; этому вопросу посвящена одна из моих работ. Такие учебные заведения сохранились даже у лангобардов.

Среди вестготов было столь много людей, умеющих читать и писать, что король установил цену за экземпляр сборника ветсготских законов, по которой эти сборники следовало продавать. Таким образом, умение

¹ Как считает Брюннер, городской устав Бурже был написан писцом одной из городских курий. Судя по всему, правила из этого устава вступали в действие по частям начиная с VII в. Аналогичные правила в Бурже вступили в силу в VIII в.

читать и писать было общим правилом среди тех, кто в той или иной степени был связан с государственным управлением.

Экономическая необходимость требовала наличия определенного уровня грамотности и у торговцев. Класс профессиональных торговцев, перевозивших товары на большие расстояния, не мог бы выполнять свою работу, не обладая минимально необходимым для этого уровнем грамотности. Более того, благодаря Цезарию из Арля нам известно, что у торговцев были культурные и образованные помощники.

В эпоху Меровингов письмо было необходимо для нормального развития общества. Этим объясняется сохранение римской письменности во всех варварских королевствах, возникших на территории Западной Римской империи. Римское письмо сохранилось в виде скорописи (курсива), которой стали писать начиная с V в.; это было деловое письмо, а не каллиграфия. Именно от него произошли меровингская, вестготская и лангобардская письменность, которые еще недавно называли национальным письмом или национальной письменностью, что неверно, поскольку, строго говоря, речь шла о вариации римского письма, увековеченного государственными служащими, сотрудниками различных органов управления и торговцами.

Письмо курсивом вполне подходило для живого, но находящегося в упадке языка, которым пользовались в то время. В повседневной жизни латынь была еще более искажена и огрублена, чем в литературе и письменном творчестве; это был язык, изобилующий грамматическими неточностями и ошибками, не признававший четких грамматических правил, — но при всем при том это была латынь. Ученые называли этот язык «народной латынью», или «вульгарной латынью». Но именно этот язык получил всеобщую поддержку и активно использовался, особенно в Галлии, поскольку это был действительно народный язык, на котором говорили все. Поэтому в органах управления последовали

народному примеру. Именно эта латынь преподавалась в небольших школах. Нет ни одного письменного источника, упоминающего о том, как это мы видим в ряде документов, относящихся к VIII в., что в храме прихожане не понимали того, что говорил священник. В данном случае мы опять имеем дело, так сказать, с варваризацией латыни. Но в этой варваризации не было ничего германского. Латынь как язык выжила. И именно этот язык обеспечил целостность Романии до VIII в. включительно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С какой стороны ни посмотреть, можно точно сказать, что создание варварских государств на территории Римской империи не внесло каких-либо новшеств в общественные порядки, которые оказали бы определяющее воздействие на последующее историческое развитие¹.

Германцы не уничтожили империю; они лишь ликвидировали правительство, *правившее от имени императора* на Западе. Сами германцы признавали власть императора, обосновавшись на территории империи на правах *федератов*, то есть на условии выполнения определенных повинностей в пользу империи. Германцы отнюдь не хотели заменить империю чем-то другим; они просто хотели осесть в ней, и, хотя это сопровождалось серьезным упадком во всех областях общественной жизни, германцы не стали менять форму правления и систему управления государством. Они, так сказать, разделили *древний дворец* на несколько частей и получили собственные покои, сохранив при

¹ Были сохранены язык, денежное обращение и денежная единица, письмо и способ письма (на папирусе), система мер и весов, общепотребляемые продукты питания, основные общественные классы, религия — роль арианства не следует преувеличивать, — искусство, право, система государственного управления, налоги, уклад экономической жизни.

этом само здание. Короче говоря, в своей основе Романия по-прежнему оставалась средиземноморской. Приграничные территории империи, остававшиеся германскими, а также Британия еще не играли тогда сколько-нибудь серьезной роли; было бы ошибкой рассматривать происходившее там как отправную точку новых процессов и изменений в тот период, о котором мы ведем речь. Если сохранять объективность, то действительно серьезным новшеством той эпохи, носившим политический характер, следует считать тот факт, что на территории Западной Римской империи вместо единого римского государства возникло несколько государств — варварских королевств. И этот новый политический фактор имел действительно очень большое значение. Политическая конфигурация Европы изменилась, но в своей основе общественная жизнь осталась такой же, как и прежде. Новые государства, которые иногда называют национальными государствами, на самом деле не были никакими национальными; это были лишь части ранее существовавшего великого единого целого, на которые это целое распалось. Никаких основополагающих качественных изменений в общественной жизни на всей территории, занятой варварами, за исключением Британии, не произошло.

В Британии и власть императора, и порядки, характерные для империи, и римская цивилизация в целом прекратили свое существование. О прошлом больше ничто не напоминало. Возник новый мир. Все римское было заменено германским: и право, и язык, и общественные институты. Формировалась новая цивилизация, которую можно назвать северной, скандинавской или германской. Она представляла собой прямую противоположность средиземноморской цивилизации позднего периода Римской империи, цивилизации, являвшейся последней формой Античности. Здесь не осталось и следа от римского государства с его правовым идеалом, обществом, состоящим из граждан, и христианской религией; здесь общество было основано на кровном

родстве, на родовых отношениях, на семейной общине, и это соответствующим образом сказалось на законодательстве, морали и экономической системе; здесь мы видим то язычество, которое было воспето в древних героических поэмах. Именно все это составляло своеобразие и самобытность общественных порядков, созданных здесь варварами; они отбросили старый мир, чтобы занять его место. В Британии зарождалась новая эпоха, и она характеризовалась отсутствием какой-либо тяги к южным районам, входившим в орбиту средиземноморской цивилизации. Человек с севера просто захватил и стал использовать по своему усмотрению крайние пределы Романии, с которой у него не было связано каких-либо воспоминаний, императора которой он отверг (и власть его не признавал) и которой он ничего не был должен. Его ничто с империей не связывало, и он во всех смыслах слова занял ее место и тем самым ее уничтожил, не оставив от нее никакого следа на британской земле.

Англосаксы вторглись в пределы империи из мест, где все было германским, и они никогда не подпадали под влияние Рима. Далее, Британия, где они утвердились и осели, была самой нероманизированной из всех римских провинций. В Британии, таким образом, они остались сами собой: германский, северный, варварский дух этих людей, культура которых может быть названа гомеровской, поскольку была воспета в том числе и в его поэмах, был очень важным фактором, сыгравшим большую роль в истории Британии.

Но следует подчеркнуть, что англосаксонская Британия представляла собой уникальное явление. На Европейском континенте мы больше ничего подобного не обнаруживаем. В континентальной Европе Романия по-прежнему продолжала существовать, за исключением территорий, расположенных на границе империи, по линии Рейн — Дунай, то есть провинций Германия, Реция, Норик и Паннония; вторгнувшиеся, точнее, хлынувшие сюда со своих земель германцы вытеснили мест-

ное римское население в южные районы империи. Однако эти территории не играли самостоятельной роли, поскольку они стали частью варварских королевств, таких как Франкское или Остготское, образовавшихся в самом сердце Романии. И, что было совершенно очевидно, на территории этих королевств общественные порядки не изменились и положение дел осталось таким же, как и до вторжения. Германцев было слишком мало, и они слишком долго находились в контакте с империей, поэтому они, что было неизбежно, фактически растворились среди местного римского населения. Что действительно удивляет, так это практически полное отсутствие германских черт или традиций в королевствах, которыми правили германские королевские династии. Язык, религия, государственные институты и искусство — все это не содержало ничего или почти ничего германского. Мы видим некоторое германское влияние в праве тех государств, которые располагались севернее Сены и Альп; но до вторжения лангобардов в Италию это влияние было не столь уж сильным, да и страны эти не играли сколько-нибудь важной роли. Если кто-то придерживается иной точки зрения насчет германского влияния в западной части Римской империи, то это вследствие того, что они стоят на позициях германской научной школы в этом вопросе и ошибочно приписывают Галлии, Италии и Испании то, что они обнаружили в своде законов *неримского права* или *вульгаризованного римского права*, действовавших у салических (приморских) и рипуарских (береговых) франков, а также у баваров. Они также приписывают периоду, предшествовавшему началу правления династии Каролингов, черты и тенденции, характерные для более позднего периода, а именно когда Каролинги уже были у власти. Более того, они явно преувеличивают роль меровингской Галлии, приписывая ей то, что для нее было характерно в более поздний период.

Кто такой Хлодвиг по сравнению с Теодорихом? Также следует помнить, что все франкские короли по-

сле Хлодвига, несмотря на все усилия, не сумели не то что утвердиться в Италии, но даже отбить у вестготов Нарбонн с прилегающими районами. Ясно, что они тяготели к средиземноморской цивилизации и хотели добиться выхода к Средиземному морю. А их усилия за Рейном были направлены на то, чтобы защитить королевство от набегов варваров, а совсем не в том, чтобы германизировать его. Однако считать, что при тех условиях, на которых германцы осели в империи, и при том незначительном количестве людей, пришедших в империю в ходе вторжения, вестготы, бургунды, остготы, вандалы и франки намеревались германизировать Римскую империю, значит выдавать желаемое за действительное. *Империя стояла как скала.*

При этом не надо забывать о роли церкви, у которой Рим искал прибежища и поддержки и которая, распространяя среди варваров свое влияние, тем самым утверждала среди них влияние Рима. На Западе римский мир продолжал существовать, хоть и был дезорганизован с государственной точки зрения, и германские короли стали своего рода собирателями этого распавшегося государственного порядка, который восстанавливался вокруг их новых центров и носителей государственной власти. Рим по-прежнему существовал, хотя его на Западе уже не было как государства. Римский порядок продолжал существовать, и германские короли были островками государственности среди этого сохранившегося порядка. Римский общественный порядок на Западе существовал по-прежнему, хотя и понес неизбежные потери.

Другими словами, средиземноморское единство, являвшееся важнейшей чертой античного мира, сохранилось и продолжало проявляться в самых различных областях и в самых разнообразных формах. Усиливавшаяся эллинизация Востока не мешала ему продолжать оказывать влияние на Запад посредством торговли, искусства и религиозной жизни со всеми ее превратностями. В известном смысле, как мы убедились, Запад

все больше перенимал черты Византии, так сказать, византизировался.

И это объясняет стремление Юстиниана восстановить мощь империи и вернуть потерянные ею земли; это ему в значительной степени удалось, и он почти вернул Средиземному морю статус «римского озера». Если смотреть с сегодняшней точки зрения, то конечно же очевидно, что империя неизбежно должна была прекратить свое существование. Однако в то время так не считали. Вторжение лангобардов не имело того значения, которое ему придают сегодня. Удивительно то, что оно не произошло раньше.

Средиземноморская политика Юстиниана (а его политика действительно была средиземноморской; ради успеха на этом направлении, считавшемся главным, сюда были брошены все силы, для чего пришлось пожертвовать позициями империи в ее конфликтах с аварами и славянами) вполне согласовывалась с тем фактом, что европейская цивилизация в целом с V по VII в. была проникнута средиземноморским духом и являлась в значительной степени средиземноморской цивилизацией. Именно на берегах «нашего моря» мы видим наиболее важные и яркие проявления самых различных сторон жизни той эпохи. Торговля, как и во времена империи, наиболее активно развивалась в прибрежных районах; здесь же создавали свои произведения последние представители античной литературы — Боэций и Кассиодор; здесь благодаря усилиям Цезария из Арля и Григория Великого в недрах церкви родилась и стала развиваться новая христианская литература; здесь такие писатели, как Исидор Севильский, собирали по крупицам все лучшее, что дала античная цивилизация, и из их работ, как из кладезя мудрости, в Средние века черпали знания по античному миру; здесь, будь то Лерин или Монте-Кассино, стало прививаться на западной почве пришедшее с Востока монашество; отсюда, с берегов Средиземного моря, отправились в путь проповедники-подвижники, благодаря усилиям которых жители Бри-

тании приняли христианство; и именно здесь выросли характерные замечательные памятники эллино-восточного искусства, которым было суждено, оставаясь неотъемлемой частью искусства Востока, стать такой же неотъемлемой частью искусства Запада.

В VII в. еще не было ничего, что могло бы положить конец тому цивилизационному единству, которое было создано Римской империей от Геркулесовых столпов до Эгейского моря и от берегов Египта и Африки до побережий Италии, Галлии и Испании. Возникший новый мир сохранил средиземноморский характер Древнего мира. Все виды человеческой деятельности сконцентрировались и процветали именно на средиземноморском побережье.

Ничто не указывало на то, что развитие общественной жизни в том направлении, в котором оно продолжалось уже тысячу лет, будет вдруг неожиданно прервано. Ничто не предвещало катастрофы, и никто не мог ее предвидеть. Хотя византийские императоры, правившие после Юстиниана, не смогли успешно продолжить начатое им, они в то же время и не отказывались от его политики. Они не захотели идти на какие-либо уступки лангобардам; они поспешно укрепляли отвоеванные земли в Африке; они стремились прочно закрепить здесь свои позиции, как и в Италии; они проводили равноудаленную политику в отношении франков и вестготов; византийский флот контролировал Средиземное море, а папа римский считал себя подданным византийского императора.

Величайший ум Запада, Григорий Великий, бывший папой римским с 590 по 604 г., в приветственном послании императору Фоке, направленном в 603 г., подчеркивал, что тот правит свободными людьми, в то время как короли на Западе — рабами: «Есть в самом деле различие между королем, правящим своим племенем, и императором, правящим обществом, потому что король является хозяином рабов, а император оберегает свободнорожденных людей».

Часть вторая

АРАБСКИЙ ХАЛИФАТ И ГОСУДАРСТВО КАРОЛИНГОВ

Глава 1

ЗАХВАТ АРАБАМИ-МАГОМЕТАНАМИ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ И ВКЛЮЧЕНИЕ ЕГО В ОРБИТУ ИСЛАМА

1. Арабские вторжения

Самый лучший способ получить наиболее полное и всестороннее понимание того, что представляли собой вторжения арабов-магометан в VII в. и включение захваченных ими территорий в орбиту ислама, заключается в сравнении этих вторжений и их воздействия с тем, какое влияние оказали на Римскую империю вторжения германцев. Вторжения германцев стали высшей точкой процесса, который продолжался в течение всего времени существования Римской империи, а начался этот процесс еще до того, как на территориях, ставших объектом вторжений, возникла Римская империя. Таким образом, этот процесс был постоянно действующим фактором в течение всего существования империи, который в той или иной степени сказывался на ее развитии. После того как Римская империя не смогла более защищать свои границы и прекратила борьбу, захватчики просто позволили растворить себя в ней и слились с новым ландшафтом; они позволили поглотить себя существовавшей цивилизации и сделали все возможное для того, чтобы эта цивилизация сохранилась. Германцы просто стали частью того сообщества

средиземноморских народов, на котором и основывалась средиземноморская цивилизация.

С другой стороны, в доисламскую эпоху Римская империя не имела сколько-нибудь серьезных контактов с Аравийским полуостровом¹.

Было сочтено достаточным возведение крепостной стены в Сирии для защиты от нападений кочевников, наподобие той, которая была выстроена в Британии для отражения атак пиктов; однако *пограничные укрепления* в Сирии не идут ни в какое сравнение с теми, что были возведены на границах империи на Рейне и Дунае.

Римская империя никогда не считала этот район уязвимым и никогда не концентрировала здесь серьезные военные силы. Здесь просто проходила административная, точнее сказать, таможенная граница, через которую шли караваны с благовониями и пряностями. Другая, соседствующая с Аравией империя — сасанидский Иран — приняла аналогичные меры предосторожности. Да и что было опасаться живших на полуострове кочевников-бедуинов, у которых еще господствовал первобытно-общинный строй и родоплеменные отношения, которые были язычниками-идолопоклонниками и занимались тем, что вели племенную междоусобицу да грабили караваны, шедшие с юга на север: из Йемена в Палестину, Сирию и на Синайский полуостров через Мекку и Ясриб (впоследствии Медина).

Будучи поглощены борьбой друг с другом, борьбой за влияние, не имевшей какой-либо религиозной почвы, и Византия, и сасанидский Иран не придали никакого значения проповедям Мухаммеда, который в условиях межплеменной междоусобицы твердо шел к тому, чтобы дать своим соотечественникам религию, которая позволила им не только сформировать единое государство, но стала также одной из крупнейших ми-

¹ В данном случае нет необходимости упоминать государство Пальмира, располагавшееся на севере Аравийского полуострова, которое было уничтожено в III в.

ровых религий, коей остается и сегодня, с ясно обозначенным ореалом распространения и множеством приверженцев. Над империей уже нависла смертельная угроза, когда Иоанн Дамаскин все еще считал ислам своего рода сектой, относясь к нему, как и к тем течениям христианства, которые считались ересью.

Когда в 632 г. пророк Мухаммед умер, все еще не было видимых признаков той опасности, которая столь очевидно проявилась спустя несколько лет. Византия не предприняла никаких мер по укреплению границ в Аравии. Совершенно очевидно, что если вторжения германцев всегда находились в поле зрения римских императоров и они думали о том, какие меры следует в этой связи предпринять, то удар со стороны арабов-магометан застал империю врасплох. В определенном смысле можно сказать, что стремительный успех арабов-магометан и расширение ареала распространения ислама произошло благодаря счастливому для них стечению обстоятельств и в известной мере случайно, если можно, конечно, употреблять слово «случайно» в отношении того, что явилось следствием целого комплекса взаимосвязанных и взаимозависимых факторов. Успех арабов объясняется тем, что Римская империя и сасанидский Иран были истощены упорной борьбой друг с другом, высшей точкой которой стала победа византийского императора Ираклия над Хосровом (ум. 627).

Византия восстановила свой авторитет и влияние; ее будущее казалось обеспеченным благодаря победе над давним противником и восстановлению контроля над Сирией, Палестиной и Египтом. Святое Распятие наконец-то было с триумфом возвращено в Константинополь. Византийскому императору прислал свои поздравления правитель Индии, а король франков Дагоберт заключил с Византией договор о вечном мире. После этого можно было ожидать, что Ираклий продолжит на западном направлении политику Юстиниана. Да, лангобарды заняли часть Италии, а вестготы в 624 г.

отвоевали у Византии ее последние опорные пункты в Испании. Но что это было по сравнению со столь значительным восстановлением ранее утраченных позиций империи на Востоке?

Однако эти очевидные успехи потребовали от империи чрезмерных усилий, которые истощили ее и подрывали ее силы. Отвоеванные у Ирана территории были неожиданно захвачены арабами-магометанами. Император Ираклий (правивший с 610 по 641 г.) был обречен беспомощно наблюдать за первым мощным ударом той новой силы, которая внесла смятение в западный мир и разрушила его единство.

Арабские завоевания, которые потрясли и привели в замешательство и Европу, и Азию, были поистине беспрецедентны. Такого стремительного и быстрого успеха добивались лишь азаитские империи Аттилы, Чингисхана и Тамерлана. Но эти империи просуществовали недолго, а завоевания под флагом ислама пустили глубокие корни. До сих пор почти во всех странах, попавших под власть первых арабских халифов, ислам является главной религией. Его стремительное распространение, подобное вспышке молнии, выглядит настоящим чудом по сравнению с медленным и постепенным распространением христианства.

Что были по сравнению с этими яростными вторжениями, подобными извержению вулкана, вторжения германцев, которые сумели утвердить свое влияние лишь на самых окраинах Римской империи, «откусив» от нее лишь маленький кусочек?

Арабы же взяли под контроль практически все части рушащейся империи. В 634 г. они заняли византийскую крепость Бостра в Южной Сирии; в 635 г. им сдался Дамаск; разгром византийцев в битве на берегах Ярмук в 636 г. дал им контроль над всей Сирией; в 637 или 638 г. перед ними открыл ворота Иерусалим, а в это же время арабы успешно действовали и на Востоке, за пределами Византии, завоевывая территории в Месопотамии и Иране. Затем наступил черед Египта; вскоре

после смерти Ираклия (641) была взята Александрия, а короткое время спустя и весь Египет был занят арабами. Завоеватели на этом не остановились и продолжали захватывать византийские владения в Северной Африке.

Конечно, арабам помогло то, что их вторжения явились полной неожиданностью; что византийские войска не были в состоянии надлежащей готовности, а новый способ ведения боевых действий, примененный противником, оказал на них дезорганизующее и деморализующее воздействие; что христиане-монофизиты и христиане-несториане в Сирии были недовольны тем, что империя по-прежнему относилась к ним как к исповедникам ереси, не идя ни на какие уступки (в такой же ситуации оказалась и коптская церковь в Египте); а также то, что сасанидский Иран был столь же ослаблен, как и Византия¹.

Но перечисленных причин недостаточно для того, чтобы объяснить столь полный триумф. Масштаб и глубина тех результатов, которых достигли завоеватели, совершенно несопоставимы с их физической численностью².

Главный вопрос заключается в том, почему арабы, которых было ничуть не больше, чем германцев, в отличие от последних не были ассимилированы на тех территориях, которые они завоевали, хотя народы завоеванных стран принадлежали к более высокоразвитой цивилизации, чем сами завоеватели. Ответ один: они обладали большей силой духа, которая была должным образом оформлена, упорядочена и подчинена единой цели. В то время как германцам было нечего противопоставить распространенному в Римской империи христианству, арабы были приверженцами и но-

¹ Л. Халфен пишет в этой связи: «Победоносная поступь арабов-магометан объясняется тем, что мир, на который они напали, сам находился на грани разрушения».

² Как отмечает Доусон, главным фактором успеха завоевателей была сила их веры.

сителями новой веры, которая поднимала их дух на небывалую высоту. Это и только это было причиной того, что они не подверглись ассимиляции и не растворились среди местного населения. Ведь с любой другой точки зрения они, как и германцы, не были настроены против цивилизации, которую покорили, и ничего против нее не имели. Наоборот, они с удивительной быстротой впитали в себя все из этой цивилизации, что им было необходимо: научные знания греков и древние традиции искусства греков и персов. На ранних этапах своего господства арабы не проявляли особого фанатизма, а, наоборот, демонстрировали известную терпимость: они не требовали, чтобы жители завоеванных территорий стали новообращенными мусульманами. Но они требовали от них покорности и повиновения единому Богу Аллаху и его посланнику Мухаммеду, а поскольку пророк Мухаммед был арабом, то, соответственно, и Аравии, откуда прибыли арабы, считавшие себя слугами Аллаха и исполнителями его воли.

«Ислам» — арабское слово, в переводе оно означает «покорность», «покорение» (единому Богу — Аллаху), а его последователи называются мусульманами (от арабского слова «муслим», то есть покорный, преданный). Аллах — единый Бог, и, соответственно, священный долг его слуг и исполнителей его воли состоит в том, чтобы заставить неверных покориться воле Аллаха. От завоеванных народов требовали не обращения в мусульманскую веру, а покорности; ты можешь не становиться мусульманином, но должен покориться мусульманам. И эту покорность они насаждали везде, куда бы ни пришли. После завоевания арабы рассматривали науку и искусство покоренных народов ни много ни мало как свою добычу, которая должна быть переработана и использована во славу Аллаха. Они даже сохранили государственные институты неверных в той степени, в какой им это было выгодно. Правда, сделать это они были вынуждены. Арабы не могли управлять завоеванными территориями, используя родоплеменные институты и ор-

ганы управления, как не могли аналогичным образом управлять Римской империей германцы. Однако, в отличие от германцев, они становились хозяевами везде, где появлялись; они пришли править и повелевать. Покоренные народы были покоренными в прямом смысле слова: именно с них брали налоги, и им не было места в обществе правоверных. Этот барьер был непреодолим. Никакой смычки между мусульманами и местным населением не было и не могло быть. Как это разительно отличалось от того, к чему стремился и что делал выдающийся руководитель остготов Теодорих, который считал, что он должен служить тем, кого он покорил, и который стремился к тому, чтобы составить вместе с ними единое целое!

В случае с германцами завоеватели сами, подчас неосознанно, тянулись к завоеванным. А в случае с арабами все было наоборот: именно завоеванные должны были идти к завоевателям и искать их расположения, а для этого было необходимо служить Аллаху, как и сами завоеватели, и изучать Коран. А для этого, в свою очередь, нужно выучить арабский язык, который был для арабов одновременно и священным языком, поскольку на нем был написан Коран, и языком повседневного общения.

Не было никакой пропаганды ислама, как не было и того давления с целью обращения в мусульманскую веру, которое применяли христиане после того, как христианская церковь получила полную поддержку римского государства и христианство стало фактически официальной религией Римской империи. «Если бы была на то воля Всевышнего, — говорится в Коране, — все люди жили бы как один народ»; в нем категорически запрещается применять насилие к заблудшим. Коран требует лишь покорности Аллаху, внешней, видимой покорности со стороны низких и презренных созданий, к которым проявляется терпимость, но которые влачат жалкое и униженное существование. Именно это было невыносимо и особо унижительно для

тех, кого считали «неверными». Их вера не подвергалась нападкам, она просто игнорировалась; и это был лучший и наиболее действенный способ заставить человека отказаться от прежней веры и прийти к Аллаху, который не только восстановит его человеческое достоинство, но и откроет перед ним врата в мусульманское государство. Именно потому, что вера требовала от правоверного мусульманина считать неверного своим подчиненным, который должен быть покорен и послушен ему, неверный сам должен был прийти к нему, а для этого ему требовалось порвать со своей верой и своим народом¹.

Германцы романизировались, как только вступили в Романию. А римляне, наоборот, арабизировались, как только попали под власть арабов-магометан².

Да, несколько небольших сообществ коптов, несториан, а также иудеев сумели выжить среди исламского мира и сохранить свою самобытность даже и в эпоху Средневековья. Но весь окружающий мир поменялся коренным образом. Вопрос был поставлен ребром: полный разрыв с прошлым. Везде, где устанавливалась его власть, новый хозяин не мог допустить, чтобы хоть что-то не было подчинено воле Аллаха. Арабское право было основано на Коране, и оно заменило римское право, а арабский язык заменил греческий и латынь.

Когда Римская империя была обращена в христианство, она, образно говоря, изменила свою душевную структуру, обрела новую душу; когда же она была обращена в ислам, и тело, и душа ее претерпели коренные изменения. Причем эти изменения коснулись как светской, так и духовной жизни.

¹ По этой причине многие принимали ислам исходя из сугубо практических соображений. Как отмечает Ибн-Халдун, жившие в Африке берберы за 70 лет переходили из своей веры в ислам и обратно 12 раз.

² В Испании в IX в. даже христиане больше не знали латынь, а тексты материалов, принятых на христианских соборах, переводились на арабский.

Успех ислама означал, что на побережье Средиземного моря, являвшегося сердцевиной римской цивилизации, возник новый мир. Средиземноморское единство было разрушено решительно и бесповоротно, и эта ситуация сохраняется и сегодня. С того самого времени на берегах «нашего моря» существуют две разные и враждебные друг другу цивилизации. И хотя в наши дни европейцы подчинили азиатов, последние не ассимилировались среди них. Средиземное море, бывшее до этого центром христианства, превратилось в его границу. Средиземноморское единство было разрушено.

Первая волна арабских завоеваний несколько схлынула при халифе Османе; после его убийства в 656 г. в халифате разразился политический и религиозный кризис, который продолжался до тех пор, пока халифом в 660 г. не стал Муавия.

Было вполне естественным, что держава, опирающаяся на такую мощную силу, как ислам, попытается утвердиться по всему средиземноморскому побережью. И халифат предпринял такую попытку. Начиная со второй половины VII в. он стал завоевывать позиции на море в тех районах, где раньше, во времена правления Констанция II (643—668), преобладала Византия. Когда в 660 г. халифом стал Муавия, арабские корабли вторглись в византийские воды. Арабы заняли Кипр, а недалеко от берегов Малой Азии одержали морскую победу над силами Византии, которыми командовал лично император Констанций II. Был занят остров Родос, а затем арабы двинулись дальше и овладели Критом и Сицилией. Захватив порт Сизик и превратив его в военную базу, арабы вновь и вновь осаждали Константинополь, который успешно отражал их атаки, используя корабли, груженные особой горючей смесью — греческим огнем. В 677 г. арабы отказались от попыток взять город¹.

¹ Арабы предпринимали нападения на Константинополь в 668 и 669 гг.; в 673 г. они организовали блокаду города, продолжавшуюся почти 5 лет.

Захват арабами Северной Африки начал эмир Египта Ибн-Сауд в 647 г., одержав в конце концов победу над войсками византийского наместника Григория. Однако византийские крепости, возведенные еще при Юстиниане, не сдались неприятелю, а берберы, позабыв о своей давней враждебности по отношению к римлянам, плечом к плечу вместе с ними вступили в борьбу с захватчиками. Вновь подтвердилось стратегическое значение Северной Африки; ведь именно после захвата расположенных здесь римских провинций вандалами начался упадок Западной Римской империи, которая отныне думала уже только об обороне. От позиций империи в Африке зависела безопасность Сицилии и Италии, а также морских путей на Запад. Безусловно, именно стремясь защитить византийские позиции в Африке, император Констанций II после своего визита в Рим — последнего визита туда императора Византии — расположился вместе со своими силами в Сиракузах.

На какое-то время из-за внутренних неурядиц и борьбы за власть в халифате Византия получила передышку. Но в 660 г., когда халифом стал Муавия, борьба вспыхнула с новой силой. В 664 г. мусульманская конница нанесла очередное поражение Византии. Византийские войска, направленные в Хадрамаут, потерпели поражение, а крепость Джелула была захвачена арабами, после чего захватчики отступили. Но для того чтобы отразить возможные атаки со стороны Византии, которая продолжала контролировать ряд городов, расположенных на побережье, а также в целях сдерживания берберов, осуществлявших вылазки с Атласских гор, Окба-бен-Нафи основал в 670 г. город Кайруан (в нынешнем Тунисе) — он должен был стать опорным пунктом мусульман на все времена. Именно Кайруан стал плацдармом распространения влияния арабов-магометан; именно отсюда предпринимались кровавые походы против берберов, по-прежнему оказывавших сопротивление арабам со своих опорных пунктов в Атласских горах. В 681 г. Окба совершил впечатляющий

бросок и достиг берегов Атлантического океана. Однако в результате контрнаступления византийцев и берегов арабы были отброшены назад; берберский князь Коссайла вступил в Кайруан как завоеватель, а те берберы, которые приняли ислам, поспешили отречься от него¹.

Теперь была очередь Византии нанести удар. Мусульмане, разбитые под Кайруаном, отступили в Барку, где были окончательно уничтожены в результате неожиданного удара византийских войск, которые высадились здесь в 689 г. Их лидер был убит в бою.

Эта победа вернула североафриканское побережье под контроль Византии и поставила под угрозу все арабские завоевания в Средиземноморье. Арабы предприняли отчаянную попытку переломить ситуацию в свою пользу и в 695 г. взяли штурмом Карфаген. Император Леонтий, осознавая всю опасность происходящего, направил туда флот под командованием патриция Иоанна, и византийцы вернули себе контроль над городом.

В это время берберы, объединившись вокруг своей таинственной королевы, известной под именем Кахина, нанесли поражение арабским войскам под Тебессой и отбросили их в Триполитанию.

Но на следующий год арабы во главе с Хасаном вновь перешли в наступление и в 689 г. захватили Карфаген, на этот раз окончательно. Жители покинули город. Функции столицы сразу же перешли от этого древнего города к Тунису, расположенному на самом севере африканского побережья, на берегу Сицилийского пролива; а гавань Туниса — Голетта — стала мощнейшей базой арабов-магометан и плацдармом распространения ислама в Средиземноморье. Арабы, у которых наконец появился флот, рассеяли византийские корабли. С тех пор контроль на море перешел к халифату. Вскоре византий-

¹ Похоже, пишущий о борьбе за Северную Африку Юлиан в целом преувеличивает роль берберов в этой борьбе и, наоборот, недооценивает роль Византии.

цы сохраняли контроль лишь над крепостью Септем (Сеута) на побережье Гибралтара и небольшими участками территории бывшей римской североафриканской провинции Мавритания, а также над островом Мальорка и несколькими городами в Испании. Из всех этих территорий византийцы, судя по всему, сформировали отдельную административную область (экзархат), просуществовавшую еще 10 лет.

Эти события означали конец сопротивления берберов под руководством королевы Кахины. Она была взята арабами в плен в Атласских горах и убита, а ее голову отослали халифу.

В последующие годы арабы установили контроль над всей Северной Африкой. Муса ибн-Нусайр подчинил Марокко и насадил ислам среди местных берберских племен.

Именно эти новообращенные берберы вскоре принимали участие в захвате Испании. Фактически Испания уже подверглась разграблению одновременно с Сардинией и Сицилией, что было естественным следствием захвата арабами Северной Африки. В 675 г. арабы атаковали Испанию с моря, но это нападение было отбито вестготским флотом. Гибралтарский пролив не мог быть достаточной преградой на пути завоевателей, и вестготы это хорошо понимали. В 694 г. вестготский король Эгика обвинил евреев в сговоре с арабами-магометанами и подверг их репрессиям, поэтому вполне вероятно, что те в душе ждали прихода арабов и желали им успеха. В 710 г. король Толедского королевства вестготов Агила был свергнут с престола герцогом Бетики Родриго, после чего он бежал в Марокко, где наверняка обратился к арабам за помощью. Последние поспешили воспользоваться сложившейся ситуацией, и в 711 г. 7-тысячная армия арабов и берберов под командованием Тарика пересекла Гибралтар и вторглась в Испанию. Родриго потерпел поражение в первом же сражении, а все испанские города открыли ворота перед завоевателями, на помощь которым в 712 г. из Северной Африки было на-

правлено еще одно войско. В 713 г. наместник халифа в Северной Африке Муса ибн-Нусайр объявил в столице Вестготского королевства Толедо о том, что отныне Испания находится под властью дамасского халифа (первый халиф династии Омейядов Муавия перенес столицу халифата из Медины в Дамаск).

Но стоило ли останавливаться на Испании? В конце концов, эта страна давно слилась с Южной Галлией, включая и область вокруг Нарбонна. Как только арабы установили фактический контроль над всем Пиренейским полуостровом (за исключением небольшой части на севере), они в 720 г. захватили Нарбонн и осадили Тулузу, вторгнувшись таким образом в пределы Франкского королевства. Король франков, который был фактически безвластным, ничего не предпринял. Герцог Аквитании Эд в 721 г. отбросил арабов назад, но Нарбонн по-прежнему оставался в их руках. И именно из Нарбонна арабами-магометанами в 725 г. было предпринято новое мощное наступление. Был взят Каркассон, и воины полумесяца продвинулись до Отена, который был взят 22 августа 725 г.

В 732 г. эмир Испании Абд ар-Рахман предпринял еще один *конный поход* против Галлии. Он вышел из Памплоны, пересек Пиренеи и двинулся на Бордо. Герцог Эд был разбит и укрылся у Карла Мартелла. Важность Южной Галлии была очевидна, и было решено дать отпор арабам. Именно с севера они получили сокрушительный удар. Карл вместе с Эдом двинулся навстречу захватчикам и заманил их близ города Пуатье в ту же самую ловушку, в которую Хлодвиг завел в свое время вестготов. Сражение произошло в октябре 732 г.; арабы были разгромлены, а Абд ар-Рахман убит¹, однако угроза окончательно отведена не была. Теперь под

¹ Это сражение не имело того значения, которое ему приписывается. Его нельзя сравнивать с победой над Атиллой. Победа Карла сорвала данный конкретный поход арабов, но не имела решающего значения в более широком плане и не остановила их набеги. Если бы Карл проиграл эту битву, результатом было бы лишь более активное разграбление арабами той части Галлии, где они находились.

угрозой оказался Прованс, то есть южное побережье Галлии. В 735 г. арабский наместник Нарбонна Юсуф ибн-ар-Рахман занял Арль, прибегнув к помощи пособников, которых он собрал в прилегающих к городу районах.

Затем, в 737 г., с помощью Маконту арабы взяли Авиньон и разграбили всю территорию вплоть до Лиона, а также и Аквитанию. Карл Мартелл вновь выступил против них. Он отбил у арабов Лион и предпринял штурм Нарбонна, разгромив перед этим арабские войска, переброшенные морем на помощь своим единоверцам. Однако взять город ему не удалось. Карл вернулся в Австразию с огромной добычей, так как он взял, разграбил и сжег Магелон, Агд, Безье и Ним.

Эти победы, одержанные Карлом Мартеллом, не мешали арабам в 739 г. вновь вторгнуться в Прованс. На этот раз они создали угрозу также и лангобардам, и Карл с помощью последних вновь дал арабам достойный отпор и отбросил их назад.

Не совсем ясно, что произошло далее; судя по всему, арабы утвердились в прибрежной части Прованса и удерживали эти позиции в течение нескольких лет. Пипин Короткий вытеснил их в 752 г., но сразу взять Нарбонн не сумел. Ему удалось это сделать лишь в 759 г.; тогда же арабы были вытеснены из Септимании. Эта победа означала прекращение дальнейших захватов арабов в Западной Европе¹.

Экспансия арабов-магометан была остановлена. Как Константинополь, выдержав в 718 г. мощную арабскую

¹ Прованс, однако, был по-прежнему обречен страдать от разрушительных арабских набегов. В 799 г. арабы, придя морем с Атлантики, разграбили побережье Аквитании. В 768 г. конница мавров навела панику в окрестностях Марселя. В 778 г. арабы угрожали Италии. В 793 г. они напали на Септиманию, в 813 г. — на Ниццу и Чивитавеккью, а в 838 г. — на Марсель. В 848 г. арабы взяли Марсель. В 850 и 857 гг. Прованс был разграблен. В 889 г. арабы утвердились на самом юге Галлии у средиземноморского побережья: в Сен-Тропе и Ла-Гард-Френе. Что касается захватов на Атлантическом побережье, то в VIII в. арабы, придя из Испании, захватили остров Нуармутье у западного побережья Франции — в заливе Бурнеф юго-западнее Нанта.

осаду, спас этим Восток, так и правители Австразии, являвшиеся вассалами Каролингов, спасли Запад.

Однако, если на Востоке византийцы благодаря своему флоту сумели вытеснить арабов из Эгейского моря, то на Западе арабы сумели установить контроль над Тирренским морем.

Арабы предприняли одно за другим несколько вторжений на Сицилию: в 720, 727, 728, 730, 732, 752 и 753 гг. Попытки вторжения были прекращены на некоторое время из-за волнений и внутренних конфликтов на захваченных арабами территориях в Африке, но в 827 г. они возобновились. В Тунисе и Алжире образовалось независимое от халифата арабское государство во главе с династией Аглабидов, правившей с 800 по 909 г. Представитель этой династии эмир Сиядет-Аллах I воспользовался восстанием против Византии на Сицилии и предпринял неожиданное нападение на Сиракузы. Арабский флот вышел из Суз в 827 г., однако византийцы вели боевые действия очень энергично и византийский флот освободил Сиракузы от осады.

Арабы получили подкрепление, сначала из Испании, а затем из Африки. В августе—сентябре 831 г. после годовой осады они взяли Палермо и получили, таким образом, оплот обороны на Сицилии. Однако, несмотря на все это, византийцы продолжали яростно сражаться как на суше, так и на море. Им тем не менее не удалось предотвратить взятие арабами, при поддержке неаполитанцев, Мессины в 843 г. В 850 г. главный опорный пункт византийской обороны на Сицилии был взят приступом, а Сиракузы после героической обороны пали 21 мая 878 г.

В то время как Византия пыталась отстоять Сицилию, Карл Великий сражался с арабами-магометанами на границе с Испанией. В 778 г. направленная им армия потерпела поражение под Сарагосой, а ее арьергард был уничтожен у Ронсевалья. Карл стал придерживаться оборонительной тактики до тех пор, пока арабы в 793 г. не вторглись в Септиманию. Тогда он предпринял в 795 г.

Испанский поход, который был использован его сыном Луи, королем Аквитании, для того, чтобы в 801 г. занять Барселону. После нескольких провальных попыток, из которых особенно неудачной была попытка добиться успеха *стремительным броском*, предпринятая в 810 г. Ингобертом, Луи в 811 г. удалось наконец взять Тортосу. Однако он не сумел взять Уэску и дальше продвинуться не смог.

На самом деле Карл Великий встретил в Испании очень упорное сопротивление, и Эгингард явно преувеличивает, утверждая, что Карл занял всю территорию страны до реки Эбро. В действительности же Карл вышел к Эбро лишь в двух местах: в долине, расположенной в ее верховьях севернее Наварры, и в долине в низовьях рядом с Тортосой, если исходить из того, что Тортоса действительно была взята франками.

Карл Великий сумел извлечь столь малую выгоду из взятия Барселоны по той причине, что у него не было флота. Он ничего не мог противопоставить арабам, владевшим Тунисом, испанским побережьем и расположенными рядом с Испанией островами. Он пытался защитить Балеарские острова и одержал несколько незначительных побед. В 798 г. эти острова были разграблены арабами. На следующий год островитяне попросили Карла прислать войска для защиты, и эти войска наверняка были перевезены на острова на кораблях самих островитян. В сражениях с арабами, судя по всему, был достигнут успех, поскольку Карлу направили в качестве трофеев арабские знамена и знаки отличия. В то же время нет никаких свидетельств, что после этого франки продолжали оставаться на Балеарских островах.

Карл Великий практически постоянно вел боевые действия в районе Пиренеев. Ему играли на руку распри и внутренние конфликты, имевшие место в халифате. В 765 г. представителем династии Омейядов был создан Кордовский эмират, который не признал власть Аббасидов в Багдаде. Это было на руку франкам, по-

сколько теперь и те и другие были вынуждены искать их расположения и считаться с ними.

В других районах Средиземноморья Карл Великий имел мало успехов. В 806 г. арабы захватили небольшой остров Пантеллерия юго-западнее Сицилии и продали обнаруженных там монахов в рабство в Испанию. Карл их выкупил. В том же году сын Карла Пипин, который был королем Италии, попытался выбить арабов с Корсики, где они обосновались и укрепились. Он снарядил флот и, как пишут летописцы, жившие во времена правления Каролингов, овладел островом. Однако на следующий год Корсика вновь перешла в руки неприятеля.

Карл немедленно послал против них своего полководца Бурхарда, который заставил арабов ретироваться; в этом сражении они потеряли 13 кораблей. Однако это вновь оказался лишь временный успех; в 808 г. папа Лев III, обсуждая с Карлом вопрос о защите итальянского побережья, умолял его позаботиться и о Корсике. Есть все основания считать, что в 809 и 810 гг. арабы заняли Корсику и Сардинию.

Ситуация для франков ухудшилась, когда после внутренних конфликтов и неурядиц на севере Африки было создано арабское государство, управляемое династией Аглабидов, которое признало багдадского халифа Гаруна ар-Рашида.

В 812 г. арабы предприняли морской поход из Африки и, несмотря на прибытие византийского флота во главе с патрицием, усиленного кораблями из Гаэты и Амальфи, разграбили Липарские и Понцианские острова, а также остров Искья. Лев II объявил состояние боевой готовности по всему итальянскому побережью, а византийский император направил ему на помощь своего двоюродного брата Валу. Карл Великий также вступил в переговоры с патрицием Георгием, но тот заключил перемирие с арабами сроком на 10 лет. Однако это перемирие было проигнорировано, и боевые действия на море продолжались; и, хотя буря уничтожила

в 813 г. арабский флот, состоявший из 100 кораблей, это была лишь временная передышка. *Полчища* арабов из Испании продолжали грабить Чивитавеккью, Ниццу, Сардинию и Корсику, где они захватили 500 пленных.

В разгар этих войн имели место и попытки наладить некоторые дипломатические контакты. В 765 г. Пипин направил посольство в Багдад. В 768 г. он принял в Аквитании посланцев располагавшегося в Испании Кордовского эмирата, которые прибыли через Марсель. В 810 г. Гарун ар-Рашид направил посольство к Карлу Великому, а последний в 812 г. подписал договор с испанским эмиром эль-Хакемом.

Однако дипломатические усилия ни к чему не привели. И Карлу Великому, который не мог ничего противопоставить арабскому флоту, приходилось занимать оборонительную позицию и с трудом отражать наносимые со всех сторон удары.

После его смерти ситуация ухудшилась. Да, в 810 г. Бонифаций из Тосканы, используя небольшой флот, в задачи которого входила защита Корсики и Сардинии, нанес удар по африканскому побережью между Карфагеном и Утикой¹.

Возможно, он воспользовался тем, что арабы сконцентрировали все внимание на Сицилии. Но лишь несколько лет спустя вся территория Италии, расположенная севернее контролируемых византийцами городов, оказалась отданной на милость арабов. В 838 г. были разграблены Брундизий и Таранто, в 840 г. был взят Бари, а византийский и венецианский флоты разгромлены. В 841 г. арабы разграбили Анкону и побережье Далмации вплоть до Каттаро. В 846 г. Лотарь не скрывал своих опасений по поводу того, что арабы могут захватить всю Италию².

В 846 г. 70 арабских кораблей атаковали Остию и Порто; грабя и разоряя страну, захватчики дошли до

¹ Как отмечает Гартман, это была единственная морская операция за пределами Франкского государства, осуществленная франками.

² В 849 г. Прованс был вновь разграблен.

стен Рима и осквернили храм Сан-Пьетро. Римский гарнизон был не в силах противостоять им. В конце концов арабы были отброшены войсками под командованием Гвидо ди Сполето. На следующий год Лотарь предпринял поход против арабов, но не сумел отбить у них Бари.

В 849 г., по инициативе папы Амальфи, Гаэта и Неаполь образовали союз против арабов и совместными усилиями выставили в Остии флот против неприятеля; папа Лев IV лично прибыл туда и благословил это начинание. Этот флот нанес сокрушительное поражение арабам, что имело огромное значение. В то же время папа обнес Ватикан мощной стеной, и территория внутри этой стены с 848 по 852 г. называлась «Город Льва»¹.

В 852 г. папа разместил в Порто некоторых корсиканских беженцев; он обнес город крепостными сооружениями, но, увы, этот новый город так и не расцвел. Папа также возвел город Леополи, который должен был заменить Чивитавеккью, покинутую жителями из страха перед набегами арабов. Одновременно папа восстановил города Орту и Америю в Тоскане, чтобы жители могли в них укрыться в случае набегов².

Однако эти меры не помешали арабам разграбить в 876 и 877 гг. Римскую Кампанию; призывы папы к императору Византии оказать помощь остались без ответа. В тот момент Византия столкнулась с катастрофическим развитием событий на Сицилии, где неприятелем в 878 г. были взяты Сиракузы; именно поэтому византийцы решили не вмешиваться. В конце концов папа, чтобы спасти соотечественников от нападений конных мавров, был вынужден откупиться от них, согласившись выплачивать 25 тыс. фунтов серебра ежегодно. При этом следует иметь в виду, что до сих пор папе

¹ В 846 г. Лотарь объявил подписку по всему государству по сбору средств на возведение этой стены.

² В 872 г. прибрежные районы Италии были подвергнуты разграблению.

приходилось иметь дело с бандами обыкновенных пиратов и грабителей, единственной целью которых была добыча. В 883 г. был сожжен и уничтожен монастырь Монте-Кассино. В 890 г. был осажден монастырь в Фарфе; он выдерживал осаду в течение 7 лет. Был разорен Субьяко, долины Анио и Тиволи были подвергнуты разграблению. Арабы создали свой опорный пункт недалеко от Рима в Сарачинеско; другой опорный пункт располагался в горах Сабини в Чичилиано. Римская Кампания превратилась в пустыню: теперь это была *заброшенная и обезлюдившая земля*. Мирная жизнь здесь восстановилась лишь в 916 г., когда Иоанн X, император франков, правители Южной Италии и император в Константинополе, направивший в Неаполь несколько галер, объединили усилия и заставили жителей Неаполя и соседних городов разорвать союз с арабами и выступить против них; объединенные силы этой коалиции нанесли завоевателям сокрушительное поражение в решающем сражении, состоявшемся на реке Гарильяно.

Таким образом, можно сказать, что после завоевания Испании и особенно Африки арабами-магометанами западная часть Средиземного моря превратилась в «мусульманское озеро». У Франкской империи не было флота, и она была бессильна помешать арабским завоеваниям. У Неаполя, Гаэты и Амальфи флот был, но их коммерческие интересы подтолкнули их к тому, чтобы отказаться от отношений с Византией, которая была слишком далеко, в пользу арабов-магометан.

Именно благодаря измене этих городов арабам в конце концов удалось установить контроль над Сицилией. Да, у Византии был мощный флот, даже более мощный, чем у приморских городов Италии, благодаря наличию такого страшного оружия, как уже упоминавшийся греческий огонь. Но, как только Сицилия была окончательно завоевана арабами, византийский флот оказался полностью отрезанным от Запада; его

появления в западных районах отныне были редки и неэффективны. Тем не менее он позволил византийским императорам обезопасить империю, территория которой в основном располагалась на побережье¹.

Именно благодаря флоту греческие воды остались свободными, а Италия в конце концов сумела вырваться из железных объятий арабов-магометан. Тридцать лет спустя после взятия Бари арабами в 840 г. город был освобожден силами флота византийского императора Василия, состоявшего из 400 кораблей².

Византийский флот явился тем важнейшим фактором, который не позволил арабам утвердиться в Италии, обеспечил суверенитет Византии и гарантировал безопасность Венеции.

Опять же, именно флот позволил Византии сохранить некоторое превосходство над Неаполем, Амальфи и Гаэтой, которые «дружили» то с Византией, то с герцогом Беневентским, а иногда и с арабами; подобную политику они проводили для того, чтобы сохранить независимость, которая была им необходима для обеспечения своих торговых интересов.

Арабы-магометане не смогли распространить ислам по всему Средиземноморью. Они окружили Средиземноморье с востока, юга и запада, но им не удалось закрепиться на севере. Древнее «римское море» стало теперь границей между исламом и христианством. Все старые средиземноморские провинции, завоеванные арабами-магометанами, отныне тяготели к Багдаду³.

¹ Флот защищал Византию не только от арабов, но и от франков; именно демонстрация флота, против которого Карл Великий был бессилен, позволила убедить его отказаться от прав на Венецию. На море франки полностью зависели от флотов итальянских городов; в 846 г. Лотарь, у которого не было своего флота, попросил венецианцев атаковать арабов, участвовавших в беневентской морской операции.

² Итальянская кампания Луи II, длившаяся с 866 по 873 г., окончилась неудачей из-за разногласий между ним и итальянцами, которые однажды даже взяли его в плен.

³ Относительно африканских провинций в этой связи было сказано следующее: «Мосты между Африкой и христианской Европой разрушены. Теперь взгляд Африки устремлен на Багдад и Каир».

В то же время Восток оказался отрезанным от Запада. Те узы, которые сохранились после вторжений германцев, теперь были порваны. С этого момента Византия стала лишь центром эллинистской империи и не могла более проводить политику Юстиниана. Она теперь фактически оказалась ограничена пределами Греции и Малой Азии и была вынуждена заботиться лишь о том, как сохранить свои оставшиеся владения. Ее самыми удаленными форпостами на Западе были Неаполь, Венеция, Гаэта и Амальфи. Флот по-прежнему позволял поддерживать отношения с ними и препятствовал превращению Восточного Средиземноморья в «мусульманское озеро». То, что раньше было великим средством общения, теперь стало непреодолимым препятствием.

Это было самым важным событием в европейской истории со времен Пунических войн между Римом и Карфагеном. Классической античной традиции пришел конец. Это произошло тогда, когда начиналась эпоха Средневековья, и в тот самый момент, когда Европа все увереннее шла по пути Византии, все более и более перенимала ее традиции.

2. Закрытие Западного Средиземноморья для торгового мореплавания

До тех пор пока Средиземное море находилось под контролем Римской империи, именно судоходство с Востока обеспечивало активное развитие торговли с западными районами империи. Главными центрами, поддерживающими торговлю между Востоком и Западом, были Сирия и Египет; и именно эти процветающие провинции империи первыми оказались под властью арабов-магометан. Конечно, было бы ошибкой считать, что установление контроля арабов над этими районами привело к прекращению всякой экономической деятельности. Хотя смятение, беспорядок и потрясения, вызванные арабскими вторжениями, действительно имели место, а многие сирийцы переехали на Запад,

экономическая деятельность не рухнула. Дамаск стал первой столицей Арабского халифата. По-прежнему сюда с Востока привозили пряности, в Египте производили папирус, а морские порты, как и раньше, были весьма активны. Арабы-магометане относились к христианам весьма терпимо при условии, что те исправно платили завоевателям налоги и подати. Торговля, таким образом, продолжала развиваться, но ее географическое направление изменилось; объем торговли по различным регионам стал распределяться по-новому¹.

Само собой разумеется, что, когда шли военные действия, захватчик не позволял своим подданным торговать с теми территориями, которые он в ходе этих боевых действий захватил или пытался захватить. А когда установился мир и завоеванные арабами провинции вновь были вовлечены в торговую деятельность, завоеватели направили эту деятельность по новым торговым маршрутам, которые возникли благодаря тому, что были завоеваны огромные территории. Поистине невероятная территориальная добыча досталась арабам-магометанам.

Новые торговые пути соединили Каспийское море с Балтийским через Волгу, и торговцы из Скандинавии, часто бывавшие на берегах Черного моря, неожиданно для себя были вынуждены пользоваться этим новым маршрутом. Об этом ясно свидетельствуют многочисленные восточные монеты, найденные на острове Готланд в Балтийском море, расположенном к востоку от побережья Швеции.

Можно с уверенностью утверждать, что потрясения и конфликты, связанные с завоеванием Сирии (634—

¹ О фактическом закрытии западной части Средиземного моря для торгового и вообще гражданского мореплавания арабами-магометанами (но не восточной; там торговое мореплавание заблокировано не было) свидетельствует документ, написанный в XI в. арабом-христианином Яхья ибн-Саидом, жившим в Антиохии; он пишет, что у него нет достоверных данных о том, кто занимал папский престол в Ватикане после пребывания на этом престоле Агафона (бывшего папой с 678 по 681 г.).

636) и Египта (640—642), серьезно затруднили судоходство по Средиземному морю¹.

Торговые корабли, судя по всему, конфисковывались для создания военно-морского флота, который арабы с неожиданной для всех стремительностью создали в Эгейском море. Более того, трудно себе представить, чтобы обычные торговые суда ходили бы в море, контролируемом кораблями неприятеля; исключение составляли лишь те торговцы, которые решили воспользоваться сложившейся ситуацией и стали промышлять как пираты.

Можно с уверенностью утверждать, что с середины VII в. связь между портами в Эгейском море, контролируемыми арабами-магометанами и христианами, практически прервалась; контакты стали невозможными, а если что и сохранилось, то в совершенно ничтожном объеме.

Вполне допустимо, что под защитой византийского флота осуществлялось судоходство между побережьем Византии в Малой Азии, находящимся под охраной Константинополя, и районами Греции, побережьем Адриатического моря, Южной Италией, а также Сицилией, которые контролировала Византия; но навряд ли можно предполагать, что византийские корабли ходили дальше на запад после того, как арабы начали нападения на Сицилию в 650 г.

Что касается торговых связей с Африкой, то таковые прекратились, поскольку африканские провинции с 643 по 708 г. были предметом постоянного разграбления и опустошения со стороны арабов. Те небольшие «остатки былой торговой роскоши», которые чудом уцелели, полностью прекратили существование после взятия арабами Карфагена и создания ими новой столицы африканских провинций — Туниса, отстроенного в 698 г.

¹ Отнюдь не случайно последние якобы византийские монеты, отчеканенные в Галлии, относятся к правлению византийского императора Гераклия (610—649).

Завоевание арабами Испании в 711 г., а также отсутствие безопасности в прибрежных районах Прованса, находившихся под постоянной угрозой нападения со стороны магометан, сделали морскую торговлю в Западном Средиземноморье практически невозможной. Те порты, которые контролировались христианами, не могли поддерживать морское сообщение, поскольку у них либо не было своего флота, либо он был крайне небольшим.

Таким образом, можно утверждать, что около 650 г. морское судоходство прекратилось в районах, расположенных восточнее Сицилии, а во второй половине VII в. — уже и во всем Западном Средиземноморье.

К началу VIII в. судоходство в Западном Средиземноморье исчезло вовсе. Единственным местом, где оно сохранилось, было византийское побережье, вдоль которого суда еще могли ходить. Как отметил Ибн-Халдун (сделав соответствующую оговорку относительно византийского побережья), «христиане более не могут отправлять по морю даже доску». Все Средиземное море теперь контролировалось арабскими пиратами. В IX в. они захватывали острова, разрушали порты и устраивали свои набеги везде, где только можно. Великий торговый порт Марсель, бывший в свое время главным центром Запада в торговле с Византией, теперь был пуст. Прежнее экономическое единство и целостность Средиземноморья были разрушены, и так продолжалось до эпохи Крестовых походов. Средиземноморское единство выдержало вторжения германцев, но оно было бессильно устоять против яростного напора арабов-магометан.

Да и как мог Запад оказать сопротивление? У франков флота не было. Вестготский флот был уничтожен, а противник при этом был силен и хорошо подготовлен. Отстроенный арабами Тунис был неприступен. Вдоль всего африканского побережья были возведены *заставы* — полурелигиозные-полувоенные опорные пункты, поддерживающие непрерывную связь между

собой и находившиеся в состоянии постоянной боевой готовности. Христиане ничего не могли противопоставить военно-морской мощи арабов-магометан; ярким свидетельством этого является тот факт, что они лишь однажды предприняли небольшую вылазку на контролируемое арабами североафриканское побережье.

Я настаиваю на том, что в результате арабских завоеваний судоходство на Средиземном море было прервано, и считаю этот вопрос исключительно важным и принципиальным, поскольку некоторые замечательные ученые не согласны с тем, что арабские завоевания были в состоянии столь кардинально прервать экономическое общение между средиземноморскими странами. Они даже считают, что сирийские купцы продолжали, как и прежде, часто посещать Италию и Галлию в VII и VIII вв. Действительно, Рим — его это касается в наибольшей степени — радушно принимал многих сирийцев, прибывавших сюда в течение нескольких десятилетий после захвата Сирии арабами-магометанами. Их прибыло действительно много, и они пользовались большим влиянием — об этом, в частности, говорит тот факт, что некоторые из них занимали даже папский престол: Сергей I был папой с 687 по 701 г., а Константин I — с 708 по 715 г. Из Рима ряд этих беженцев, дополнительный авторитет которым придавало знание ими греческого языка, направлялись далее на север, везя с собой рукописи, изделия из слоновой кости и драгоценности, которые они забрали, покидая Сирию. Представители династии Каролингов охотно нанимали их на работу, предпринимая тем самым усилия для возрождения литературы и искусства. Карл Великий поручил некоторым из них отредактировать текст Евангелия. Скорее всего, именно кто-то из сирийцев оставил в Меце *Псалтырь* на греческом языке, который, как сообщается, был обнаружен там в IX в.

Другим подтверждением проникновения сирийцев на Запад является влияние искусства Малой Азии на западное орнаментальное искусство в эпоху правления

Каролингов. Нам известно, что многие священнослужители из Франкии осуществляли паломничества к святым местам в Палестину, а с собой по возвращении они привозили, безусловно, не только реликвии, но также и рукописи, и церковные украшения.

Широко известен факт, что багдадский халиф Гарун ар-Рашид для того, чтобы заручиться поддержкой Карла Великого в своей борьбе с Омейядами, передал ему в дар участок земли, где, согласно преданию, был захоронен Иисус, а также отдал под его правление, хотя это и было выражено в весьма общих и расплывчатых выражениях, святыя места в Палестине¹.

Однако все эти детали, сколь бы они ни были интересны для историков, изучающих развитие цивилизаций, ничего не говорят нам об экономической жизни того времени. Иммиграция ученых и деятелей искусств отнюдь не доказывает наличия торговых и экономических связей между странами, откуда они уехали, и теми странами, где они нашли пристанище. Разве не в то же время, когда многие просвещенные и высокообразованные византийцы нашли в XV в. прибежище в Италии, спасаясь от турок-османов, Константинополь перестал быть крупнейшим морским портом и торговым центром? Мы не должны смешивать передвижение товаров с передвижениями паломников, ученых и деятелей искусств. Для развития нормального товарообмена необходимо организовать нормальное транспортное сообщение и обеспечить возможность постоянного осуществления как экспорта, так и импорта товаров. А передвижение упомянутых людей произошло в силу вынужденных обстоятельств. Перед тем как считать обоснованной точку зрения о том, что после VII в. торговое судоходство по-прежнему осуществлялось между

¹ По мнению Клейнклауса, Гарун ар-Рашид преподнес в дар императору франков только участок земли, где был захоронен Иисус; Бедье считает, что багдадский халиф действительно согласился отдать под правление Карла святыя места в Палестине, но протекторат, о котором халиф вел речь, предусматривал лишь признание «моральной власти» Карла Великого над христианами Палестины.

Востоком и Сирией и между Тирренским морем и Лионским заливом, нужно сначала доказать, что в это время Марсель и портовые города Прованса продолжали поддерживать торговые связи с Византией. Однако последнее свидетельство таких связей датировано лишь 716 г.; это уже упоминавшийся документ о привилегиях, предоставленных монастырю Корби¹.

Из текста этого документа вытекает, что на складе федерального казначейства в Марселе либо в Фосе в то время было по-прежнему в изобилии пряностей и оливкового масла, которые, как известно, завозились из Азии и Африки. Однако, как мне кажется, этот документ касается более раннего периода, когда монастырь мог реально приобретать подобные товары. Скорее всего, данный документ просто дословно воспроизводит ранее сформулированные привилегии для монастыря Корби. Действительно, совершенно невозможно себе представить, что в то время оливковое масло поставлялось морем из Африки. Да, возможно, товары выдавались со склада федерального казначейства из старых запасов, но в таком случае это никоим образом не доказывает наличие торговых связей с Африкой и Востоком в 716 г. Как бы то ни было, этот документ представляет собой самое позднее сохранившееся свидетельство наличия восточных товаров на складах Прованса. В этом плане надо иметь в виду, что спустя четыре года арабы высадились на побережье Прованса и разграбили его. Как порт Марсель был мертв. Совершенно необоснованно утверждать обратное, ссылаясь в качестве аргумента на то, что паломники отправлялись на Восток именно через Марсель. Действительно, поскольку паломники не могли отправляться по сухопутному пути через долину Ду-

¹ Р. Бухнер согласен с тем, что торговые отношения существовали до этого времени, но не позже; об этом, как он подчеркивает, свидетельствует тот факт, что привилегии, имевшиеся у монастыря Сен-Дени, в VIII в. продлены не были. В 695 г. вместо права получать на льготных условиях товар со складов федерального казначейства монастырю было предоставлено право приобрести большой участок сельскохозяйственных земель.

ная, занятую тогда сначала аварами, а потом венграми, они были вынуждены совершать путешествие морем. Однако, как мы обнаруживаем из доступных источников, паломники пользовались итальянскими портами, находившимися под контролем Византии. Епископ Эйштадта св. Виллибад отправился в плавание в 726 г. из Гаэты, перейдя перед этим Альпы. Епископ Вердена Мадальвий, направляясь около 776 г. в Иерусалим, сел на судно, шедшее из Апулии в Константинополь¹.

В письмах св. Бонифация говорится о том, что англосаксы отправлялись в Рим не через Марсель, а сухопутным путем, для чего им приходилось переправляться через Альпы. А в IX в. монах Бернар, направляясь в Александрию, отплыл туда из Таранто².

Не только нет ни единого документа, подтверждающего присутствие в Галлии в то время восточных или сирийских торговцев, но также начиная с VIII в. в Галлии не было и поставлявшихся ими товаров.

Из привозимых с Востока и из Африки товаров первым исчез папирус. Все, нам известное, написанное на Западе на папирусе, относится самое позднее к VI и VII вв. До 659—677 гг. вся документация в канцелярии при дворе Меровингов велась исключительно на папирусе. Затем появился пергамент³.

Некоторые частные письма и документы по-прежнему писались на папирусе вплоть до конца VIII в.; безусловно, папирус в данном случае брали из старых

¹ В определенном объеме судоходство по Средиземному морю в VIII в. сохранилось. Так, папы, направляя послов Пипину, часто пользовались *морским маршрутом*, чтобы избежать встречи с лангобардами. Однако сам факт того, что на это было обращено особое внимание, говорит о том, что это было скорее исключение, чем правило. Аналогичным образом, послы арабских халифов, направляемые ко дворам Пипина и Карла Великого, следовали к месту назначения через Марсель, Порто, Венецию и Пизу.

² Р. Бухнер приводит и другие примеры, подтверждающие, что морского сообщения между Марселем и Римом уже более не существовало. Клейнклаус ошибается, заявляя, что послы, направляемые Карлом Великим в Византию, следовали туда через Марсель.

³ Первый королевский документ, написанный на пергаменте, датирован 12 сентября 677 г.

запасов. После этого от папируса не осталось и следа. Нет оснований утверждать, что произошло это из-за прекращения выделки папируса; эти утверждения опровергаются прекрасно выполненными документами на тонком папирусе в VII в., образцы которых находятся в Арабском музее в Каире. Исчезновение папируса в Галлии объясняется лишь тем, что торговля с Востоком и Африкой сперва резко уменьшилась, а затем и вовсе прекратилась. Сначала пергамент не получил широкого распространения. Григорий Турский, называющий пергамент словом *membrana*, означающим не только «тонкий пергамент», но также и «перепонка», «кожица», «оболочка», упоминает о нем лишь однажды, при этом давая понять, что его изготовляли монахи для собственного пользования. Нам сейчас хорошо известно, что королевская канцелярия отличалась консерватизмом в привычках и вкусах; и если с конца VII в. королевские служащие перестали использовать папирус, то это могло случиться только потому, что его стало очень трудно доставать.

Папирус по-прежнему иногда использовался в Италии. Последний раз римский папа использовал его в 1057 г. Следует ли предположить, как это делает Бреслау, что папирус брали из старых запасов? Доставляли ли его с Сицилии, где арабы начали его изготовление в X в.? Вопрос о том, доставлялся ли папирус с Сицилии, действительно обсуждался. Как мне кажется, его поставляли через итальянские порты, охраняемые Византией: Неаполь, Амальфи, Гаэту и Венецию.

Однако в Галлии папирус более был недоступен.

Упоминание приправ, как и папируса, последний раз встречается в документе, датированном 716 г.; после этого оно больше нигде не появляется.

Пряности исчезли в Галлии одновременно с папирусом, поскольку их доставляли вместе на одном судне.

Если посмотреть на перечень наименований, то можно убедиться, что в нем представлены лишь те приправы и экзотические растения, которые можно было

выращивать на монастырских землях; это, в частности, красная марена, использовавшаяся для получения краски, тмин и миндаль. Но там не упоминаются перец, пряная гвоздика, гималайская валерьяна, из которой делали мазь, корица, финики и фисташки.

В «Императорском повелении об оказании данному лицу всяческого содействия в его служебной поездке», принятом во время правления Каролингов, указаны продукты, которые должны были подаваться государственным служащим в ходе их служебных поездок; там упоминаются хлеб, свинина, дичь, яйца, соль, травы, овощи, рыба и сыр, но нет ни единого упоминания о каких-либо специях.

Аналогичную картину мы наблюдаем в повелении, посвященном «общему обслуживанию странствующей братии на постоянных дворах», принятом в 829 г. Послушникам должны были подавать 40 буханок хлеба, свинину или мясо молодого барашка, 4 птицы, 20 яиц, 8 кувшинов вина, 2 меры (476 л) пива, 2 меры овса. Это меню для сельской местности. Приправы, как видим, не упоминаются.

Нормы снабжения епископов, действовавшие в 843—850 гг., предписывали подавать путешествующим епископам 100 буханок хлеба, свинину, 50 кувшинов вина, 10 птиц, 50 яиц, 1 молодого барашка, 1 поросенка, 6 мер овса для лошадей, 3 воза сена, мед, оливковое масло и воск. И в этом перечне пряности не упоминаются.

Из писем св. Бонифация мы видим, сколь дорогостоящим и редким товаром стали пряности. Благовония для церковного пользования св. Бонифаций как дарил сам, так и получал в виде подарков. В 742—743 гг. кардинал преподнес ему «в качестве скромного подарка тот фимиам, который послал нам Господь». В 748 г. архидьякон Рима также направил ему небольшую посылку с приправами и благовониями. Эти подарки свидетельствуют о том, что пряности и благовония стали редкостью в районах к северу от Альп, поэтому они

рассматривались как ценный подарок. Однако следует отметить, что все они привозились на север из Италии; через Марсель они больше не поступали. Склад государственного казначейства в Марселе был пуст, а вполне возможно, он был разграблен и сожжен арабами-магометанами. Пряности и благовония перестали быть обычным предметом торговли. Если они и попадали в Галлию, то в небольших количествах — их завозили мелкие торговцы-коробейники.

В многочисленных письменных источниках того времени нет никакого упоминания о приправах и благовониях.

Можно утверждать, что ввиду крайней скудости их количества пряности в начале VIII в. перестали быть пищевыми продуктами повседневного употребления. Они стали таковыми вновь только после XII в., когда Средиземное море стало снова открытым для торговли.

То же самое, безусловно, касается и вина из Газы, которое также исчезло с рынка. Оливковое масло из Африки больше не поставлялось; оно теперь привозилось из Прованса. По этой причине в храмах стали использовать вместо масляных лампад и светильников восковые свечи.

По этой же причине в тот период практически прекратилось использование шелка. Мне удалось обнаружить лишь одно упоминание о нем в хозяйственных документах и амбарных книгах того времени¹.

Нам известно, как прост был Карл Великий в одежде. Конечно же двор старался ему подражать. Однако при этом следует иметь в виду, что эта простота, столь резко контрастировавшая с той роскошью, в которой

¹ В *хозяйственном сборнике*, составленном около 810 г., говорится, что в церковной сокровищнице находятся «далматские шелковые ткани и платья; освященные льняные одеяния; холсты, полотняные одеяния, в том числе и для праздничных служб, и платки; церковные одеяния с длинными рукавами, украшенные жемчугом». Все это относится к церковному имуществу, и не вызывает сомнения, что ряд этих драгоценных тканей и украшений был поставлен в более ранний период и с тех пор хранился в церковной сокровищнице.

буквально купался королевский двор в эпоху Меровингов, была вынужденной.

Из всего вышеизложенного следует сделать вывод, что в результате арабских завоеваний ввоз товаров с Востока практически прекратился.

Следует обратить внимание еще на один весьма характерный факт: резкое сокращение золота в обращении. Золото становилось все большей и большей редкостью. Это видно уже по золотым монетам эпохи Меровингов: в VIII в. эти монеты представляли собой уже сплав золота и серебра, причем содержание серебра в этом сплаве постоянно возрастало. Ясно, что это было вызвано прекращением поступления золота с Востока. Если в Италии золото продолжало оставаться в обращении, то в Галлии оно стало такой редкостью, что перестало использоваться в качестве платежного средства. С момента правления Карла Великого и Пипина чеканили уже только серебряные монеты — *денарии*. Золотые монеты стали редким исключением. Золото лишь тогда вновь вернулось в денежное обращение, когда приправы возвратились в ежедневный рацион питания.

Этот факт жизни говорит сам за себя красноречивее любых документов и письменных источников. Следует признать очевидное, а именно что золото в обращении было следствием активного развития торговли, поскольку там, где торговля сохранилась — а именно в Южной Италии, — золото продолжало находиться в ежедневном обращении.

Одним из следствий прекращения торговли с Востоком стало исчезновение профессиональных торговцев во внутренних районах Галлии. О торговцах практически больше не упоминается в документах того периода; лишь изредка встречаются случайные упоминания об отдельных торговцах. В источниках того периода я нигде не нашел упоминаний хотя бы об одном крупном оптовом торговце, которые играли столь важную роль в эпоху Меровингов: ссужали деньги под про-

цент, жертвовали нажитое богатство на храмы и помогали бедным. Нет никаких свидетельств того, что в городах по-прежнему сохранялись сообщества торговцев, многочисленные колонии торговцев, *торговые гильдии* и *торговые дома*. Вне всякого сомнения, торговцы исчезли как класс. Торговля конечно же не прекратилась, поскольку невозможно представить себе какой-то период рассматриваемой нами эпохи, когда не было бы никакого товарообмена. Она просто приняла другой характер. Как нетрудно убедиться, сама атмосфера того времени была враждебна для любых обменов и контактов, за исключением стран, входивших в Византийскую империю или находившихся под ее защитой. К тому же большинство мирян того времени не умели читать и писать, а невозможно представить себе большую группу людей, живущих только за счет купли-продажи и не обладающих при этом определенным уровнем грамотности. Исчезновение процентных ссуд также ясно свидетельствует об экономическом регрессе, вызванном закрытием Средиземного моря для торговли.

Не стоит придерживаться иллюзий, что арабские купцы из захваченных арабами-магометанами Африки, Испании или даже Сирии могли занять место византийских купцов и обеспечить таким образом торговлю между Востоком и Западом. Во-первых, мусульмане и христиане находились в постоянной войне друг с другом. Во-вторых, арабов-магометан не интересовала никакая торговля с территориями, на которые они претендовали; их интересовал только грабеж. Нет никаких документальных свидетельств хоть об одном торговце из арабов-магометан, который постоянно осел бы в Галлии или Италии. Является неопровержимым фактом, что торговцы-мусульмане торговали только в зоне преобладания ислама. То есть если они и торговали, то только между собой. Не обнаружено ни единого свидетельства торгового сообщения Африки с христианским миром после ее завоевания арабами-магомета-

нами; исключение здесь, как уже говорилось, составляли лишь христианские города Южной Италии. И нет ни единого свидетельства хоть каких-то торговых контактов христиан с прибрежными районами Прованса.

В подобных обстоятельствах единственными, кто продолжал заниматься широкомасштабной торговлей, были евреи. Они были многочисленны везде. Арабы не выгнали их и не уничтожили, а христиане не изменили к ним своего прежнего отношения. Поэтому класс торговцев, живший за счет лишь одной торговли, был представлен исключительно еврейскими купцами. В то же время благодаря тому, что они сохранили контакты между собой независимо от места нахождения, именно они стали единственным экономическим связующим звеном между исламским и христианским мирами, другими словами, между Востоком и Западом.

3. Венеция и Византия

Вполне можно утверждать, что вторжения арабов-магометан оказали столь же решающее воздействие на развитие Восточной Европы, как и Западной, то есть на развитие всех европейских стран, входивших ранее в состав Римской империи. До этих вторжений император Византии считался по-прежнему императором Римской империи. В этой связи характерна политика Юстиниана: он считал, что все страны Средиземноморья являются подданными Римской империи и византийского императора, который для всех по-прежнему был носителем верховной власти Римской империи. После арабских вторжений византийский император, наоборот, был вынужден перейти к обороне и с трудом удерживал позиции Византии в Эгейском море, не давая в первую очередь захватить Грецию. Вплоть до XI в. он был вынужден обращаться к Западу за помощью. Арабы-магометане сковали его силы и захватили большую часть его владений. В этом и заключается объяснение всей его политики. Отныне путь на Запад был

для него закрыт, и он был отрезан от своих бывших западных владений.

После того как Византия потеряла африканские провинции и Карфаген, которые она упорно обороняла в тяжелейших условиях, ее сфера деятельности ограничивалась уже только Италией, но и здесь ей удавалось удерживать контроль лишь над прибрежными территориями. Внутри страны Византия не могла более противостоять лангобардам. Именно ее неспособность защитить внутренние районы привела к восстанию итальянцев и отказу папы признавать власть Византии. С тех пор империя вела борьбу лишь за сохранение позиций на Сицилии, Адриатике и в городах Южной Италии, однако и эти опорные пункты влияния империи становились все более и более самостоятельными и автономными.

Распространение ислама остановилось на границе непосредственно самой Византии. Арабы-магометане захватили у империи ее сирийские, египетские и африканские провинции, воспользовавшись отчасти тем, что здесь проживали представители иных национальностей, нежели в основных районах империи, а также тем, что эти провинции отличались от основной части империи и в культурном отношении. На этих национальных и культурных различиях и противоречиях завоеватели и сыграли. Но сердцевину империи, ее цивилизационную основу и ядро — Грецию — удалось отстоять, и этим были спасены и Европа, и христианство.

Однако эта борьба была яростной и упорной. Византия дважды подверглась нападению со стороны Арабского халифата, находившегося на пике своего могущества. Но ей удалось победить в этой схватке, и сделала она это благодаря своему флоту. Несмотря ни на что Византия продолжала оставаться великой морской державой.

Из всех западных оконечностей Византийской империи самой важной и в то же время самой необычной

была Венеция — удивительный островной город, история которого, если не считать Объединенные провинции, является наиболее интересной и любопытной страницей в истории развития мировой хозяйственной жизни того времени. Первыми обитателями этих безлюдных песчаных, расположенных в лагуне островов были несчастные беженцы, искавшие здесь спасения от полчищ Аттилы; это произошло в V в., когда завоеватель напал на Аквилею — город, расположенный на северо-востоке Италии. Другие беженцы присоединились к ним, когда франки во времена Нарсеса захватили Истрию, а еще больше беженцев появилось здесь в связи с вторжением в Италию лангобардов. Таким образом, острова были заселены беженцами, которые сначала находились здесь временно, а затем уже осели постоянно. Больше всего беженцев из Аквилеи было в Градо; они прибыли вместе со своим епископом, который принял титул патриарха и стал духовным лидером новой Венеции. В Каорле, прибрежном городе, расположенном в устье Ливенцы на берегу Венецианского залива, поселились переселенцы из Конкордии, прибывшие на новое место жительства вместе со своим епископом. Затем была основана Гераклиана и Аквилеяди-Пьяве. Беженцы из Трентино-Альто нашли пристанище в Торчелло, Мурано и Маццорбо. Беженцы из Падуи поселились в Маламокко и Кьодже. Вначале острова, на которых впоследствии и выросла сегодняшняя Венеция, были весьма малонаселенными: на Риальто, Оливоло, Спиналонге и Дорсодуро можно было встретить лишь редких рыбаков.

В ранней Венеции VI—VII вв., когда она была еще просто островной областью, центром религиозной жизни был Градо, политическим центром — Гераклиана, а торговым — Торчелло. На этих островах, избежавших набегов завоевателей, сохранилась византийская система управления, которая пришла сюда вместе с беженцами из внутренних сухопутных районов Северной Италии; она была представлена несколькими управлен-

цами и народным избранником, имевшим право наложить вето на решение властей, если оно противоречило интересам жителей Венеции.

Сформировавшееся здесь постоянное население занималось в основном морским промыслом и было связано с морем; когда читаешь описание ранних венецианцев Кассиодором, создается впечатление, что речь идет о ранней Голландии. «Когда смотришь издалека, кажется, что суда скользят прямо по лугам, поскольку корпуса судна не видно», — пишет он. Вполне можно согласиться с тем, что подобные условия жизни содействовали развитию жизненной энергии, изобретательности и смекалки. На ранних этапах обитатели островов жили рыбалкой и производством соли, которую они вывозили в сухопутные районы и обменивали на хлеб. Единственным торговым центром был Комаккьо — морской порт, расположенный в устье По, куда часто заходили византийские суда, привозя пряности и оливковое масло. Комаккьо, безусловно, выиграл от того, что торговля с Востоком через Лионский залив прекратилась. В торговом договоре, заключенном где-то около 715 г. между этим городом и Лиутпрандом, упоминается черный перец; это говорит о том, что Комаккьо поддерживал торговые связи с Византией (точнее сказать, с Левантом — так называли восточную часть Средиземного моря, куда входят Сирия, Ливан, Египет, Турция, Греция и др.).

Безусловно, венецианцы захотели следовать примеру своих соседей. В любом случае в VIII в. торговля в Венеции активно развивалась, и она становилась все более и более крупным торговым центром. В 787—791 гг. по просьбе Карла Великого венецианские купцы были изгнаны из Равенны; это доказывает, что в Венеции не признавали его королем лангобардов, а этот факт, в свою очередь, подтверждает, что Венеция имела тесные связи с Византией. Венецианцы использовали отношения с византийским императором исключительно к своей выгоде — да иначе и быть не мог-

ло, поскольку Византия была слишком далеко. Идеалом для Венеции была автономия, независимая республика во главе с одним-двумя wybranными народом управляющими — дожами — с утверждением этих выбранных Византией.

Время от времени возникали трения и конфликты, связанные с тем, что Венеция пыталась сблизиться с императором франков. Так, в 805 г. Венеция направила посольство ко двору Карла, чтобы тот взял ее под свою защиту и опеку. Однако этот факт был скорее связан с конфликтами внутри городов Венецианской лагуны, и в частности конфликтом с Градо, поскольку находившийся в этом городе патриарх уже обращался в 803 г. к Карлу Великому за защитой. Как раз в это время Венеция пыталась установить контроль над небольшими прибрежными городами Далмации и, безусловно, опасалась соответствующей реакции со стороны Византии. Этот шаг не привел к каким-либо немедленным критическим последствиям, но он имел серьезное и далеко идущее значение. Карл, приняв венецианское посольство, немедленно включил Венецию в итальянское королевство; это давало возможность империи франков стать морской державой и утвердиться в Далмации. Однако реализовать эту возможность Карлу Великому не удалось. Византия же, осознав всю серьезность ситуации, действовала очень быстро и решительно. На следующий год византийский император Никифор направил к Венеции флот, и она признала власть Византии. Карл на это никак не отреагировал; он ограничился тем, что предложил патриарху Градо убежище в своем государстве.

В 807 г. король Италии Пипин заключил перемирие с командующим византийским флотом Никеием. А венецианцы выдали сторонников сближения с Карлом византийскому императору, которого на греческий манер называли *василевсом*. Император Византии отправил выданных ему людей в ссылку, а своих сторонников в Венеции возвел в патрицианское достоинство и

присвоил им титул *полномочных представителей византийского императора*.

Но ставки в этой игре были слишком велики, чтобы от нее отказаться. В 810 г. Пипин, одолжив корабли в Комаккьо, вновь установил контроль над Венецией и далматским побережьем. Но византийский флот под командованием наместника Кефалонии Павла вынудил Пипина отказаться от этих завоеваний. В этом же году Пипин умер (это произошло 8 июля 810 г.). Карл Великий поспешил пригласить византийских послов в свою резиденцию в Галлии и заключил с Византией мир, отказавшись от прав на Венецию, а также на города Истрии, Либурнии и Далмации. Этот мир был окончательно оформлен договором от 13 января 812 г.; империя Каролингов сдала свои позиции на море, где она проявила полную беспомощность. Венеция определенно начала входить в орбиту Византии, а это означало, что на границе Запада возник совершенно другой мир. Об этом лучше всяких документальных источников свидетельствуют площади Венеции и возведенные на них сооружения, такие как пьядца Сан-Марко.

Мирный договор 812 г. создал исключительно благоприятную ситуацию для Венеции. Именно этот договор заложил основы ее будущего величия. С одной стороны, Венеция получила возможность расширять свои связи и контакты с Востоком, ничуть не опасаясь при этом за свою автономию, поскольку Византии нужна была ее поддержка в борьбе с арабами-магометанами. С другой стороны, были открыты двери для экономических и торговых контактов с Западом: отказавшись от прав на Венецию, Карл Великий признал ее право развивать торговлю с империей франков. Венеция была в безопасности от угрозы с Запада; единственным ее соперником был город Комаккьо, контролировавший устье По. И в 875 г. Венеция уничтожила своего конкурента; никогда более он таковым уже не являлся. С тех пор рынки и порты Северной Италии — Павия, Кремона, Милан и остальные — зависели от торговых связей с Венецией.

Оставалась еще угроза со стороны арабов-магометан. Здесь интересы Венеции и Византии совпадали. В 828 г. византийский император обратился к Венеции с просьбой прислать ему в помощь боевые корабли. В 840 г. Венеция послала на помощь Византии 60 кораблей; в ответ на это арабы-магометане сожгли Анкону и захватили венецианские корабли. В 867—871 гг. Венеция атаковала Бари с моря вместе с византийцами, а также армией Луи II, атаковавшей город с суши. Но в 872 г. арабы напали на Далмацию, а в 875 г. осадили Градо. Однако Венеции удалось сохранить контроль над Адриатикой и таким образом обеспечить торговое сообщение с восточносредиземноморскими районами Византии. Это в то же время не мешало Византии поддерживать торговлю с арабами-магометанами. В 814—820 гг. император Византии запретил торговлю с захваченными арабами-магометанами Сирией и Египтом, однако венецианцы продолжали торговать с «басурманами» даже и тогда, когда воевали с ними. Именно из Александрии венецианская флотилия в составе 10 кораблей вывезла в Венецию мощи св. Марка, которые были похищены венецианцами в Александрии, причем ни христиане, ни мусульмане этого города ничего об этом не знали.

Наиболее важным и прибыльным направлением торговли Венеции была продажа рабов-славян из прибрежных районов Далмации. В 876 г. высшее должностное лицо Венеции — дож — запретил подобную торговлю, но, увы, этот запрет ничего не дал. В середине IX в. торговцы продавали арабам-магометанам даже рабов-христиан.

В торговом договоре, подписанном властями Венеции и королем франков Лотарем в 840 г. и подтверждающем, что Венеция становилась все более и более крупным торговым центром и пропитывалась торговым, если не сказать торгашеским, духом, запрещалось продавать как рабов, так и евнухов христианского вероисповедания. Венеция была одновременно и крупным торговым портом, и большим рынком-ярмаркой. Она стала играть

ту же роль, которую в свое время играл Марсель. Через Венецию люди направлялись к восточносредиземноморским районам Византии; также именно из Венеции вывозилась в Египет строительная древесина.

С Востока в Венецию привозили пряности и шелк, которые немедленно реэкспортировались в глубь Италии — в Павию и Рим. Груз также переправлялся по торговому маршруту через Альпы; правда, в рассматриваемый нами период грузопоток по этому маршруту был невелик.

Венеция также вела активную торговлю со всеми прибрежными районами Далмации. Судя по всему, именно на этом направлении ее торговля была наиболее активной.

Венеция представляла собой совершенно другой мир по сравнению с Западом. Венецианцы были буквально пропитаны торговым духом, и им были неведомы запреты на *грязную наживу*, которых старались придерживаться христиане Галлии¹. Их взгляды и образ мыслей были таковыми, что продавать и покупать можно практически все; подобные взгляды были распространены на Западе и в Италии; они исчезли после вторжений арабов-магометан, но сохранились в Венеции, а также в контролируемых Византией городах Южной Италии.

Бари, например, был чисто греческим городом и сохранял византийскую систему городского управления (ситуация изменилась, когда править там стал Богемон). Хотя до 871 г. Бари был в руках арабов-магометан, те давали разрешение на паломничество христианским монахам, направлявшимся морем в Иерусалим, а также вручали им рекомендательные письма к багдадскому халифу.

Аналогичная картина наблюдалась и в расположенных на западном побережье Италии Салерно, Неаполе, Гаэте и Амальфи. Это были главным образом активно действующие морские порты; они, как и Венеция, име-

¹ Об этом можно прочитать много интресного в работе Ф. Ганшофа, посвященной житию св. Жеро из Орильяка.

ли значительную свободу в отношениях с Византией и не находились в сколько-нибудь серьезной зависимости от нее; наконец, они также боролись с герцогом Беневенто, отстаивая свою автономию и самостоятельность. Глубинные районы, прилегающие к этим городам, были гораздо более процветающими и богатыми, нежели расположенные по соседству в Венеции; это объяснялось главным образом тем, что герцогство Беневенто (созданное лангобардами в середине VI в.) сохранило золотое обращение и что недалеко от этих районов был Рим, который благодаря расположенным в нем храмам и наплыву паломников оставался крупным потребителем пряностей, благовоний, дорогих, искусно выделанных тканей и даже папируса. Более того, в герцогстве Беневенто сохранилась довольно утонченная цивилизация, основанная на античных традициях. Павел Дьякон обучал греческому языку принцессу Адельпергу. Здесь же герцог Аракис в конце VIII в. построил храм Св. Софии; украшения для этого храма, тонкие и изысканные, были привезены им из Константинополя. Герцог не отказывал себе в удовольствии завозить с Востока шелковые ткани, порфиру и вазы, искусно выполненные из золота и серебра, а также товары из Индии, Аравии и Эфиопии.

Следует особо выделить тот факт, что в герцогстве Беневенто было сохранено золотое обращение, да и вся византийская денежно-финансовая система в целом. Здесь можно было реально наблюдать традиции средиземноморского единства и цивилизационной общности; правда, позднее все это исчезло.

Морские портовые города Южной Италии имели свой флот. Упоминается, что в 820 г. арабскими пиратами было захвачено 8 торговых судов, направлявшихся с Сардинии в Италию¹.

¹ В «Анналах правления франкских королевских династий», в разделе, посвященном 820 г., говорится: «В Италийском (Тирренском) море восемь торговых судов, направлявшихся с Сардинии в Италию, были отняты у их владельцев».

Напрашивается заключение, что именно корабли из этих городов были использованы в ходе экспедиции в Африку, предпринятой Бонифацием из Тосканы (об этой военной операции против захваченного арабами североафриканского побережья уже говорилось выше) в 828 г., поскольку, как нам известно, была достигнута договоренность на этот счет между императорами франков и Византии.

Папа римский просил Карла Великого не сжигать корабли, которые тот приказал сжечь в Чивитавеккье. Судя по всему, именно эти корабли направлялись к побережью Прованса и именно они прибыли в Марсель и Арль в IX в. Но эти города поддерживали морские связи главным образом с восточносредиземноморской частью Византии, и именно в орбите Византии они находились. Однако это им не мешало, причем к ним это относится даже в большей степени, чем к венецианцам, поддерживать торговые отношения с контролируемыми арабами-магометанами портами Испании и Африки, а неаполитанцы даже выступили на стороне арабов, когда те напали на Сицилию. Их психология была сродни психологии союзников, ведущих контрабандную торговлю с Германией и «любезно» поставлявших ей военное снаряжение во время Первой мировой войны.

В 879 г. греческий адмирал, посланный защищать Сицилию, захватил несколько торговых судов, которые, несмотря на войну, осуществляли торговые перевозки между Италией и Сицилией. Ему досталось такое количество оливкового масла — это, кстати, доказывает, что суда прибыли из Африки, — что цена на этот товар в Константинополе упала до смешного уровня.

Помимо прочего, торговцы из городов Южной Италии продавали арабам-магометанам рабов. Папа упрекал за это и торговцев, и городские власти. В 836 г. между Неаполем и герцогом Беневенто уже существовал торговый договор, дававший неаполитанцам самые широкие торговые права, что, впрочем, скорее всего, было неизбежно. Но этот договор запрещал неаполи-

танцам покупать рабов-лангобардов с целью их дальнейшей перепродажи. Из этого мы узнаем, что рабов поставляли из Ломбардии, то есть с территории Франкской империи.

В то же время эти торговцы одержали в 849 г. выдающуюся по значению победу над арабами в морском сражении недалеко от Остии — «морских ворот» Рима. А св. Януарий пользовался в Неаполе таким же почитанием, как св. Марк в Венеции.

Из всех приморских городов Южной Италии «самым торговым», так сказать, был Амальфи — он жил исключительно за счет торговли. Амальфи располагался в гористой местности; на склонах гор и холмов было много леса, и этот лес в виде строительной древесины активно вывозили в заморские страны вплоть до Сирии.

Однако если не принимать в расчет торговлю, то между этими торговыми центрами и герцогством Беневенто понимания не было, а конфликтов — сколько угодно. Да и между собой эти города не могли найти взаимопонимания. Около 830 г. Неаполь пошел на союз с арабами-магометанами, чтобы защититься от притязаний герцога Беневенто. Неаполитанцы вновь заключили с ними союз в 840 г., чтобы противостоять влиянию Византии, которое стало нарастать, когда на византийский престол взошел Василий I. В это же время Газта сначала также пошла на сближение с арабами, но затем вернулась на круги своя и склонилась к союзу с папой римским, который дал городу известную автономию в вопросах церковной жизни. В 875 г. все южноитальянские города отрядили корабли для того, чтобы вместе с арабами-магометанами активно грабить итальянское побережье в окрестностях Рима. Луи II в этой связи заявил, что Неаполь превратился во вторую Африку. В 877 г. папа Иоанн VIII предпринимал тщетные попытки оттолкнуть Амальфи от арабов при помощи денег и дипломатии. Однако в том же году Амальфи предпринял меры по защите побережья Южной Италии от нападений арабов-магометан.

На первый взгляд политика приморских городов Южной Италии была крайне путаной и непоследовательной. Но это только на первый взгляд. Их задача состояла в том, чтобы любой ценой сохранить торговлю, которой они жили. Это была постоянная задача, ради выполнения которой они готовы были менять союзников и политику хоть несколько раз в день. Идя на союз с арабами-магометанами, они в то же время пресекали любые попытки с их стороны подчинить эти города своему влиянию. Города Южной Италии хотели свободно торговать по своему усмотрению где угодно и с кем угодно, оставаясь при этом независимыми и самостоятельными.

В 856 г. арабы-магометане предприняли попытку подчинить себе Южную Италию; для этого они напали одновременно с востока — со стороны Бари — и с запада. В рамках этой операции арабы попытались захватить Неаполь и уничтожили Мизены. Хотя города Южной Италии очень даже хотели торговать с арабами, они в то же время меньше всего желали оказаться под их игом либо позволить им контролировать прилежащее к городам морское пространство, которое эти города считали фактически своими территориальными водами. В этом вопросе южане занимали ту же позицию, что и Венеция. Они никому не доверяли, кроме самих себя, и не хотели никому подчиняться. Но в то же время эти города являлись непримиримыми противниками и конкурентами между собой и готовы были без тени смущения идти на союз с арабами-магометанами, чтобы уничтожить друг друга. Так, в 843 г. Неаполь помог арабам отобрать у Византийской империи Мессину, расположенную на северо-востоке Сицилии, хотя Неаполь и сам являлся частью той же Византийской империи. Но в состав Византии южноитальянские города входили чисто формально; реально Византия их не контролировала, и города выступали на ее стороне лишь тогда, когда их благосостояние и процветание находились под прямой и непосредственной угрозой.

Именно по этой причине они не поддерживали Лотаря, воевавшего с арабами-магометанами в 846 г., а позднее отказали в поддержке в аналогичной ситуации и Луи II. Очень справедливо заметил по этому поводу Гэй в своем исследовании, посвященном отношениям Италии и Византии: «Непреодолимая сила постоянно толкала морские города-государства к союзу с арабами-магометанами... Для этих городов главное состояло в том, чтобы защитить побережье и гарантировать свои торговые интересы. Поддерживая отношения с арабами и ведя с ними переговоры, они получали таким образом свою долю добычи и, соответственно, дополнительно обогащались. Политика Неаполя и Амальфи была, помимо прочего, политикой купцов, которые жили грабежом и разбоем в той же степени, что и регулярной торговлей». Именно по этой причине южане не помогли византийскому императору защитить Сицилию. Они придерживались той же политики, что и голландцы в Японии в XVII в. Да и с кем бы они торговали, если бы игнорировали побережье, занятое арабами-магометанами, и пренебрегали им? Ведь торговля с Востоком была монополизирована Венецией.

Обобщим вышесказанное: христианское Средиземноморье разделилось на два бассейна, восточный и западный, окруженный странами, занятыми арабами-магометанами. Арабские завоевания завершились в конце IX в., а страны Западного Средиземноморья представляли собой отдельный, самодостаточный мир, тяготевший к Багдаду как к центральной точке. Именно к этому центру направлялись караваны из Азии, и здесь заканчивался Великий торговый путь, идущий к Балтийскому морю через Волгу. Именно из Багдада самые различные товары и ремесленные изделия направлялись в Африку и Испанию. Мусульмане сами с христианами не торговали, но свои порты для них не закрывали. И купцы-христиане были частыми гостями в мусульманских портах, куда они привозили на продажу рабов и древесину, а покупали и увозили все, что им было нужно.

В то же время следуют подчеркнуть, что торговое судоходство христианских стран активно развивалось лишь в Восточном Средиземноморье, особенно с теми районами Востока, которые находились либо под контролем Византии, либо под ее защитой. Граница активной торговли с Востоком проходила по самому югу Италии. Византия не дала халифату установить контроль над всеми морскими просторами. Суда продолжали курсировать из Венеции вдоль побережья Адриатического моря, вдоль побережья Греции и шли к великому городу Константинополю на берегу пролива Босфор. Затем они двигались далее и нередко посещали находившиеся под контролем арабов-магометан порты в Малой Азии, Египте, Африке, Сицилии и Испании. Приморские города Италии весьма выиграли от роста благосостояния в занятых арабами странах, наблюдавшегося после окончания арабских завоеваний, причем казалось, что этот рост будет идти постоянно. Именно благодаря этому процветанию в Южной Италии и в Византийской империи выжила и сохранилась развитая, продвинутая, передовая цивилизация с ее богатыми городами, золотой валютой и многочисленным и влиятельным классом профессиональных купцов — короче говоря, цивилизация, сохранившая свою древнеантичную основу.

Западное же Средиземноморье, наоборот, на всем протяжении побережья от заливов Лионского и Ривьер-ди-Леванте до устья Тибра было опустошено и разграблено войной и пиратами, которым христиане не могли противостоять, поскольку не имели флота. Вся эта территория была зоной запустения и местом охоты пиратов. Порты и города обезлюдели. Связь с Востоком была прервана, а контактов с побережьем, занятым арабами, также не было. Ничего не было, кроме смерти. Империя Каролингов представляла собой наиболее разительный контраст с Византийской империей. Это была сугубо сухопутная, замкнутая в себе держава, поскольку она не имела каналов связи и выходов на другие страны. Рай-

оны средиземноморского побережья, где общественная жизнь в целом и экономическая в частности развивались наиболее активно по сравнению с другими районами Франкского государства и которые были основой развития всего государства, теперь стали беднейшими его районами, брошенными людьми, подвергшимися запустению, районами наименее безопасными, где человеческая жизнь ежедневно подвергалась угрозе. Впервые в истории ось западной цивилизации сместилась на север и в течение многих столетий оставалась между Сеной и Рейном. И германским народам, которые до этого выступали в отрицательной роли разрушителей, отныне пришлось выступить в положительной роли восстановителей и созидателей европейской цивилизации.

Классическая античная традиция была разрушена, поскольку нашествие арабов-магометан уничтожило существовавшее с древних времен цивилизационное единство средиземноморских стран.

Глава 2

ЗАХВАТ ВЛАСТИ ДИНАСТИЕЙ КАРОЛИНГОВ И РЕЗКОЕ ИЗМЕНЕНИЕ ПОЛИТИКИ ПАПЫ РИМСКОГО

1. Упадок государства Меровингов

Из всех государств, созданных германцами в западной части Римской империи в конце V в., наиболее сильными и успешными были расположенные в Средиземноморском бассейне королевства вандалов и остготов; именно они изначально добились наибольших успехов, и именно они пали под ударами Юстиниана, пытавшегося восстановить мощь Римской империи. В 629 г. вестготы отвоевали у Византии ту небольшую полосу территории, которую империя еще контролировала на Пиренейском полуострове. У франков все оставалось без изменений. Что касается лангобардов, то, как казалось, они были готовы перекроить распо-

женное в Италии королевство в своих интересах. То, что Византия была занята борьбой с сасанидским Ираном, играло им на руку. Для того чтобы не дать лангобардам реализовать свои планы, Византия пошла на союз с франками, что имело свои опасности и издержки для империи. Однако именно тогда, когда победа императора Ираклия над персами предвещала возобновление наступления византийцев в Италии для восстановления здесь своего контроля, в дело вмешались арабы-магометане, которые нанесли неожиданный удар по империи, вторгнувшись в ее пределы.

Перед лицом этого вторжения Византия окончательно пошла на попятную и перешла к обороне. Отныне она либо отступала, либо, в лучшем случае, удерживала свои позиции. Империя потеряла все свои владения в Африке, а ее земли в Италии подверглись угрозе со стороны арабов-магометан, утвердившихся на Сицилии. Вестготы были разгромлены арабами, и их государство прекратило свое существование. Арабы прорвались на юг Галлии, и хотя франки сумели нанести им ответный удар и под Пуатье арабское войско было уничтожено тяжелой рыцарской конницей Карла Мартелла, но, несмотря на эту победу, они оказались отрезаны халифатом от моря. Только лангобардам не пришлось пока испытать на себе нападение арабов-магометан и столкнуться с ними в прямом противоборстве; наоборот, пока арабские вторжения были им на руку, поскольку, во-первых, было ослаблено давление со стороны Византии, вынужденной сконцентрировать усилия на восточном фронте, а во-вторых, эти вторжения обезопасили их от угрозы со стороны франков.

Однако именно государству франков, Франкии, ставшей позднее Францией, было уготовано судьбой воссоздать Европу на новой цивилизационной основе после того, как франки остановили проникновение в Западную Европу арабов-магометан.

Теперь будущее Европы зависело от государства франков. Но это государство в данный момент было

совсем другим, нежели во времена правления Меровингов. Его центр тяжести уже больше не находился внутри Римской империи. Он переместился на север, где были сильны германские влияния, и новое Франкское государство впервые в истории стало представлять собой политическую силу, не тяготеющую к Средиземноморью, которое теперь было захвачено арабами-магометанами. Именно из-за того, что Средиземноморье находилось в зоне влияния Арабского халифата, Европе времен правления Каролингов пришлось выбирать новые ориентиры и пути развития. До прихода к власти Каролингов Европа жила и развивалась на основе античной традиции. Однако эта традиционная цивилизационная основа была разрушена вторжением арабов-магометан. Каролинги оказались в ситуации, которую они сами не создавали, но с которой им пришлось столкнуться и в рамках которой действовать, и они стали действовать и открыли новую эпоху в истории Европы. Та роль, которую им пришлось сыграть, объясняется изменением политической конфигурации и расклада сил в мире, вызванным арабскими завоеваниями. Государственный переворот, в результате которого Каролинги пришли к власти, сместив правившую до этого династию Меровингов, единственную династию, сохранившуюся после арабских вторжений, объясняется в значительной степени тем, что Средиземное море перешло под контроль арабов-магометан и было закрыто для свободного общения между Востоком и Западом. Это становится очевидным, если внимательно, без предрассудков изучить период, когда государство Меровингов приходило во все больший и больший упадок. Если этого до сих пор не было сделано, то лишь потому, что правление Каролингов рассматривали как простое продолжение правления Меровингов в рамках единого франкского периода. То, что правление Каролингов не представляло собой особого периода в истории франков, подтверждали тем, что и законы, и политические институты, и организация хозяйственной

и общественной жизни в целом остались теми же, что и при Меровингах; то есть что имела место обычная преемственность. Однако имеется существенная разница между эпохой Меровингов и периодом правления Каролингов. Начнем с того, что ситуация в Европе при Каролингах совершенно изменилась по сравнению с существовавшей во время правления Меровингов. Очень справедливо заметил по этому поводу Фюстель де Куланж: «Если мы посмотрим, как жили люди через 150 лет после смерти Хлодвига... то мы увидим, что их жизнь и жизнь общества в целом не сильно изменились по сравнению с тем, какими они были в последнее столетие существования Западной Римской империи. Но если, с другой стороны, мы перенесемся в VIII и IX века, то обнаружим, что хотя внешние формы общественной жизни были даже, может быть, и более римскими, но само общество по своей сути и внутреннему содержанию стало совершенно иным, чем во время существования Римской империи». Поэтому Ватц совершенно прав, когда выделяет правление Меровингов и господство Каролингов в отдельные эпохи, а Брюннер совершает ошибку, объединяя их в единое целое.

После государственного переворота, осуществленного Пипином, разрыв между двумя мирами — античным и германским — произошел окончательно и бесповоротно. Но он подготовлялся в течение длительного времени всем ходом предшествующих событий. Государство Меровингов после смерти в 639 г. Дагоберта I вступило в период упадка. А этот упадок представлял собой в первую очередь упадок монархии. Как мы уже видели, королевская власть в государстве Меровингов была абсолютной — эта черта была позаимствована у Римской империи. Для того чтобы государство было управляемым, необходимо было обеспечить безусловное и беспрекословное выполнение королевской воли, а поэтому не могло идти и речи о какой-либо оппозиции, будь то по национальному или политическому признаку. Король часто менял внутреннее территори-

альное деление — как самой земли, так и проживающих на ней людей; причем делал он это, относясь к своим владениям как к собственной вотчине, которую он получил и может передать по наследству. Жители королевства относились к подобным изменениям безразлично. Авторитет и влияние королевской династии были исключительно высоки — за это короли должны были быть благодарны церкви, поскольку это была главным образом ее заслуга, а какие-то германские традиции, дух и влияния здесь совершенно ни при чем.

Именно в самой Германии сын Пипина I Гримоальд попытался в 656 г. узурпировать королевскую власть, провозгласив себя единственным законным королем; это вызвало негодование франков, и злоумышленник был арестован и казнен.

Король опирался на поддержку церкви, которую он защищал и которой фактически управлял. В 644 г., когда монархия уже вступала в полосу упадка и королевская власть начинала ослабевать, Сигиберт III по-прежнему запрещал созыв церковных синодов без своего на это разрешения.

Точкой отсчета упадка государства Меровингов обычно считают указ Хлотаря II, принятый в 614 г. Но, по моему мнению, цель этого указа состояла в том, чтобы усилить поддержку королевской власти со стороны церкви, для чего последней предоставлялось право принятия законов¹.

В любом случае Дагоберт I был выдающимся монархом, который подавлял германцев военной силой и занимал такое положение в Европе, какого не добился никто из его предшественников с момента окончания правления Теодоберта.

При Меровингах Франкское королевство было государством, игравшим международную роль; его неиз-

¹ Фюстель де Куланж не находит в этом указе абсолютно ничего, что говорило бы об упадке монархии и ослаблении королевской власти. Противоположной точки зрения придерживаются Лот, Фистер и Ганшоф.

менной задачей было утвердиться в Средиземноморье. С момента своего утверждения в Галлии Меровинги пытались занять Прованс и выйти таким образом к Средиземному морю. Король остготов Теодорих Великий не дал им осуществить задуманное, отбросив их назад в Галлию. Поэтому Меровинги обратили свои взоры на Испанию, вступив в конфликт с вестготами.

Война Юстиниана против остготов вскоре дала франкам выход к морю. Византийский император пытался заручиться их поддержкой, а Витигис, чтобы не допустить союза между франками и византийцами, передал франкам Прованс — тот самый, который Теодорих не позволил им в свое время отобрать у вестготов. Утвердившись на побережье и стремясь получить опорные пункты влияния также и в Италии, Теодеберт пошел на временный союз с остготами, направив им в помощь 10-тысячную армию. Но вскоре он вновь выступил против остготов и византийцев и захватил большую часть Венеции и Лигурии.

В тот момент монархия была столь сильна, что по окончании итальянской кампании Хильдеберт и Хлотарь возобновили в 543 г. войну с вестготами, заняли Памплону и подвергли разграблению долину Эбро; однако они потерпели поражение в сражении под Сарагосой и были окончательно отброшены Тевдисом из пределов Толедского королевства.

Поражение в Испании вновь подтолкнуло франкских королей к походу на Италию. В 552 г. армия франков, усиленная алеманнами, вновь вступила в пределы Апеннинского полуострова. Она вела борьбу против византийских войск и грабила Италию до тех пор, пока остатки этой армии не были выкошены эпидемиями и разгромлены Нарсесом. Те, кто остался в живых, были вынуждены вернуться в Галлию.

Потерпев неудачу на поле боя, франки сумели приобрести важную для себя провинцию политическими средствами. В 567 г. принадлежавшая вестготам территория между Героной и Пиренеями перешла к франкам

после того, как был заключен брак между Хильперихом и Галсвинтой.

Вторжение лангобардов в Италию стало новым поводом для франков, чтобы начать войну в этой стране.

Лангобарды напали на Прованс в 568 г. Их отбросили, но в 575 г. они возобновили нападение. В 583 г. Хильдеберт I по просьбе папы Пелагия II, умолявшего короля франков выступить против лангобардов, заключил союз с византийским императором Маурицием (заплатившим франкам за этот союз 50 тыс. золотых солидов) и направил в Италию франкскую армию, которая воевала там, правда без особого успеха, до 585 г.

В том же 585 г. Гонтрамн напал на Септиманию. Его армия была отброшена с большими потерями сыном Леовигильда Рекаредом. Но боевые действия продолжались. В 589 г. Гонтрамн возобновил наступление, но потерпел поражение в решающей битве под Каркассоном.

Это поражение было для франков крайне значимой неудачей; серьезность поражения усугублялась тем, что в 568 г. армия Хильдеберта потерпела поражение от лангобардов в Италии, — это заставило короля франков заключить в 589 г. мир с лангобардами.

Но Хильдеберт не хотел отказываться от своей политики в Италии. В следующем (590) году он начал новый поход против лангобардов. Этот поход также закончился неудачей, король франков был вынужден признать свое поражение и заключить с лангобардами мир.

Дагоберт, последний выдающийся правитель династии Меровингов, продолжил политику захватов в отношении Италии и Испании. В 605 г. он заключил союз с византийским императором Ираклием, а в 630 г. поддержал претендента на вестготский престол Сизенанда в его борьбе с королем Свинтилой. Дагоберт был последним представителем династии Меровингов, который вел традиционную для этой династии агрессив-

ную захватническую политику в отношении Италии и Испании. После него походы в Италию и Испанию более не предпринимались, не считая одного неудачного похода, осуществленного в 662—663 гг.

Позиции монархии ослабевали и на севере; в Германии Тюрингия получила независимость, почти того же добилась Бавария, а саксы стали представлять все большую угрозу. Таким образом, с 630—632 гг. государство Меровингов начало отступление внутрь самого себя, и начался период его упадка. Этому, безусловно, способствовали бесконечные гражданские столкновения и междоусобица между королями, а также конфликты между Фредегундой и Брунгильдой, а впоследствии и интриги Брунгильды, которые та плела вплоть до своей ужасной смерти в 613 г. Однако следует иметь в виду, что до 613 г. все эти гражданские конфликты и междоусобица были общим правилом. Их серьезность после 613 г. усугублялась тем, что длительное время короли были несовершеннолетними. Хильперих II взошел на франкский престол в 715 г., и в течение 25 лет до этого ни один франкский король не доживал до совершеннолетия. Это, возможно, объясняется разгульной жизнью, постоянными дебошами и развращенностью принцев, которым дозволялось практически все. Большинство из них, безусловно, были просто дегенератами. Хлодвиг II умер безумным. Именно эти обстоятельства внесли в упадок Меровингов тот мрачный и крайне неприятный аспект, который не наблюдался в период упадка императорской власти в Западной Римской империи, а позднее в период упадка династии Каролингов. Все упомянутые короли не имели никакого влияния и веса; они были просто марионетками в руках майордомов (старших сановников, распорядителей королевского дворца), которых они и не помышляли слушаться, не говоря уже о том, чтобы что-то предпринять против них. Ни один из этих франкских королей не попытался убить майордома, как это ранее делали римские императоры в Равенне; наоборот, жерт-

вой заговора и убийства часто становился сам король. Несовершеннолетние короли находились под опекой своих матерей, а иногда тетушек. При этом следует отметить, что с момента замужества Брунгильды, которая была готкой, королев выбирали за их красоту. Королева Нантильда была служанкой, с которой Дагоберт завел интрижку. В результате вышеупомянутых обстоятельств майордом стал поистине всемогущей фигурой. По своему влиянию и положению его можно сравнить с японским сегуном.

По мере все большего сокращения материальных ресурсов, находившихся в распоряжении династии Меровингов, что явно проявлялось в VII в., короли попадали во все большую зависимость от земельной аристократии и графов округов, власть и могущество которых постоянно росло. Естественно, что эта аристократия, как она всегда и делала, пыталась установить контроль над монархией, то есть сделать так, чтобы самим выбрать короля.

До тех пор пока король был достаточно силен и могущественен, он подчинял себе аристократию. Он сам по своему усмотрению производил назначения как в графствах (округах), так и в епископатах. Он подвергал наказанию тех, кого считал виновным в *оскорблении величества*, то есть в фактической измене, а конфискуемые у таких лиц имущество, земля, а также деньги и драгоценности поступали в королевскую казну, существенно ее обогащая. Пока казна была полна, в руках короля находился важнейший *инструмент королевской власти*. С учетом того, что *торговая пошлина* платилась непосредственно королю, то есть шла прямо в королевскую казну, казна наиболее обильно пополнялась именно тогда, когда торговля активно развивалась и процветала.

Именно полная казна позволяла королю окружить себя *верными*, то есть королевскими телохранителями, которые представляли собой постоянно действующую дружину.

Для того чтобы «верные» действительно оставались верными данной королям присяге, в то время как сами короли являли примеры клятвопреступления, лжесвидетельства и вероломства, им нужно было платить. Но средства казны, на которых основывалась королевская власть, начиная с VII в. стали таять. Прежде всего потому что казна более не пополнялась за счет добычи, полученной в результате войн, ведшихся за пределами государства. Таких войн больше не велось; не поступали и финансовые субсидии от Византии. Король никогда не был «земельным собственником», жившим за счет дохода от своих земельных владений. Чтобы в этом убедиться, достаточно почитать Григория Турского. Конечно, у королей были многочисленные земельные владения и *крупные сельхозугодья*, которые были частью средств государственного казначейства. Короли охотно даровали имевшиеся у них земли друзьям и приближенным; земли щедро раздавались и церкви, которая была постоянным объектом королевских даров и благодеяний¹.

Но я нигде не нашел у Григория Турского, что владение землей давало политическую власть. До тех пор пока король был достаточно силен, он легко мог взять назад то, что подарил. И мне трудно представить, как король мог основывать свою власть на земельных владениях и поступлениях от них в казну, когда состав этих земель и их принадлежность постоянно изменялись, а потому говорить о пропорциональном распределении поступавших в казну земельных доходов никоим образом не приходится. Все указывает на то, что

¹ Щедрые земельные дары, предоставляемые королями церкви, делали духовенство того времени зажиточным, как никогда до или после. В то же время необходимо иметь в виду следующее: активная раздача королями земли говорила о том, что они не ожидали от нее существенной пользы и прибыли в казну; они не рассчитывали ни на производимую на этой земле сельхозпродукцию, ни даже на земельные подати и налоги, взимавшиеся с тех, кто на ней работал. Главную статью доходов королевской казны составляли *прямые сборы налогов и пошлин в денежной форме*.

главным источником королевского дохода были поступления налогов, податей и сборов. Как считает Фюстель де Куланж, только одних этих средств было достаточно для обогащения короля и его окружения и покрытия всех необходимых государственных нужд и расходов.

Но почему налоги и подати, унаследованные от Римской империи, взимание которых никогда не прекращалось, давали все меньше и меньше поступлений в казну? По мнению Фюстеля де Куланжа, причина заключается в черствости и упрямстве епископов, а также в освобождении от налогов, предоставлявшемся земельной аристократии, как светской, так и церковной. В этом случае король сам подрывал основы своей власти¹.

Аналогичным образом, освобождение от уплаты *торговой пошлины*, предоставляемое королем, привело к суммарному сокращению этих поступлений в казну.

Однако нам по-прежнему надлежит найти какое-то объяснение этой проводимой королями политике, которая в конце концов уничтожила саму основу их власти. Почему они даровали освобождение от налогов, а не сами получаемые в виде налогов средства, побуждая таким образом их собирать, как это делалось позднее? Безусловно, они даровали освобождение от налогов, но при этом не отказывались от прав короны собирать эти налоги. Более того, освобождение от налогов — а значит, от *торговой пошлины* — затрагивало только монастыри, а обращение основной массы товаров обеспечивалось отнюдь не ими. Хожение товаров конечно же обеспечивала торговля. И следует признать, что по мере сокращения торговли уменьшались и поступающие благодаря ей косвенные налоги — пошлины и сборы. Как мы уже видели, торговля пошла на спад начиная с 650 г., и именно в это время государство Меровингов начало по-

¹ Фюстель де Куланж упоминает о случаях уменьшения земельного налога или полной его отмены для отдельных лиц. Лот, Фистер и Ганшоф также приводят примеры освобождения от налогов.

гружаться в пучину анархии. Финансовые ресурсы короля уменьшились к концу VII в. просто неслыханно. Любопытным подтверждением этого является тот факт, что в 693 г. король предоставил принадлежавшее ему крупное земельное владение в Массини настоятелю монастыря Сен-Дени в обмен на отказ последнего от пожизненной пенсии в 300 солидов, которую тот получал из средств государственного казначейства. Таким образом, король явно предпочел денежные средства своим земельным владениям.

Вне всякого сомнения, денежные ресурсы короля главным образом зависели от поступлений в казну налогов и пошлин, которые взимали с товарооборота. Сбор торговых пошлин был несравненно проще, чем земельных налогов, к тому же практически не было уклонений от их уплаты. Нет никаких свидетельств того, что епископы как-то вмешивались в эти вопросы. Хотя, конечно, земельный налог сохранялся по-прежнему, как и торговая пошлина, но реальных поступлений в казну он давал все меньше и меньше. Вне всякого сомнения, крупные землевладельцы воспользовались слабостью королевской власти и добивались для себя все больших освобождений от налогов. Однако было бы ошибкой считать, что предоставление освобождений от налогов явилось причиной ослабления королевской власти; это было следствием слабости короля.

Очевидно, что оскудение казны, приведшее к ослаблению королевской власти и государства, стало следствием сокращения торговли, которая все больше хирела и чахла¹.

А это произошло, в свою очередь, из-за сокращения морской торговли и морских грузоперевозок вследствие захвата средиземноморского побережья арабами-маго-

¹ У читателя не должно складываться впечатления, что я преувеличиваю значение торговли. Конечно, если смотреть в абсолютных величинах, ее значение было невелико; но в Средние века торговля в целом была не очень интенсивной, а при этом посмотрите, какое воздействие возымел, например, запрет на ввоз английской шерсти в XIII и XIV вв.!

метанами и установления ими контроля над морским сообщением по Средиземному морю. Упадок торговли особенно почувствовался в Нейстрии, где располагались города, бывшие ранее крупными торговыми центрами. Этим объясняется, почему западная часть королевства, бывшая опорой королевской власти, постепенно уступала свои позиции, в том числе и в торгово-хозяйственной области, его восточной части — Австразии, где денежное обращение не играло столь важной роли в хозяйстве и в жизни в целом. Что касается податей, то с баваров или тюрингов их не брали; а саксы, как нам известно, платили дань крупным рогатым скотом — с них брали 500 коров. Таким образом, очевидно, что северные районы, которые были преимущественно сельскохозяйственными, менее пострадали от сокращения и упадка торговли. Нетрудно догадаться, что после того, как система хозяйства, основанная на росте городов и активном развитии торговли, рухнула, восстановление общественной и экономической жизни теперь зависело от этих сельскохозяйственных районов. В результате упадка торговли вся общественная и хозяйственная жизнь страны сконцентрировалась в сельской местности и стала напрямую зависеть от земли. А это дало земельной аристократии такие власть и могущество, которые никто не мог у них отнять, и такое прочное и господствующее положение в обществе, которое никто не мог поколебать. В Нейстрии аристократия немедленно воспользовалась все увеличивающейся слабостью королевской власти. Конечно, монархия пыталась сопротивляться и изменить невыгодный для нее ход событий. Политика, проводимая ранее Брунгильдой, была возрождена вновь; исходя из той скудной информации, которой мы располагаем по этому вопросу, сделал это майордом Эброин. Обвинение в деспотизме, которое против него выдвинули в 664 г., безусловно, объясняется тем, что он пытался возродить королевское правление — то есть управление в римском духе, в традициях императоров Римской империи — с присущим ему разветвленным

аппаратом королевских назначенцев, пытавшихся навязать всем, даже крупным земельным собственникам, волю правителя, которую они были уполномочены выражать.

Можно считать, что убийство Эброина, последовавшее в 680 или 683 г., означало окончательное поражение королевской власти в ее борьбе с крупными земельными собственниками и графами округов. Характерно, что именно в это же время в результате взятия арабами Карфагена морская торговля по Средиземному морю практически полностью прекратилась.

Отныне король находился в руках аристократии. Для того чтобы сопротивляться ей, он мог бы попытаться заручиться поддержкой церкви. Но церковь сама скатывалась в пучину анархии. Для того чтобы понять это, достаточно хотя бы изучить списки епископов, составленные монсеньором Дюшеном. Из этих списков видно, что хаос и неразбериха в церковной жизни были гораздо больше на юге Галлии, чем на севере. Можно сказать, что епископы Южной Галлии, игравшие ранее преобладающую и определяющую роль в церковной жизни Галлии, вообще сошли со сцены общественной и церковной жизни; о них последний раз упоминается в 680 г., и до конца VIII в. больше никаких упоминаний не встречается. Конечно, можно предположить, что список этих епископов был просто утерян, но поскольку о них нет упоминаний абсолютно ни в каких источниках, то, значит, на это имелись более глубокие и серьезные причины.

В Периге последним епископом перед долгим перерывом был Эрменомарий; после него, с 673 или 675 г., епископа не было вплоть до X в. Аналогичная картина наблюдалась в Ажене. В Бордо епископов не было с 673—675 до 814 г., а в Менде их не было в период между 627 г. и правлением Луи Благочестивого. В Лиможе после Эмения служили несколько епископов, а после них наступил столетний перерыв; та же картина наблюдалась в Каоре после епископского служения Бето (то

есть начиная с 673—675 гг.); в Оше епископов не было до 836 г. Нет никаких упоминаний о служении епископов в Лектуре, Сен-Бертран-де-Комменже, Сен-Лизье, Эре и Отене с 696 по 762 г.; в Шалоне — с 675 по 779 г.; в Женеве — с 650 по 833 г.; в Ди — с 614 по 788 г.; в Арле — с 683 по 794 г. Аналогичные перерывы имели место: в Оранже, Авиньоне, Карпантре, Марселе, Тулоне — с 697 по 879 г.; в Эксе — с 596 по 794 г.; в Антибе — с 660 по 788 г.; в Амбрене — с 677 по 828 г.; в Безье — с 693 по 788 г.; в Ниме — с 680 по 788 г.; в Лодеве — с 683 по 817 г.; в Юзесе — с 675 по 788 г.; в Агде — с 683 по 788 г.; в Магелоне — с 683 по 788 г.; в Каркассоне — с 683 по 788 г.; и в Эльне — с 683 по 788 г. По данным Ф. Лота, последний церковный собор в Галлии прошел в 695 г., а следующий был созван лишь в 742 г.

Также обращает на себя внимание тот факт, что в последней трети VII в. практически прекратили работу синоды. Их не было при Пипине и Карломане. Леблан также обращает внимание на то, что церковные надписи и послания стали встречаться крайне редко.

С учетом того, что с начала VII в. епископы играли большую роль в городской жизни, мы вынуждены сделать вывод о том, что города и органы городского управления и самоуправления вступили в период упадка; а те остатки самоуправления и деятельности *курий*, которые удалось сохранить, исчезли в пучине набиравшей обороты анархии.

Городская жизнь, поддерживаемая торговлей, именно благодаря которой наблюдался расцвет городов, была теперь не просто нарушена, но и разрушена. А те расположенные в Средиземноморье источники торговли, которые не пострадали от арабских вторжений в V в. и могли бы поддержать городскую жизнь, были не в состоянии это сделать, поскольку Средиземное море фактически закрылось для торгового судоходства.

Характерной чертой того времени было резкое сокращение представительства старинных и знаменитых

сенаторских фамилий как среди священнослужителей, так и среди высокопоставленных чинов гражданской администрации. А ведь именно древние и знатные сенаторские семьи были основным «поставщиком кадров» для служения в церковных епархиях и для занятия ответственных государственных постов, которые обычно отдавали мирянам. С учетом коренных изменений как в обществе, так и в окружающем мире теперь их представителей можно было встретить очень редко и в церковной, и в гражданской иерархии¹.

Очевидно, что с середины VII в. в обществе стремительно шел процесс дероманизации, и этот процесс завершился или почти завершился к началу VIII в. Население осталось тем же, а цивилизация уже прежней не была.

Есть факты, это подтверждающие. В Житии св. Дидье из Каора (ум. 655) говорится, что город (Каор), процветавший, когда он служил епископом, после его смерти погрузился в пучину упадка и стал хиреть и чахнуть на глазах. Аналогичный упадок наблюдался и в Лионе, где в 601 г. остался лишь один знаменитый крупный торговец; этот упадок достиг наивысшей точки около 800 г. — именно тогда Лейдрад написал донесение об этом Карлу Великому.

Анархия, распространившаяся в Галлии вследствие прогрессирующего ослабления королевской власти, привела к распаду страны. С 675—680 гг. Аквитания стала отдельным, самостоятельным герцогством, фактически живущим независимо от остального королевства и устанавливающим свои порядки.

С другой стороны, Австразия — которая не пострадала так сильно от упадка торговли и городов, где королевский аппарат управления не был столь сильным, хорошо развитым и разветвленным и где вся общественная жизнь вращалась вокруг крупных земельных владений — значительно усилила свои позиции и за-

¹ Последний раз о человеке, занимавшем ответственный пост в Галлии и имевшем ранг сенатора, упоминается в начале VIII в.

няла ведущее положение в королевстве. Во главе аристократии стояло семейство Пипинов, уже сыгравшее важную роль в событиях, приведших к падению королевы Брунгильды. Пипины были крупными землевладельцами; их владения располагались на территории нынешней Бельгии. Около 640 г. жена Пипина I (Ланденского) Итта основала в Нивеле монастырь; следуя ее благородному порыву, ирландский проповедник св. Фелан основал монастырь в Фосе. Семейное поместье в Льерне Пипин II в период между 687 и 714 гг. подарил монастырю в Ставелот-Малмеди.

В 691 г. жена Ансегиза и мать Пипина II Бегге основала в Андене монастырь, в который она впоследствии удалилась и где закончила свою жизнь в 693 г. Пипин II подарил св. Урсмару, который с 697 по 713 г. был настоятелем монастыря в Лодде, *большие земельные участки с сельхозугодьями* в Лернэ и Тразени. У Пипинов была хорошо укрепленная крепость в Шевремонне на их землях, расположенных в окрестностях города Юи на юге Бельгии. А неподалеку, в Геристале на реке Мез, у них имелась резиденция, которая была одним из самых ими любимых мест проживания и которую после 752 г. очень часто называли *дворцом и королевскими чертогами*. Именно здесь, на окраине Арденнского леса, они чувствовали себя по-настоящему дома. И было вполне естественно, что таким детям природы, как они, не нравилась и была в тягость королевская резиденция в Меце, который был тогда столицей Австрии. Именно в Льеже Гримоальд, сын Пипина II, был убит фризом. В 741 г., после смерти Карла Мартелла, Карломан и Пипин Короткий заточили в крепость в Шевремонне своего брата Грифо.

Помимо земель в Валлонии, у Пипинов были земли и в Германии, но именно окрестности Льежа были их родиной, и в этих родных для них местах имя Пипин часто встречалось даже и в Средние века — не только потому, что имя было распространенное, но и потому, что так называли детей в их честь; помнят их и сегодня — город Пепенште назван так в их честь.

Впервые появилась столь влиятельная семья из Северной Галлии: она была наполовину германской; относилась в соответствии с обычаями и законами того времени к рипуарским (береговым) франкам; у нее не было никаких связей, в том числе и родственных, с известными сенаторскими семействами; и она уж никоим образом не вступала ни в какие союзы или соглашения с представителями старой римской системы управления. И именно этой семье в ближайшем будущем предстояло сыграть ведущую роль в государстве франков. Каролинги не были хорошо приспособлены к той атмосфере, которая царила в высших кругах Нейстрии; наоборот, эта атмосфера была чужда и враждебна им. Этим и объясняется тот факт, что, когда король находился в Австразии, первый из Пипинов имел на него безоговорочное влияние; но Пипин не имел практически никакого влияния на короля, когда тот находился в Нейстрии. Это, несомненно, вызывало недовольство крупных землевладельцев Австразии, вследствие чего Дагоберт I назначил в 632 г. своего сына, будущего короля Сигиберта III, вице-королем.

Таким образом, если во Франкском государстве не было даже намека на какую-либо национальную вражду, когда монархия была сильна, то, как только королевская власть стала слабеть и приходить в упадок, в этой новой Франкии сразу стали проявляться распри и разногласия, что нашло выражение в откровенном и хорошо всеми видимом и ощущаемом противостоянии между римским и германским началом, скажем так, между романизмом и германизмом¹.

В районах Северной Галлии, где франки жили по законам Салической и Рипуарской правд, жизнь была менее цивилизованной, чем на юге Галлии; на севере

¹ Некоторые признаки этого противостояния мы уже можем видеть в Житии св. Элигия; когда святой находился с пасторской миссией в Северной Галлии, ему довелось услышать следующие слова, обращенные к нему: «Никогда тебе, римлянин, не удастся поколебать силу и мощь наших обычаев и традиций, а тем более искоренить их, сколько бы вы ни старались».

многие по-прежнему были язычниками. И по мере ослабления королевской власти в аналогичной пропорции возрастали роль и влияние местной земельной аристократии, что очень наглядно проявилось при формировании органов власти на местах и соответствующих кадровых назначениях, а также назначениях священнослужителей в рамках церковной иерархии¹.

Теперь Пипины возглавили аристократию Австрии, которая пыталась вырваться из-под опеки королевского дворца и получить ряд функций, передающихся по наследству, и которая выражала откровенное недовольство и неприязнь по отношению к «римской партии» франкских правящих кругов, оплот которой находился в Нейстрии. Как только им удалось взять под контроль королевскую власть путем назначения своих людей майордомами, сразу стало очевидно, что этот шаг направлен против абсолютной власти короля; этот шаг был явно антиримским и, даже можно сказать, антиантичным.

А в Нейстрии Эброин представлял тенденцию, прямо противоположную тому, что делали Пипины. Поскольку король был несовершеннолетним, аристократия назначила Эброина исполняющим функции монарха.

Эброин немедленно попытался поставить под контроль аристократию, к которой сам не принадлежал. Он решил положить конец практике наследования важных должностей во дворце, которые практически постоянно занимали представители этих «дворцовых фамилий»; на эти и другие ответственные должности он, судя по всему, назначал людей простого происхождения, которые были обязаны ему всем (это он, в частности, делал в 656 г.). Этой политике активно противостояли известные знатные семьи, во главе которых стоял св. Легер, бывший с 659 г. епископом Отена.

¹ Как отмечает ряд исследователей, при Пипинах священнослужители германизировались; вне всякого сомнения, этот процесс начался в Австрии.

Налицо был открытый конфликт между защитниками королевской власти и аристократией. Весьма примечательно, что сами короли в этом конфликте участия не принимали и никакой роли в нем не играли.

Когда в 573 г. умер Хлотарь III, Эброин, опасаясь того, что аристократия попытается возвести на престол своего ставленника, немедленно посадил на трон Теодориха III. Но крупные землевладельцы, которые теперь считали себя вправе назначать короля и требовали признания за ними этого права, отказались признать Теодориха и выбрали королем его брата Хильдериха II.

На этот раз фактическим верховным правителем стал представитель интересов аристократии св. Легер. Он вынудил короля сделать серьезную уступку «региональным баронам»: отныне высокопоставленные назначенцы не могли быть направлены из одной части королевства в другую (в первую очередь речь шла о Нейстрии и Австразии); на ответственные посты на местах могли назначаться только местные кандидаты. Это лишь усилило позиции аристократии; теперь их власть на местах стала фактически передаваться по наследству, однако эта привилегия, которой они добились, никоим образом не отвечала интересам семейства, а фактически династии Пипинов. Здесь мы наблюдаем как раз то противостояние между севером и югом, о котором мы говорили выше; в данном случае, безусловно, просматривалось нежелание нейстрийской знати допустить, чтобы новый король, возведенный на престол при помощи австразийской аристократии, поставил Нейстрию под власть чиновников из Австразии.

Должность майордома была упразднена и запрещена в Нейстрии и в Бургундии, но Вулфоальд по-прежнему оставался майордомом в Австразии. Похоже, предпринимались попытки, чтобы крупные землевладельцы по очереди занимали ответственные должности при дворе, то есть чтобы действовал своего рода принцип дворцовой ротации. Однако крупнопоместные аристократы не сумели договориться между собой, и Хильдерих II вос-

пользовался этим, чтобы избавиться от Легера, которого он в 675 г. сослал в Люксей. Реакция крупных землевладельцев была соответствующей: в этом же году Хильдерих был убит. На трон взошел Теодорих III. После «смены декораций», последовавшей за этим убийством, Эброин вернулся к власти и был возведен в сан майордома. В результате этого, как пишет Фюстель де Куланж, «произошли самые серьезные изменения как в перечне ответственных должностей и должностных обязанностей высокопоставленных лиц, так в наборе людей на эти должности». Поменялся практически весь персонал дворца; везде были назначены новые люди. Легер был приговорен к смерти; по византийской традиции его сначала ослепили, а затем казнили. Вся аристократия консолидированно выступила против Эброина, и ее взоры теперь были обращены к Пипину, который стал в Австразии майордомом после смерти Вулфоальда. По какому праву и на каком основании он был возведен в этот сан? Безусловно, потому, что он был потомком Пипина I и Гримоальда¹; другими словами, на основании того самого принципа передачи должностных обязанностей по наследству, против которого Эброин боролся в Нейстрии. В Австразии Пипин обладал *фактической властью*; как писали о нем составлявшие хронику очевидцы этих событий, он был «владыка и хозяин Австразии». Разница между природой его властных полномочий и соответствующих полномочий Эброина была разительна и более чем очевидна. В отличие от Эброина он не был назначенцем. Та власть, которой он добивался и которую получил, была основана на его принадлежности к знатной семье — ее представители и ранее занимали руководящие посты; его сегодняшняя власть была основана на власти его предков. К тому же он стал признанным лидером аристократии, которая начинала группироваться вокруг него, — и это было важнейшей опорой его власти. Если

¹ Отец Пипина Ансегиз не был майордомом.

верить «Мецским анналам» — хронике, составленной очевидцем тех событий, — «многие знатные и высокопоставленные люди из Нейстрии, к которым Эброин относился крайне жестко и жестоко, бежали из Нейстрии в Австразию и нашли прибежище у Пипина» (описываемые события произошли в 681 г.). Таким образом, Австразия, которая изначально была заселена франками, то есть являлась германской страной, стала оплотом и главной опорой аристократии.

После смерти Дагоберта II — точнее сказать, его убийства в 679 г., организованного, вероятно, Эброином, — в Австразии больше не было короля. Пипин, сменив на посту майордома Вулфоальда, который наверняка был свергнут, выступил против Эброина, но потерпел поражение под Лионом. Вскоре после этого, в 680 или 683 г., Эброин был убит Эрменфридом, который затем нашел убежище в Австразии у Пипина. Очень трудно поверить в то, что Пипин в этом убийстве не был замешан.

После убийства Эброина пост майордома в Нейстрии занял Вараттон, который немедленно заключил с Пипином мир. Однако он был свергнут своим сыном Хислемаром, который выступил против Пипина, но потерпел поражение под Намюром. Хислемар, судя по всему, был убит. Вараттон вновь стал майордомом и подтвердил мирный договор с Пипином, заключенный в 683 г. В 686 г. Вараттон умер, и майордомом стал его зять Берхер¹.

Против него немедленно выступили крупные землевладельцы; большинство их, включая и епископа Реймса, обратились за поддержкой к Пипину. Пипин выступил против Берхера и Теодориха III и в 687 г. нанес им поражение под Тертри близ Сен-Квентина. В 688 г. Берхер был убит, и король признал Пипина май-

¹ Судя по описаниям, сохранившимся в ряде источников и неоднократно цитируемым в исследованиях по истории франков, он был «небольшого роста, благоразумный и рассудительный, твердо стоявший на своем, независимо от чьих-либо советов и мнений».

ордомом. С тех пор Пипин был единственным майордомом во всем королевстве. Однако он был настолько далек от того, чтобы считать себя подданным короля, находящимся в его подчинении, что даже не остался при его дворе. Он направил к королю свое доверенное лицо, «с которым когда-то охотился на кабана и которому надлежит доверять, как ему самому», а сам вернулся в Австразию.

2. Каролинги—майордомы

С 688 г. майордом в Австразии стал фактически управлять всем королевством франков. Однако для этого ему было вовсе не обязательно находиться рядом с королем. Было вполне достаточно того, что он одержал победу над своим конкурентом, майордомом в Нейстрии, и занял его место. Дела королевства интересовали его лишь постольку, поскольку они укрепляли его положение в северной части королевства. Это было для него самым важным. Австразия и прилегающие районы были теперь ключом к власти во Франкском государстве, и этот ключ необходимо было тщательно оберегать. Угроза исходила от проживавших неподалеку фризов, большинство которых были язычниками; судя по всему, враги Пипина в Нейстрии настроили правившего фризами принца Ратбода выступить против правителя Австразии. Но начавшаяся в 689 г. война не принесла Ратбоду успеха. Он потерпел поражение под Вик-лез-Дуурстедом и вынужден был уступить Пипину западную часть фризских земель. Как мы увидим, эта победа укрепила позиции и авторитет Пипина во всех отношениях. Именно на этих землях появился англосаксонский проповедник Виллиброрд, который начиная с 690 г. повел активную работу по обращению фризов в христианство. Он был связующим звеном между англосаксонской церковью и Каролингами. Отношения между ними сыграли в будущем очень важную роль. Позднее Пипин оказал поддержку и покровительство другому англосаксонскому

проповеднику — Сьютберту, которому жена Пипина Плектруда подарила большое имение, расположенное на одном из островов Рейна, где Сьютберт основал монастырь в Кайзерсверте.

Покорив фризов, Пипин между 709 и 714 гг. сконцентрировал свое внимание на алеманнах, которые создали независимое герцогство. Однако в этой кампании, судя по всему, он особого успеха не добился. Пипин никогда более не появлялся в Нейстрии, но вплоть до самой его смерти (последовавшей в декабре 714 г.) Нейстрия была под его контролем благодаря его представителю, который фактически управлял там от его имени. В 695 г., когда умер Норберт, Пипин направил к Хильдеберту II своего сына Гримоальда, который и стал майордомом. Семейство Пипинов настолько держало ситуацию под контролем, что, когда Гримоальд был убит, буквально за несколько недель до своей собственной смерти Пипин назначил майордомом в Нейстрии внебрачного сына Гримоальда Теодориха, которому было всего 6 лет. Таким образом, пост майордома рассматривался семейством Пипинов как семейное достояние, передающееся по наследству; это была своего рода монархия, существовавшая параллельно с официальной монархией.

Но Пипин зашел слишком далеко. Аристократия Нейстрии увидела, что она без всякой необходимости просто отдала себя во власть Каролингов; тем не менее Каролинги предприняли некоторые шаги, учитывающие и интересы нейстрийской аристократии. Так, в частности, было принято положение о том, что назначения при королевском дворе, включая должности судей, будут осуществляться по решению епископов и крупных землевладельцев. Характерно, что король Дагоберт III ничего не предпринял, чтобы помешать осуществлению данного шага.

В 715 г., несколько недель спустя после смерти Пипина II, знать Нейстрии выступила против его жены Плектруды, которая, будучи меровингской королевой,

поскольку принадлежала к семейству Меровингов, стала регентшей Теодориха. Конечно, это выступление не имело общенационального характера. Это была лишь попытка аристократии вырваться из-под опеки майордомов и самим взять в свои руки управление во дворце. Очевидно, что это было реакцией аристократии на выдвижение Пипином своих сторонников на ответственные посты¹.

Крупные землевладельцы назначили майордомом Рагинфреда; однако внебрачный сын Пипина Карл, первый, кто принял это германское имя (это необычное имя подчеркивало его своеобразие и индивидуальность), стал на их пути. Карлу было 25 лет. Он бежал из тюрьмы, где Плектруда держала его в качестве пленника, и собрал вокруг себя в Австразии сторонников, которые безоговорочно признали его своим лидером и руководителем. Для борьбы с ним Рагинфред объединился с Ратбодом. В это же время саксы перешли границу Франкского государства. Именно тогда умер молодой король Дагоберт; возможно, он был убит. Его малолетний сын Теодорих был отправлен в монастырь в Шелль, а крупные землевладельцы назвали королем Хильпериха II — сына Хильдериха I, убитого в 673 г., — который до этого был заточен в монастырь. Это был первый король династии Меровингов за последние 25 лет, который вззошел на престол, будучи совершеннолетним; но он же был и последним. Король был лишь инструментом в руках аристократии.

Карл подвергся нападению одновременно с двух сторон: Ратбод, объединившись с фризами, поднялся на ладьях по Рейну до Кельна; а с другого фланга наступали нейстрийцы во главе с королем и Рагинфредом. Карл отступил в Эйфель; он выждал момент и нанес удар по нейстрийцам у Амблева, когда те стали отводить свои войска в 716 г. Он охотно был готов за-

¹ Рихтер в своем исследовании приводит оценку этих событий из источника того времени: «Был выбран удобный момент для серьезных преследований и гонений».

ключить с ними мир при условии, конечно, что ему вернут пост майордома.

Однако ввиду отказа его противников идти на уступки он был вынужден бороться с ними. 21 марта 717 г. Карл нанес им поражение под Винси близ Камбре. Затем он опустошил окрестности Парижа и вернулся в Австразию, где поставил королем Хлотаря IV, о котором нам известно лишь то, что он принадлежал к семейству Меровингов. Вернувшись в свои владения, Карл сместил не поддержавшего его епископа Реймса Ригоберта, назначив на этот пост Милона, который был епископом Трира; таким образом, этот «единственный священнослужитель такого сана, который при этом был монахом», вопреки всем церковным канонам и правилам стал епископом одновременно двух епархий¹.

Но для Карла церковь была лишь средством приобретения сторонников для выполнения своих задач. И он рассматривал это средство как ценнейший капитал, оказавшийся в его распоряжении².

¹ Фюстель де Куланж не видит в этом проявления германизации церковной жизни, хотя факты говорят именно об этом. Он прав в том, что умышленно и сознательно никто не ставил задачу осуществить германизацию церковной жизни; однако, даже если это и делалось бессознательно, это было отражением процесса германизации всей общественной жизни, своего рода антиримской реакции, который проявился и в жизни церковной.

² Изучая историю монастыря Сен-Пьер де Ганд, мы можем представить себе реальную картину того, что тогда происходило. Враги настоятеля монастыря Селестина обратились к «повелителю» Карлу, обвинив Селестина в переписке с Рагинфредом. Вследствие этого обращения Карл «отобрал монастырь и лишил настоятеля монастыря его сана, равно как и всех монастырских служащих, выбравших тот же путь, что и настоятель. Все принадлежавшие монастырю земли и угодья передавались тем вассалам, которые были верны и благочестивы перед Богом». Это положение сохранялось до восшествия на престол Луи Благочестивого. Таким образом, все имущество и все владения церкви, включая владения монастырей, рассматривались Карлом как ресурс, из которого должны награждаться верные вассалы. Совершенно очевиден тот факт, что судьба и будущее Карла зависели от их поддержки. Карл даже отправлял священнослужителей на смерть, не испрашивая мнения синода: так, например, он поступил в 739 г. с настоятелем монастыря Сен-Васт в Арле, который возглавил заговор против него.

Будучи майордомом, Карл вел себя как настоящий король. В 718 г. он предпринял карательную экспедицию против саксов, разграбив их территорию вплоть до реки Везер (часть территории нынешней Нижней Саксонии в Германии).

В 719 г. Хильперих и Рагинфред, отказавшись от своих северных союзников, вступили в переговоры с Эдом, создавшим герцогство в Аквитании, которое он сам же и возглавил. Эд прибыл в Париж, чтобы вместе со своими новыми союзниками выступить против Карла. Таким образом, против последнего была создана «римская» коалиция. Однако Карл ждать не стал и ударил первым; союзники не решились принять бой. Эд сопровождал Хильпериха до самой Аквитании, куда тот привез и захваченную с собой казну. Однако Хлотарь IV умер, и Карл заключил с Эдом мир, признав Хильпериха II монархом всего Франкского королевства.

Хильперих умер в 720 г., и франки избрали его преемником несовершеннолетнего сына Дагоберта III Теодориха IV. А что же Рагинфред? Сохранил ли он пост майордома? Он укрылся в Анже, откуда в 724 г. поднял мятеж против Карла. Это была последняя попытка нейстрийцев бороться за власть. Карл, заключивший мир с правителем Аквитании Эдом, теперь мог сконцентрировать внимание и силы для борьбы с противниками на севере королевства. В 720 г. он возобновил боевые действия против саксов, которые, судя по всему, еще продолжались в 722 г. В то же время он активно поддерживал усилия Виллиброрда по обращению фризцев в христианство и, вне всякого сомнения, поощрял аналогичную деятельность св. Бонифация, которого папа Григорий II (занимавший папский престол с 715 по 731 г.) назначил епископом всех жителей Германии, бывших в то время еще язычниками.

В 725 г. Карл впервые попытался подчинить Баварию. Воспользовавшись разногласиями в герцогском семействе, управлявшем Баварией, он сумел продвинуться до Дуная; судя по всему, для обеспечения удач-

ного результата этого похода он заключил договор с лангобардами. В 728 г. он предпринял второй поход против баваров, однако ему не удалось стать властелином Баварии: это герцогство, во главе которого стоял герцог Губерт, отстояло свою автономию. В 730 г. Карл вступил на землю алеманнов, и, судя по всему, эти земли были присоединены к Франкии. В 734 г. он подчинил фризов, которые были обращены в христианство. Наконец, в 738 г. он совершил новый поход против саксов. В результате всех этих северных войн Карл присоединил к своему королевству земли фризов и алеманнов.

Теперь Карл был обязан выступить против арабов-магометан. В 720 г. войска арабского эмирата в Испании перешли Пиренеи, овладели Нарбонном и осадили Тулузу. Весной 721 г. Эд выступил против них, нанес арабам поражение под стенами Тулузы и вытеснил их из пределов Аквитании. Но отбить у арабов Нарбонн ему не удалось. В 725 г. арабы предприняли крупный поход силами своей огромной конной армии, в результате которого был взят Каркассон и захвачена вся территория вплоть до Нима. Жители последнего, судя по всему, сдались арабам без сопротивления на определенных оговоренных условиях; вполне вероятно, что такая договоренность существовала между арабами и Карлом. Затем арабы вступили в долину Роны. В августе того же года завоеватели захватили и разграбили Отен, а затем вернулись в Испанию с богатой добычей.

Эд, чувствуя, что Аквитания находится под угрозой, выдал свою дочь замуж за Османа — командующего арабскими войсками, расположенными на границе Франкского королевства.

Однако в это время арабы-магометане были охвачены внутренними гражданскими конфликтами, потрясениями и неразберихой так же, как и христиане. В 732 г. наместник Испании Абд ар-Рахман, только что убивший Османа, перешел Пиренеи, осадил Бордо и

нанес поражение Эду у переправы через Гаронну. Разграбив захваченную территорию, он двинулся на север по направлению к Лиону. Эд обратился к Карлу за помощью. Тот лично возглавил войско, которое наверняка состояло главным образом из жителей Австразии, и в октябре 732 г. нанес захватчикам поражение и вынудил их покинуть пределы королевства. Правда, далее Карл их преследовать не стал.

Но на следующий год (это, соответственно, был 733 г.) Карл прибыл в Бургундию и занял Лион; безусловно, он пытался сохранить контроль над южными районами Галлии. Поэтому оставленным на местах *доверенным людям* было поручено держать ситуацию под контролем. Что касается Аквитании, то, безусловно, Карл рассчитывал на Эда. Однако нет никаких свидетельств того, что Карл предпринимал какие-то меры против арабов-магометан.

В 735 г. Эд умер, и Карл немедленно напал на Аквитанию. Он занял все основные города и для большей надежности поставил в них правителями своих верных вассалов. Он ничего не предпринял против арабов-магометан, которые только что пошли в наступление от Нарбонна к Арлю, причем наверняка это было сделано в соответствии с ранее заключенным соглашением. Никакого сопротивления и противодействия со стороны войск Карла арабы не встретили. Таким образом, все побережье Лионского залива оказалось под контролем арабов-магометан. Согласно «Муасакской хронике», составленной в то же время, арабы владели всей этой территорией в течение четырех лет, постоянно подвергая ее опустошению и разграблению.

Не сумев полностью подчинить всю Аквитанию, Карл оставил во главе ее сына Эда Гунальда; тот стал герцогом Аквитании и присягнул Карлу, дав клятву быть верным ему вассалом. Затем Карл направился в долину Роны и занял территорию вплоть до Марселя и Арля. На этот раз вся страна оказалась под контролем северян. Однако это вызвало соответствующую реак-

цию, в результате которой стало возможным появление такой фигуры, как «герцог» Мавронтий. Из имеющихся в нашем распоряжении источников трудно точно сказать, что именно тогда произошло. Однако складывается впечатление, что Мавронтий действовал в сговоре с арабами-магометанами. В 737 г. арабы заняли Авиньон. Карл осадил этот город и затем взял его. А затем, спустившись вниз по Роне, атаковал Нарбонн; арабы сдали ему город. Затем Карл повернул назад и сжег по пути Ним, Агд и Безье¹.

Без сомнения, Карл рассчитывал запугать население приморской зоны, поскольку было бы абсурдно полагать, что он разрушил упомянутые города только для того, чтобы предотвратить очередное вторжение арабов-магометан. Но, пока он воевал с саксами, арабы-магометане вновь предприняли наступление на Прованс и захватили Арль. Карл обратился за помощью к лангобардам. Лиутпранд, видя угрозу своим границам, перешел через Альпы и отросил арабов назад. Все это время Мавронтий продолжал держаться. В 739 г. Карл вместе со своим братом Хильдебрандом выступили против него и отвоевали всю территорию королевства вплоть до самого моря.

21 октября 741 г. Карл умер. С момента смерти Теодориха IV в 727 г. он правил страной в отсутствие короля. Перед смертью он разделил государство — точнее сказать, управление государством — между двумя сыновьями: старшим, Карломаном, которому он дал в управление Австразию, и Пипином. Бавария и Аквитания в это деление не попали; они по-прежнему оставались автономными герцогствами. И, хотя упомянутые решения были приняты *с ведома и согласия знати*, они

¹ В Провансе уже шло восстание против Пипина из Герстала; возглавил восстание патриций Антенор. Нельзя отрицать, что сыграл свою роль фактор национальной вражды (между галло-римлянами и германцами). В одном из источников того времени указывается, что исчез ряд грамот и других документов, написанных на латыни, которые потом пришлось восстанавливать, причем, как там отмечается, это произошло из-за «враждебности франков».

сразу привели к трудностям и проблемам: внебрачный сын Карла Грифо поднял мятеж, и его братья посадили его под стражу в Шевремонне. Затем последовало восстание в Бургундии; алеманны и аквитанцы также взялись за оружие, а саксы возобновили боевые действия против франков. Сначала Карломан и Пипин предприняли поход в Аквитанию против герцога Гунальда, которого продолжатель хроники Псевдо-Фредегара называет *римлянином*. Братья теснили аквитанцев до Буржа и уничтожили Локский замок. Затем они выступили против алеманнов и подчинили всю территорию их проживания до самого Дуная. После этого в 743 г. они нанесли поражение герцогу Баварии и сделали его своим вассалом.

В том же 743 г., безусловно под влиянием упомянутых восстаний и мятежей, братья решили возвести на королевский трон, который их отец оставил незанятым, последнего представителя династии Меровингов Хильдериха III (743—757); степень его родства с предыдущими королями точно не установлена.

В 747 г. Карломан снял с себя правящие полномочия и стал монахом в монастыре Монте-Кассино. Пипин продолжал управлять один; находящийся рядом с ним король никакой роли не играл. У Пипина по-прежнему имелись некоторые проблемы с Грифо, которого он отпустил на свободу; тот поднял на восстание саксов и баваров. Но это оказалось незначительным эпизодом, не имевшим никаких серьезных последствий.

Период с 749 по 750 г. оказался спокойным. Пипин имел все основания считать, что его позиции прочны и надежны. Он родился в 714 г., соответственно, ему тогда было 36 лет и он находился в расцвете жизненных сил. Должен ли он был по-прежнему занимать пост майордома, находясь в формальном подчинении королю? Каким образом он мог это делать? Все ответственные посты были заняты его вассалами. Везде, за исключением Аквитании, они принесли присягу лично

ему и были этой присягой связаны; их положение полностью зависело от его личной власти. Поэтому он считал, что его власть полностью обеспечена и гарантирована, и она, кроме того, была закреплена официально благодаря *фактическому* унаследованию.

Он даже примирился с церковью, к которой его отец относился столь враждебно, раздавая своим вассалам ее владения и имущество. В 742 г. Карломан по совету и настоянию Бонифация провел в Австразии заседание синода. Это заседание, проведенное впервые за несколько десятилетий, было призвано восстановить порядок в церковной жизни; за прошедшие годы наблюдалась ужасная деградация среди священнослужителей. В 744 г. состоялось второе заседание синода, на этот раз в Суассоне, а вскоре в Австразии синод собрался и в третий раз.

В 745 г. после попыток преобразований, которые исходили в основном с севера Галлии, в то время как до начала VIII в. двигателем прогресса в церковной жизни был юг страны, была созвана первая генеральная ассамблея франкской церкви под председательством св. Бонифация.

Таким образом, благодаря Бонифацию Пипин и Карломан вступили в контакт с папой римским. И вся зарождавшаяся и формирующаяся в Германии церковь по-прежнему благодаря Бонифацию считала их своими заступниками и покровителями. Да и как могло быть иначе, если им было достаточно лишь обратиться к главе церкви, чтобы получить благословение и подтверждение права на ту власть, которой они обладали и которую осуществляли? Союз с папой казался очевидным, решенным и состоявшимся фактом. Тем более что это отвечало интересам и самого папы римского, о чем Пипин хорошо знал, поскольку папа уже обращался за помощью к Карлу Мартеллу (после разгрома арабов под Пуатье авторитет Карла Мартелла значительно возрос; как считают, именно после этой победы его стали называть Мартелл, что означает «Молот»).

3. Италия, папа и Византия.

Разрыв папы с Византией

После падения Западной Римской империи церковь продолжала свято чтить память империи и сохранять ей верность; сама организация церкви повторяла организацию и территориально-административное деление Римской империи с ее областями и провинциями — именно по этому принципу формировались приходы и *епархии*. В церкви не только чтили империю; сама церковь стала в значительной степени продолжением империи, ее своего рода преемницей, поскольку подавляющее большинство священнослужителей происходили из знатных сенаторских семей, и они вспоминали об империи с восхищением и почитанием, горько сожалели о ее утрате. Вся церковь жила и действовала по римскому праву. Она восприняла события 476 г., когда последний император Западной Римской империи отрекся от престола, как события второстепенные и не имевшие принципиального значения. Раньше она признавала императора в Равенне; теперь — императора в Константинополе; более того, император в Константинополе считался и главой церкви. Империя для церкви продолжала существовать. Папа римский считал себя подданным императора, поддерживал с ним постоянный контакт и имел в Константинополе своего представителя, постоянно обсуждавшего с императором вопросы веры и понимания Священного Писания. Папа исправно и аккуратно посещал заседания синодов и другие церковные мероприятия, организуемые византийским императором.

Сам император, когда дела в империи обстояли нормально, высоко чтил папу римского, считая его главным патриархом империи и ставя выше патриархов в Константинополе, Иерусалиме, Антиохии и Александрии¹.

¹ Император Фока признал папу римского «главой всех церквей»; это делалось, так сказать, в пику патриарху Константинополя, носившему титул «вселенский патриарх».

Безоговорочная приверженность западной церкви империи еще более усилилась и стала практически абсолютной благодаря тому факту, что до восшествия на папский престол Григория Великого ареал пастырского служения церкви совпадал или почти совпадал с пределами Римской империи, какой она сложилась с древних времен. При этом следует признать, что возникновение на обломках империи германских королевств привело к разделению церкви, которая действовала теперь на территории нескольких новых государств, управляемых разными королями; однако церковь с самого начала сохраняла полную верность и преданность по отношению ко всем этим правителям. И хотя в реальности империи более не существовало, для папы римского она продолжала существовать¹.

Папа продолжал признавать власть империи даже при правлении короля остготов Теодориха, которого считал лишь уполномоченным византийского императора, находившимся на службе империи. Триумфальное возвращение в Италию и вступление в Рим армий, направленных Юстинианом, еще более укрепило его приверженность и преданность империи. Когда в Рим вступили императорские войска во главе с полководцем Юстиниана Велизарием, папа, который был избран на этот пост духовенством и жителями Рима, попросил императора утвердить этот выбор и его назначение на папский престол. И начиная с 550 г., когда папой был Вигилий (занимавший папский престол с 537 по 555 г.), папа римский датировал подписываемые им документы, упоминая имя византийского императора.

Вигилий самым своим восшествием на папский престол обязан Византии. В 537 г., когда войска Витигиса осаждали Рим, оборонявший город Велизарий сместил с папского престола Сильверия по обвинению в сговоре с готами и сослал его на остров Пальматрия. Новым папой римским императрица Феодора назначила Виги-

¹ Папа датировал подписываемые им документы, беря в качестве точки отсчета восхождение на престол византийского императора.

лия. Юстиниан поспешил использовать это назначение в интересах империи и полностью подчинить папу римского Византии. Для этого папе предлагалось (а фактически это было требование) принять позицию Византии в вопросе о «Трех главах» (сочинение сирийских епископов, подвергнутое Юстинианом осуждению), то есть признать указ императора 543 г. о предании анафеме толкователей Священного Писания, проповедовавших свои взгляды в V в., а это, судя по всему, были несторианцы. Таким образом, делался шаг навстречу сторонникам монофизитского учения, которые не объявлялись безоговорочно еретиками, а, наоборот, подготавливалась почва для взаимопонимания между ними, с одной стороны, и государством и православной церковью — с другой.

Но священнослужители Востока и особенно Африки категорически протестовали против подобного подхода. Папа Вигилий, которого пригласили для одобрения упомянутого указа, отказался это сделать и отлучил от церкви патриарха Константинополя; но все-таки в 548 г. он уступил и дал свое согласие. Однако, столкнувшись с активным неодобрением своих действий со стороны епископов восточных районов империи, Вигилий вновь отверг указ. В Константинополе был созван вселенский собор, но Вигилий, которого принудили остаться в городе, прийти на собор отказался, как и подавляющее большинство восточных епископов. Таким образом, этот собор был, по сути, не вселенским, а всего лишь всегреческим, и он был проведен под председательством патриарха Константинополя. Этот собор осудил упомянутое сочинение «Три главы», а Вигилий, отказавшийся подчиниться решению собора, был отправлен Юстинианом в ссылку на один из островов в Мраморном море. В конце концов Вигилий уступил императору и получил разрешение вернуться в Рим. Он умер по пути в Рим в Сиракузах в 555 г.

Сменивший Вигилия на посту папы в 555 г. Пелагий I был назначен на этот пост Юстинианом. Новый

папа сделал все, что было в его силах, чтобы утвердить мир в церковной среде, поскольку церковь по-прежнему никак не могла прийти к согласию по вопросу о «Трех главах». Он пытался сделать все, чтобы мелкие несогласия в вопросах веры и различное толкование тех или иных мест из Евангелия не вели к разделению церкви, а тем более ее расколу, особенно тогда, когда Италия переживает время трагического кризиса, вызванного ведущимися на ее территории войнами.

Лангобарды, которых Византия была бессильна остановить, поскольку ее войска были заняты боевыми действиями в Азии и на Дунае, заволокли всю Италию. Империя вступила в один из самых тяжелых и бедственных периодов своей истории. Император Юстин II, будучи не в состоянии послать на помощь войска, посоветовал папе откупиться от лангобардов золотом, а также заключить союз с франками.

Однако лангобардам в годы правления императора Тиберия II (578—582) удалось захватить территорию Италии до Сполето и Беневенто. Папа Пелагий II пытался последовать совету византийского императора и заключить союз с франками, но, увы, безрезультатно. Италия превратилась в зону господства самого ужасного хаоса и хищнического произвола.

Однако Рим, город, где находился папский престол, и Равенна, город престола императора, держались, помогая друг другу. Император Маврикий (правивший с 582 по 602 г.) направил в Равенну экзарха, который имел право предпринимать практически любые действия в соответствии с обстановкой; однако византийский император сумел направить вместе с ним лишь немного войск.

Когда на папский престол взошел Григорий Великий (он был папой с 590 по 604 г.), угроза была велика как никогда. В 592 г. связь между Римом и Равенной была перерезана, а герцог Сполето Арнульф со своим войском появился под стенами Рима. В 593 г. город вновь оказался под угрозой, на этот раз со стороны ко-

роля лангобардов Агивульфа. Григорию пришлось защищать город без какой-либо помощи извне. И он энергично взялся за дело, причем действовал, безусловно, не только в своих интересах, но и в интересах императора.

В этот момент патриарх Константинополя, воспользовавшись той отчаянной ситуацией, в которую попал Рим, объявил себя вселенским патриархом. Григорий немедленно выступил с протестом против этого. Византийский император Фока пошел навстречу Григорию и признал римского папу «главой всех церквей».

А затем папа, окруженный со всех сторон нападавшими врагами, пытавшимися захватить город, и брошенный византийским императором, воздвиг колонну посередине Римского форума, чтобы показать, что он является действительно первым лицом в христианском мире.

Однако именно ввиду того, что папа оказался в одиночестве и ему пришлось рассчитывать только на собственные силы в защите Рима, его авторитет и влияние резко возросли. В 596 г. он направил в Британию первую группу проповедников христианства во главе с Августинном. Цель этой миссии состояла в том, чтобы принести христианскую веру в души людей, и папа нисколько не сомневался в том, что именно таким образом закладываются основы могущества и величия римской церкви и ее независимости от Византии. Он, находясь вдалеке, воодушевлял и направлял проповедников-подвижников. Но ему было не суждено увидеть рождение англосаксонской (англиканской) церкви, волею судеб ставшей преемницей Рима.

Последующие годы стали решающими для папства.

Император Ираклий отразил угрозу Константинополю со стороны сасанидского Ирана. Византийская империя вновь стала великой державой. Теперь она должна была покончить с лангобардами в Италии и вернуть себе контроль над страной, но тут совершенно неожиданно (634) в Средиземноморье вторглись арабы-

магометане. Отражая атаки со всех сторон, Византия должна была отказаться от войны с лангобардами. Рим был предоставлен самому себе и вынужден защищать себя сам.

Для церкви завоевание азиатского и африканского побережья Средиземного моря арабами-магометанами было ужасной катастрофой. Помимо того что ареал распространения христианства теперь ограничивался исключительно пределами Европы, арабские завоевания привели к окончательному расколу церкви на восточную и западную, что имело огромное судьбоносное значение. Рим, являвшийся местом нахождения папского престола, оказался отделенным от Византии, где жил патриарх Константинополя — единственный оставшийся на Востоке христианский патриарх после того, как Средиземноморье накрыло волной арабских вторжений.

Ираклий отвоевал у персов Сирию, Палестину и Египет, где большинство населения составляли монофизиты. Он решил продолжить политику Юстиниана и восстановить единство церкви, пойдя на определенные уступки в вопросах, связанных с теми или иными вариациями христианского вероисповедания. Монофизиты признавали в Иисусе лишь только одно Божественное начало, что находилось в непреодолимом противоречии с православием, согласно которому в Иисусе соединены воедино Божественное и человеческое начало. Однако казалось, что можно найти компромисс между этими двумя противоречивыми точками зрения, поскольку хоть православие и признавало у Иисуса два начала — Божественное и человеческое, — но эти начала объединены в одно целое. Таким образом, можно примирить учение монофизитов и православие в рамках доктрины единобожия (или монотеизма), признаваемой и теми и другими.

Для того чтобы укрепить единство в вопросах веры и сохранить империю перед угрозой завоевания арабами-магометанами, император счел необходимым и

своевременным примирить монофизитов и православных, провозгласив доктрину единобожия. Для этого в 638 г. был опубликован «Экфесис» (Изложение веры), которому должны были следовать все христиане.

Однако эта попытка спасти империю была запоздалой. Арабы-магометане уже заняли Сирию. С другой стороны, это вызвало выступление Рима против Византии. Папа Гонорий объявил упомянутую доктрину ересью.

Вскоре арабы завоевали Египет, признавший эту доктрину. Таким образом, два главных центра монофизитов были окончательно утрачены для империи. Тем не менее Константинополь от этой доктрины не отказался. В 648 г. по приказу императора Константа II был опубликован Символ веры, в котором подтверждалась доктрина единобожия и запрещались какие-либо обсуждения на эту тему.

Однако Рим сдаваться не собирался, и на заседании лютеранского синода папа Мартин I осудил, подверг резкой критике и категорически отверг и «Экфесис», и Символ веры, заявив, что они заражены ересью.

Император Констант II ответил на это сопротивление папы тем, что приказал экзарху Равенны арестовать Мартина и отправить его в Константинополь. Здесь папа был обвинен в попытке организации заговора и мятежа против императора в западных провинциях империи, после чего арестован и заточен в тюрьму, где ему пришлось перенести ужасные унижения. В конце концов он был сослан в Крым, где и умер в сентябре 655 г.

Победа императора Константина IV над арабами, в результате которой была снята осада Константинополя, безусловно, побудила его отказаться от компромисса с монофизитами и доктрины единобожия в том виде, в каком она была сформулирована, и пойти на восстановление отношений с Римом. Сближение произошло, когда папой был Виталиан; в 680 г. Константин IV (правивший с 668 по 685 г.) осудил доктрину единобожия и признал папу римского в качестве «главы все-

мирной церкви, восседающего на ее главном престоле». Таким образом, как мы видим, давление со стороны арабов-магометан подтолкнуло византийского императора к сближению с Западом.

Четвертый собор ясно показал монофизитам Сирии, Палестины и Египта, что Константинополь отказался от попыток примириться с провинциями, которые были оторваны от империи. Примирение императора с Римом, таким образом, было достигнуто ценой полного отказа империи от восточных провинций, население которых придерживалось монофизитских и монотеистских взглядов.

Констант II в свое время также продемонстрировал свое намерение ориентироваться на Запад. Несмотря на некоторые различия в понимании тех или иных аспектов христианского вероисповедания, которые имелись у него с папой, византийский император прибыл с визитом в Рим, где был с глубочайшим почтением встречен Виталианом 5 июля 663 г. Возможно, император хотел бы перенести свою резиденцию в древнюю столицу империи, но он понимал, что это невозможно, поскольку у него не было войск, чтобы отразить возможное нападение на Рим со стороны лангобардов. Поэтому двенадцать дней спустя после прибытия в Рим Констант II отбыл на Сицилию, чтобы разместить свою постоянную резиденцию в Сиракузах, где он был, по крайней мере, под защитой своего флота. Там он и встретил свой смертный час: в 668 г. император был убит.

Вскоре после этого, в 677 г., император Константин IV отбросил арабский флот от Константинополя при помощи греческого огня и заставил халифа Муавию платить Византии дань. Также была гарантирована безопасность византийских владений в Италии посредством подписания окончательного мирного договора с лангобардами.

Византийская империя спасла Константинополь, а также отстояла Рим и Равеннский экзархат, но отныне ввиду потери Испании и Северной Африки она рас-

полагалась исключительно на территории Восточного Средиземноморья. И в тот момент казалось, что римская церковь, которая сама потеряла возможность осуществлять свою деятельность в Африке и Испании, далека от того, чтобы ориентироваться на Запад. Созванный в 680 г. собор ясно показал, что церковь связывает свою судьбу с Византийской империей, которая стала теперь чисто греческой как по занимаемой территории, так и по духу, и практически полностью эллинизировалась. Из 13 человек, занимавших папский престол с 678 по 752 г., лишь двое — Бенедикт II (находился на папском престоле с 684 по 685 г.) и Григорий II (занимал пост папы с 715 по 731 г.) — были по происхождению римлянами. Все остальные были сирийцами, греками или хотя бы сицилийцами. На Сицилии греческая составляющая значительно укрепилась благодаря иммигрантам из Сирии, прибывшим на остров после захвата Сирии арабами-магометанами. К концу VII в. Сицилия полностью эллинизировалась.

То, что церковь стала ориентироваться на Византию, не было никоим образом связано с вмешательством византийской власти в дела папства. Роль экзарха, который, со времен правления императора Ираклия, утверждал выбор на пост папы, была сугубо формальной и символической. Выборы папы были абсолютно лишены какого-либо влияния извне; происходили они в римской среде, и вызывает удивление, что, несмотря на это, на престол св. Петра с таким постоянством восходили греки.

После подписания мира с лангобардами единственными византийскими войсками в Италии были те, которые набирались здесь же из местного населения; все остальные византийские силы были заняты в боевых действиях против арабов-магометан. Таким образом, у Византии просто не было возможности влиять на выборы папы. Однако военные, как и священнослужители, принимали участие в выборах, и их голоса имели подчас решающее значение. Большинство военных,

особенно из среднего и высшего командного состава, были эллинизированы; то же самое можно сказать и о священнослужителях. Именно по этой причине ряд выдвиженцев на пост папы были сирийцами.

Однако эти войска не были послушными исполнителями приказов, исходивших от Византии. Войска были расположены далеко от местонахождения центральной власти и не имели с ней никакого контакта; поэтому они подчас не подчинялись не только экзарху Равенны, но и византийскому императору. В 692 г. папа Сергей отказался поставить свою подпись под решениями собора, которые шли вразрез со взглядами и традициями, принятыми в Риме. Юстиниан II дал приказ арестовать папу и доставить в Константинополь. Но римское ополчение взбунтовалось, и лишь благодаря вмешательству папы представитель императора, направленный выполнить приказ, избежал смерти.

Таким образом, хотя Рим оставался частью империи, папа *фактически* был независим и обладал свободой действий. Он был одновременно и религиозным, и военным, и гражданским главой города. Но папа признавал себя подданным императора и подтверждал свою связь с императорской властью, и это на самом деле постепенно, но неуклонно повышало его авторитет, поскольку византийский император по-прежнему считал его первым лицом во всей церковной иерархии империи; а с другой стороны, сам папа никогда не отказывался от титула главы всей церкви, расположенной на территории империи, ареал деятельности которой после завоевания Северной Африки и Испании арабами-магометанами сократился и охватывал главным образом восточные районы и провинции.

Таким образом, произошедший в 692 г. короткий разрыв отношений был не нужен ни папе, ни императору. Последний папа, посетивший столицу Византии, был принят с величайшим почтением, и ему были оказаны наивысшие почести. Документально зафиксировано, что император пал перед ним ниц и поцеловал

его ноги. Отношения были вновь выстроены таким образом, что вполне удовлетворяли обе стороны. Мир был восстановлен.

Однако старый конфликт между православными и метафизитами время от времени проявлялся вновь и вновь. В 711 г. на императорский престол взошел монофизит Филиппик, и это вызвало волнения и беспорядки в Риме. С другой стороны, светская власть византийского императора в Италии становилась все слабее и слабее. В 710 г. войска, расквартированные в Равенне, подняли мятеж; экзарх был убит, а на его место солдаты поставили своего собственного избранника. Это вызвало энергичное вмешательство со стороны Византии. Однако смерть императора Юстиниана II, последовавшая в 711 г., положила начало периоду анархии, который продолжался с 711 по 717 г. В это время болгары подошли к Константинополю, а арабы-магометане совершили поход по территории Малой Азии; одновременно их флот, пользуясь захваченными опорными пунктами в Эгейском море и Пропонтом, в 717 г. предпринял попытку захвата столицы империи с моря.

Можно сказать, что Европа тогда была спасена благодаря энергии и мужеству воина, только что взошедшего на императорский трон, — Льва III Исавра. Нанеся поражение арабскому флоту при помощи имевшегося у него такого страшного оружия, как уже упоминавшийся греческий огонь, и заключив союз с булгарами, он заставил сильно потрепанную и значительно поредевшую арабскую армию снять осаду Константинополя, продолжавшуюся в течение всего 718 г., и отступить.

Это было историческим событием огромного значения, гораздо большего, чем победа над арабами под Пуатье, поскольку никогда после этого арабы-магометане уже не пытались захватить Константинополь — город, «хранимый Богом». Как отметил Бари, это было событие вселенского значения. С того самого времени и до правления императрицы Ирины (782—803) арабов держали под контролем, они не только не продвинулись ни на

шаг вперед, но даже были отброшены в Малую Азию. При императоре Льве и его сыне Константине империя восстановила свои силы, а новое административно-территориальное устройство укрепило ее внутреннюю целостность. Империя была разделена на фемы — округа, где гражданская и военная власть была у командующих расположенными там войсками¹.

Но Лев III не хотел ограничиваться только этими преобразованиями; он также стремился и к реформам в церковной жизни, которые для него сводились к одному — иконоборчеству. Возможно, таким образом он хотел уменьшить противостояние между христианством и исламом и даже как-то сблизить их; также он стремился к примирению в христианской среде в восточных провинциях Малой Азии, где было очень много павлиан, считавших себя последователями апостола Павла; они проповедовали отказ от земных благ и выступали против роскоши и богатства официальной церкви, а также за упрощение служб и отказ от почитания икон.

Принятие этой новой доктрины имело в Риме самые серьезные последствия. Лев III издал свой первый указ против икон в 725 или 726 г. Папа Григорий II немедленно предал этот указ анафеме. С самого начала этот конфликт носил исключительно острый характер. На заявление императора о своем праве управлять церковью папа объявил о независимости церкви от императорской власти, причем сделал это в таких выражениях и в таком тоне, как никто до него не решался. Фактически римская церковь заявила об отделении от Византии. Папа даже бросил открытый вызов императору, призвав всех истинно православных отвергнуть провозглашенную Львом III ересь. Категорически отвергая претензии византийского императора на руководство церковью, папа в то же время упрекнул его в неспособности защитить Италию, пригрозил обратиться к западным государствам за помощью и запретил римлянам

¹ Вся Византийская империя была разделена на фемы: теперь в европейской части империи было 12 фем, а в азиатской — 14.

платить налоги византийскому императору. Императорские войска в Италии немедленно подняли мятеж, сместили своих командиров и назначили новых; экзарх Павел был убит в ходе возникших беспорядков, а римляне изгнали своего герцога. Вся византийская Италия оказалась охвачена антивизантийским восстанием и была, без всякого сомнения, готова выбрать своего собственного императора в пику византийскому, если бы папа призвал жителей Италии это сделать. Но ни к чему подобному папа призывать не стал. Возможно, он не обратился с подобным призывом, поскольку у него еще сохранялись какие-то крупницы верности Византийской империи; ну а может быть, он просто не хотел иметь рядом с собой в Италии нового императора.

Византийский император, однако, сдаваться не собирался. В Равенну был послан новый экзарх; правда, он был бессилен что-либо сделать, поскольку у него не было войск. Ситуация осложнялась тем, что лангобардские герцоги, управлявшие Сполето и Беневенто, отказались признавать власть короля лангобардов и поддерживали папу. У императора оставался один выход: вступить в союз с королем лангобардов Лиутпрандом, который на такой союз согласился, чтобы поставить на место мятежных герцогов.

Благодаря лангобардам византийский экзарх вступил в Рим, и хотя папа по-прежнему выступал против иконоборчества, но политически он был вынужден капитулировать. Папа признал светскую власть византийского императора, но настаивал на том, чтобы тот не вмешивался в церковную жизнь, то есть чтобы церковь была независима от Византии. В 730 г. папа вновь выступил с осуждением очередного иконоборческого указа византийского императора и объявил о том, что патриарх Константинополя потерял право владеть этим титулом.

В политической области папа, однако, теперь действовал согласованно с экзархом, который восстановил свою политическую власть без какого-либо сопротивления и противодействия. Провозглашенный в Тоскане

император в пику византийскому был убит, а его голову отправили в Византию; Равенна, отразив атаку византийского флота, теперь вновь оказалась в руках византийского наместника.

Григорий II умер в 729 г. Его преемником стал сириец Григорий III; это был последний римский папа, которому для вступления в должность потребовалось утверждение со стороны византийского императора.

Как только новый папа вступил в должность, он немедленно начал борьбу с иконоборчеством. В 731 г. он провел заседание синода, на котором те, кто уничтожал иконы, были отлучены от церкви. Император Византии ответил на это лобовой атакой и вывел из-под юрисдикции Рима все церковные области, расположенные на восточном побережье Адриатического моря (в Иллирии), а также на Сицилии, в Бруттии и Калабрии; все эти епархии были переданы в управление патриарха Константинополя. Император также изъял у церкви ее земельные владения на Сицилии, в Калабрии и Бруттии, которые давали годовой доход в размере 350 фунтов (114,6 кг) золота. Таким образом, для византийского императора папа стал отныне чем-то вроде итальянского епископа. На Востоке папа больше не играл никакой роли ни в церковной иерархии, ни при обсуждении вопросов христианского вероисповедания. Он был просто исключен из восточной церкви. Император Византии сам вывел латинскую церковь из византийского мира.

И в то же время папа не пошел на полный разрыв с императором Византии. То, что он решил сохранять верность императору, возможно, объясняется изменением линии поведения короля лангобардов Лиутпранда; тот разорвал отношения с экзархом Равенны и захватил город, обнаружив тем самым свои намерения захватить всю Италию. Если бы это произошло и Рим оказался под властью лангобардов, папе пришлось бы понизить свой статус до уровня лангобардского епископа. Поэтому, несмотря на все произошедшее между ним и византийским императором, папа решил оста-

ваться на греческой стороне. Он убедил епископа Градо добиться от проживавших на лагунах венецианцев предоставить имевшиеся у них суда для борьбы с захватившими Равенну лангобардами, у которых имелся свой флот. Благодаря этим героическим и бесстрашным венецианским морякам город был взят и в 735 г. там вновь была восстановлена власть византийского наместника. Но Лиутпранд все еще был силен. В 738 г. папа заключил союз против него с герцогами Сполето и Беневенто, которые пытались отстоять свою независимость. Но Лиутпранд в 739 г. напал на герцога Сполето, заставив его укрыться в Риме, и разграбил всю область вокруг Рима — Римскую Кампанию.

В разгар всех этих нескончаемых трудностей и опасностей папа с помощью англосаксонской церкви принял усилия по обращению в христианство жителей языческих районов Германии. Англосаксонская церковь, созданная греческим монахом Теодором, которому папа Виталиан присвоил в 669 г. сан архиепископа Кентерберийского, стала настоящим передовым рубежом папства на севере.

Из лона англосаксонской церкви вышли два выдающихся христианских проповедника, прививавшие жителям Германии любовь к Евангелию: Винфрит (св. Бонифаций), прибывший в Германию в 678 г., и Виллиброрд, вступивший на континент в 690 г. Перед началом своей подвижнической миссии Виллиброрд направился в Рим просить благословения у папы Сергия, который официально поручил ему привести жителей Германии к христианской вере и открыть там христианские храмы; для этого папа передал Виллиброрду мощи некоторых святых.

Виллиброрд начал свою проповедническую миссию во Фризии. В этом он получил поддержку от Пипина; конечно, здесь сыграли роль и религиозные соображения, но главным образом Пипин руководствовался политическим интересом: он считал, что Фризию будет легче подчинить, если фризы примут христианство. В 696 г. Вил-

либрорд вернулся в Рим. Там ему было присвоено имя Климент, вручен *паллий*, а также он был возведен римским папой Сергием в сан епископа Утрехтского.

15 мая 719 г. папа Григорий II официально уполномочил Бонифация (Винфрита) продолжать проповедовать христианство во Фризии в соответствии с доктриной римской церкви. Именно тогда этого проповедника стали называть Бонифацием; под этим именем он остался в памяти людей как покровитель и заступник. В течение всего своего пастырского служения во Фризии, где он работал плечом к плечу с Виллибрордом, Бонифаций ощущал поддержку со стороны Карла Мартелла. По возвращении в Рим в 722 г. Бонифаций был возведен папой Григорием II в сан епископа и направлен с пастырской миссией нести людям христианскую веру в Германию, на правый берег Рейна. Григорий дал ему сопроводительное письмо, которое подтверждало, что он воистину христианский проповедник, официально направленный из Рима. В 724 г. папа рекомендовал и представил его Карлу Мартеллу, и, наконец, в 732 г. Григорий II возвел его в сан архиепископа, дав ему право самому возводить в сан епископов в тех районах, где ему удастся привести людей к христианской вере.

Таким образом, пока византийский император отсекал Рим от Востока, Бонифаций посредством своей пасторской миссии укреплял позиции Рима *на самых окраинах* бывшей империи, христианизацию которых поддержал еще папа Григорий II. Бонифаций, этот великий христианский проповедник, привел Германию под власть папы римского; в своей деятельности он в силу обстоятельств пользовался поддержкой того самого Карла Мартелла, который фактически обобрал церковь, отобрав церковное имущество, в том числе земли, для того чтобы раздать его своим вассалам, впоследствии ставшим крупными феодалами. Как мог папа, столкнувшийся со столь сложной ситуацией в Италии, не обратиться за помощью к этому всемогущему покровителю Бонифация? В 738 г. Бонифаций вновь вернулся в Рим,

где пробыл год. Мы можем быть уверены, что он обсуждал с папой Григорием III не только свою миссию в Германии и вопрос создания там германской церкви; в частности, он наверняка посоветовал папе заручиться поддержкой Карла Мартелла, поскольку в 739 г. Григорий III вступил в активные контакты с этим всемогущим владыкой Запада. Он направил Карлу свое величайшее сокровище — ключи от усыпальницы св. Петра — и попросил Мартелла о помощи в защите от лангобардов, пообещав взамен прервать отношения с Византией.

Но Карл не собирался ссориться с королем лангобардов, который только что предпринял по его просьбе поход против арабов в Прованс. Поэтому он ограничился тем, что направил к папе посольство, дав послу инструкции обещать папе всяческую помощь; но реально никакой помощи не пришло.

В 741 г. Григорий III, Карл Мартелл и император Лев III умерли примерно в одно и то же время. Преемником первого стал Захария, второго — Пипин, а третьего — Константин V Копроним (был императором с 741 по 775 г.), который был фанатичным иконоборцем.

Спасаясь от религиозных гонений и преследований, 50 тыс. греческих монахов нашли убежище в Риме; они были в ярости по отношению к византийскому императору, который вынудил их покинуть родные места. Захария не обратился к императору с просьбой утвердить его выбор на пост папы. Однако сразу же после выбора на этот пост Захария заключил перемирие с лангобардами сроком на 20 лет, которые использовали это к своей выгоде и в 743 г. вновь напали на Равеннский экзархат. После этого, несмотря на все предшествующие события, папа вновь взял сторону византийского императора и по просьбе равеннского наместника убедил находившегося в Равенне Лиутпранда заключить с Византией перемирие.

В то же время благодаря посредничеству Бонифация отношения папы с Пипином, который относился к церкви гораздо более благосклонно и благожелательно, чем его отец, становились все ближе и доверительнее.

Пипин же, правивший после отхода от дел Карломана в одиночку, подготавливал государственный переворот. Конечно, ему было достаточно только пожелать этого — и дело было бы сделано. Но Пипин хотел исключить любую случайность, поэтому, зная, что он может рассчитывать на благожелательное отношение Захарии, направил свое знаменитое обращение к папе римскому.

В 751 г. Берхард, епископ Вюрцбурга, недавно возведенный в Германии в этот сан, и настоятель монастыря Фулрад прибыли в Рим задать папе знаменитый вопрос: кто должен носить корону — тот, кто носит титул короля, или тот, кто осуществляет реальную власть? Папа ответил в пользу Пипина: «Лучше иметь королем того, кто имеет власть, нежели того, кто проживает, не имея королевской власти». Это означало конец династии Меровингов.

Бедный меровингский король, ожидавший решения своей судьбы, был заточен в монастырь, и более никто не интересовался его судьбой. Папа короновал Пипина Короткого.

С этого момента политическая география изменилась коренным образом. Север безоговорочно занял преобладающую позицию. Именно здесь сконцентрировалась светская власть, поскольку Южная Галлия была разорена арабами-магометанами. И именно эта держава с центром власти в Северной Галлии стала единственной опорой папства, поскольку Греческая (Византийская) империя отсекала римскую церковь от Востока¹.

В 751 г. был заключен союз между папством и государством Каролингов. Этот союз был задуман и начал

¹ Очень точно и справедливо высказался по этому поводу Шуберт: «Здание западной цивилизации, театр, на сцене которого разыгрывалась ее история, переместились на север; отныне главные события развертывались по линии Рим—Мец—Йорк. И игравший главную роль Рим располагался уже не в центре, а на окраине новой нарождавшейся цивилизации. Единая культура средиземноморских стран была разрушена. На сцену выходили новые народы, и они создавали новую общность. Наступала новая эпоха; переходная эпоха подошла к концу».

осуществляться Захарией, а завершился, когда на посту папы находился Стефан II. Но для того чтобы окончательно сделать этот поворот на 180 градусов, папе было необходимо порвать последнюю нить, связывавшую его с Византийской империей, поскольку, пока папство было связано с Византией, оно вынуждено было оставаться, несмотря на реальное положение вещей, средиземноморской державой и частью средиземноморской цивилизации. И римская церковь во главе с папой, безусловно, осталась бы частью средиземноморской цивилизации и фактически средиземноморской державой, если бы арабы-магометане не вырвали из ее ареала Африку и Испанию. Однако сейчас располагавшаяся на севере Германия была важнее.

Впрочем, сила традиции была столь сильна, что, если бы произошло невозможное и византийский император разгромил и выгнал прочь лангобардов, папа остался бы верен ему. Но в 749 г., когда королем лангобардов стал Айстульф, те продолжили политику захватов.

В 751 г. лангобарды захватили Равенну, на этот раз город остался в их руках насовсем. Рим более не мог избежать своей судьбы. В 752 г. войска Айстульфа стояли уже под стенами города. Только немедленная помощь могла спасти ситуацию. Стефан II обратился за помощью к византийскому императору-иконоборцу, умоляя того спасти Рим. Но Константин V ограничился тем, что направил посольство к лангобардам. Айстульф его принял, но отказался идти на какие-либо уступки. После этого папа Стефан II обратился за помощью к Пипину, но перед тем, как сделать этот решающий шаг, лично отправился в Павию, где умолял Айстульфа отказаться от захватнических планов. Получив резкий отказ, он направился ко двору Пипина, куда прибыл в январе 754 г.

То, что неизбежно должно было произойти, наконец произошло. В 751 г. Пипин нарушил старую традицию и порвал с ней; теперь, три года спустя, от нее отказался и сам папа.

4. Новая империя

Таким образом, в 754 г. Стефан II сам оказался на тех самых *крайних рубежах Запада*, куда проложил дорогу Григорий II в 729 г. Вы спросите, что он там делал? Приехал просить о помощи Риму, поскольку Айстульф оказался глух к его просьбам и уговорам и не собирался отказываться от того, что наметил себе в качестве добычи; эту позицию король лангобардов изложил и послу византийского императора, отказавшись идти на какие-либо уступки. Конечно, если бы миссия посланника Византии оказалась успешной, папа не стал бы переправляться через Альпы за помощью. Он прекрасно понимал всю серьезность и ответственность подобного шага, но находился в смятении и неопределенности, не знал, чего ожидать, потому и решился на этот в немалой степени эмоциональный шаг. Пипин встретил папу в Понтьоне 6 января 754 г. Стефан II попросил Пипина вмещаться и защитить от лангобардов Рим, как и вообще жителей Италии. Пипин выслушал папу и поклялся «вернуть Равеннскому экзархату и государству все, что было захвачено лангобардами».

Читая текст соглашения между ними, обращаешь внимание на известную двусмысленность того, что там написано. Как понимать положение о том, что захваченные лангобардами земли будут возвращены *государству*? Надо ли понимать под государством Византийскую империю или Рим, который являлся частью Византийской империи? То есть, проще говоря, вернуть надо императору или папе? К тому же Пипин войны совсем не хотел, поэтому он направил к Айстульфу посольство. Королю лангобардов, по-видимому, явно льстило, что к нему приехал уже третий проситель; он не только не принял никаких предложений со стороны Пипина и вообще отказался выслушать его посла, но настроил Карломана выступить против своего брата, для чего убедил того покинуть монастырь в Монте-Кассино, куда, как мы уже говорили, Карломан в свое время удалился, отойдя от дел. Однако, как только Карломан вступил в пределы

Франкского королевства, он был тут же арестован и через некоторое время умер во Вьенне.

Подобной неуклюжей и откровенно топорной политикой король лангобардов испортил отношения с Пипином и настроил его против себя. Было очевидно, что он решил захватить сначала Рим, а потом и вообще всю Италию. Теперь перед Пипином стоял вопрос, кого поддержать: Айстульфа или папу? Пипин решил поставить короля лангобардов на место. Перед тем как выступить против него, Пипин собрал всю *знать* на совещание в Кверси-сюр-Оз. Там в присутствии самых знатных и влиятельных людей в королевстве он вручил папе 14 апреля 754 г. высочайшую грамоту, в которой были изложены все данные королем франков обещания. Три месяца спустя, перед тем как отправиться на войну, Пипин получил от папы повторное благословение на царствование; ранее его вступление на королевский трон было освящено Бонифацием. Причем папа не только торжественно освятил царственный венец, но под страхом отлучения от церкви запретил франкам передавать корону кому-либо другому, кроме членов семейства Пипинов; то есть провозгласил и благословил строгую наследственность правящей династии. Это означало, что был заключен союз между церковью и королевской династией Пипинов, можно сказать, наследственной монархией Пипинов. Для того чтобы еще более укрепить и повысить значимость этого события, папа возвел Пипина и его двоих сыновей в достоинство римских патрициев. Идя на этот шаг, папа, безусловно, присваивал себе права византийского императора, то есть узурпировал часть его властных полномочий. Статус патриция имел экзарх Равенны. Пипин, таким образом, становился наместником с особыми полномочиями и защитником Рима, причем фактическое звание экзарха Рима ему предоставлялось папой, а не императором. Судя по всему, папа сделал все это по собственной инициативе, не советуясь предварительно с Пипином, поскольку тот никогда присвоенным титулом так

и не воспользовался, да и вообще, скорее всего, никогда его и не добивался.

Айстульф потерпел поражение и согласно заключенному договору вернул римлянам все захваченные земли; то есть все земли Равеннского экзархата плюс *наследственные имения* в Нарни и Чеккано. Как только византийский император в 756 г. узнал об этом, то есть о том, что императорские земли передаются фактически в распоряжение папы римского, он потребовал, чтобы Пипин немедленно вернул Византии все земли Равеннского экзархата и саму Равенну. Пипин категорически отказался, несмотря на огромные отступные, которые предлагал ему византийский император. То, что сделал Пипин, он сделал именем св. Петра, и ничто не могло заставить его пойти на святотатство и нарушить эту клятву. Однако, когда послы Византии делали ему это предложение, между лангобардами и франками вновь вспыхнула война, поскольку Айстульф нарушил все достигнутые договоренности и вновь приступил к захватам итальянской территории; ему удалось даже в январе 756 г. осадить Рим. Во второй раз Пипин блокировал его в Павии, и во второй раз лангобарды запросили мира. Вновь они вернули захваченные территории, а Пипин передал их папе. С тех пор папа стал хозяином Рима и прилегавшей к нему области, которую впоследствии называли Папской областью. Однако папа по-прежнему признавал, что формальный суверенитет над этой территорией принадлежит византийскому императору.

Характерно, что Пипин ни разу не вошел в Рим во время обоих походов против лангобардов. И вообще после них он никогда не ступал на землю Италии, хотя преемник Айстульфа Дидье, ставший королем лангобардов не без участия Пипина, продолжал создавать ему некоторые проблемы и беспокойства. Дидье обещал вернуть папе римскому ряд территорий, захваченных Лиутпрандом, но вернул лишь часть.

Сменивший Стефана II на папском престоле Павел I (он был папой с 757 по 767 г.) протестовал против дей-

ствий Дидье, но безрезультатно. Похоже, сложившейся ситуацией поспешил воспользоваться император Византии. Его посол Георгий, уже ведший переговоры с Пипином в 756 г., прибыл в 758 г. в Неаполь и обсудил с Дидье план создания коалиции с целью вернуть контроль над Римом и Равенной. Затем Георгий направился ко двору Пипина, но результата не добился; Пипин остался верен папе и данному слову. В 760 г. в Риме были распущены слухи, что Византия направляет флотилию из 300 кораблей против Италии и Франкии. Безусловно, запустив эти слухи, папа рассчитывал побудить Пипина прийти с войсками в Италию; позже папа говорил о том, что «нечестивые греки» плетут козни интриги против Равенны, стремясь захватить ее, а противостоять этим еретикам может только «истинно православный государь» Пипин¹.

Папа был в курсе, что византийский император по-прежнему ведет переговоры с Пипином. В 762 г. послы от Пипина и от папы вместе отправились в Константинополь. Было очевидным, что византийский император ищет *сближения и примирения* с обоими. Около 765 г. византийский император направил к Пипину своего помощника и советника по религиозным вопросам Анти и евнуха Синезия обсудить вопрос об отношении к иконам, а также помолвку дочери Пипина Гислы с сыном византийского императора. Другое серьезное обсуждение вопросов, связанных с отношением к образам, было проведено в 767 г. в Жентилли.

Но Пипин оставался непреклонным и во всем действовал по согласованию с папой. Что касается спора

¹ Папа писал Пипину: «Да хранит и благословит Господь Ваше царствование, Вас, могучего, храброго и мужественного государя, ибо на Вас и потомков Ваших смотрим мы с надеждой и упованием, и это дает нам уверенность как сегодня, так и завтра». Далее папа, характеризуя Пипина, перефразирует текст Писания: «Муж праведный, поступающий по заповедям непреложно и непорочно, хранимый Господом государь и защитник христиан Пипин из благочестивого царствующего семейства Пипинов, ведомый перстом Божиим и апостолами его, тотчас откликающийся на глас вопиющих к нему о помощи и защите».

папы с Дидье, то Пипин решил этот вопрос в 763 г.; с одной стороны, Дидье возвращал то, что должен, и не делал больше никаких попыток что-либо оспорить или присвоить, а с другой — папа отказывался от территориальных претензий на то, что оставалось у Дидье, а также от своих намерений объявить протекторат над герцогствами Сполето и Беневенто, то есть от попыток фактически взять их под свой контроль. Короче говоря, благодаря Пипину папа почувствовал себя в безопасности от всех врагов и недругов, а христианская вера оказалась под надежной защитой. Но папа также понимал, что отныне он может полагаться только на защиту Пипина, и никого более.

Правление Карла Великого во всех смыслах слова было продолжением того, что делал Пипин. Он унаследовал от отца его политику в Италии, то есть политику в отношении лангобардов и Рима. Он взошел на престол 16 октября 768 г., имея статус патриция, как и его брат Карломан. И только после смерти Карломана в декабре 771 г. Карл получил возможность действовать и предпринимать то, что он считал нужным и необходимым.

Король лангобардов Дидье по-прежнему лелеял и вынашивал честолюбивые планы стать властелином всей Италии. В январе 773 г. папа римский Адриан обратился к Карлу Великому с просьбой о помощи в защите от Дидье. Карл Великий немедленно откликнулся на эту просьбу и двинулся с войсками в Италию. Пока его армия осаждала Павию, где был блокирован Дидье, Карл Великий направился в Рим, чтобы принять участие в ежегодном праздновании Пасхи в 774 г. Он предстал на этом празднике как великий благодетель церкви и Святого престола — будущего Ватикана. Он не только подтвердил, но и значительно преумножил дары, сделанные его отцом папе римскому: под контроль папы передавались теперь герцогства Сполето и Беневенто, а также Венеция и Истрия. Затем Карл Великий вернулся в Павию, которую Дидье сдал в июне 774 г., и провозгласил

себя королем лангобардов, чтобы окончательно решить таким образом лангобардский вопрос.

До этого титул Карла полностью звучал так (точнее сказать, он соглашался, чтобы его называли так): *славный муж Карл, Божьей милостью повелитель франков*. А теперь так: *повелитель франков и лангобардов, а также патриций римский*.

Из этого нового титула можно сделать вывод, что для Карла, хоть это и было совсем не то, чего добивался папа, титул короля лангобардов был гораздо важнее статуса римского патриция; последний имел для него откровенно второстепенное значение. Король франков стал повелителем Италии. Его власть и его держава, берущие начало в основанной на германских традициях Австразии, распространились вплоть до берегов Средиземного моря. Но Карл не обосновался в Риме, как не стал ни он, ни его держава частью средиземноморской цивилизации. Он не стал средиземноморцем потому, что остался северянином — там были его корни и родная среда обитания. С тех пор Италия и папство втянулись в его орбиту и тяготели к северу вместе с ним и ядром его державы. Карл предоставил Лангобардскому королевству некоторую автономию, но направил туда графов округов из франков, которые были своего рода наместниками. Что же касается земельных владений, то многие земли были предоставлены в распоряжение франкской церкви, в частности были присоединены к крупным епархиям Франкии.

Что касается папы, то он пытался относиться к этому патрицию, который, в конце концов, получил власть в Кверси именно из рук Стефана II, просто как к защитнику папства. Однако именно здесь было заложено коренное противоречие, носящее судьбоносный характер. Прежде всего, защитник всегда охотно становится хозяином того, кого защищает. Пипин такой линии не придерживался и к этому не стремился; он согласовывал свою политику с политикой папы, сохраняя верность данному слову. Карл не был связан ничем подобным, и

именно ему предстояло стать хозяином того, что он защищал. Тот факт, что он принял статус патриция лишь после того, как покорил Лангобардское королевство, говорит о том, что он рассматривал этот статус как свой военный трофей; это его добыча, которой он сам и добился. Что же касается папы, который начиная с 772 г. уже не датировал свои послания — папские буллы, — отталкиваясь от времени восхождения на престол византийского императора, а с 781 г. датировал их, основываясь на восхождении на папский престол папы римского, то он явно стремился к расширению своего влияния и своей власти. Однако он столкнулся с сопротивлением этому со стороны лангобардского принца, стоявшего во главе Беневенто, и патриция Сицилии, который управлял Сицилией, Калабрией и герцогством Неапольским от имени византийского императора, или, по крайней мере, делал вид, что управляет от его имени.

Карл не собирался уступать папе Италию. Он был королем лангобардским и хотел стать владыкой всего Апеннинского полуострова. Так, когда он побывал в Риме во второй раз, а это было в 780 г. на Пасху, то вновь вернулся к своему заявлению, сделанному тогда, когда он еще не покорил лангобардов, и не позволил папе установить контроль над Сполето; герцог, возглавлявший это герцогство, признал власть Карла.

С другой стороны, Византийская империя, где после смерти Льва IV императрица Ирина отказалась от иконоборчества, предлагала Карлу *сближение и примирение*. В 781 г. из Константинополя прибыло посольство просить у Карла от имени молодого императора руки его дочери Ротруды; в результате было объявлено об их помолвке. Очевидно, что это был совсем неподходящий момент для ссоры с византийским императором, поэтому Карл не мог поддерживать действия папы, направленные на приобретение территорий, которые находились под контролем Византии.

В конце 786 г. Карл Великий вновь прибыл в Рим; его вынудили приехать сюда заговорщические интриги

герцога Беневенто, которого Карлу надлежало привести к повиновению. Однако практически сразу после того, как Карл покинул Рим, герцог Арихис заключил тайный договор с Византией, согласно которому он должен был получить статус патриция и представителя Византийской империи во всей Италии и даже в Риме. Таким образом, Карл и папа неожиданно столкнулись с угрозой нападения со стороны Византии. В результате столкновения, произошедшего в 788 г., Карл укрепил свои позиции в Беневенто, а на севере завоевал Истрию. Тем не менее Карлу так и не удалось установить полный контроль над Беневенто, несмотря на целый ряд усилий; его походы против герцога Беневенто, предпринятые в 791, 792—793, 800, 801—802 гг., закончились неудачно.

Карл Великий защищал и охранял папу именем св. Петра, но, в отличие от Пипина, не допустил того, чтобы стать в положение его подданного. Он даже позволял себе вмешиваться в вопросы, связанные с вероисповеданием. Так, когда Никейский собор, созданный в 787 г., осудил иконоборчество, что означало примирение между Римом и Константинополем в области вероисповедания, Карл отказался признать решения собора. Он организовал выпуск ряда трактатов, составленных богословами и носивших название «Каролингские книги», а также направил в Рим посла, который передал папе римскому документ, адресованный лично ему, содержащий 85 возражений Карла на решения Никейского собора. Наконец, в 794 г. он собрал во Франкфурте собор, на который съехались епископы западных районов бывшей Римской империи, не считая Италии, которые отвергли некоторые выводы, сделанные Никейским собором, и осудили тех, кто молится и проводит богослужения перед образами.

В 796 г. после смерти папы Адриана Карл написал его преемнику Льву III, что он является «повелителем и отцом, королем и священником, правителем и наставником всех христиан». И он очень точно очертил, и папа

должен был этому следовать, какие вопросы относятся к компетенции светской власти в лице Карла, а какие — к компетенции духовной власти в лице папы¹.

Тем временем преемник Адриана на папском престоле Лев III направил Карлу Великому штандарт города Рима и ввел новую систему датирования папских булл, которые теперь датировались отталкиваясь от даты восхождения Карла на королевский престол «во благо и для сохранения Италии».

Совершенно очевидно, что Карл более не считал себя римским патрицием. Он действовал как защитник христианства и считал себя именно таковым. В рассматриваемый период он триумфально завершил походы против саксов и лангобардов, а также покорил аваров, а тех из них, кто не захотел подчиниться его власти, выдворил за Тису (это произошло в 796 г.). В годы расцвета своей власти у Карла были все основания носить титул защитника христианства. Если не считать мелких принцев-царьков, правивших на небольших участках территории Англии и Испании, Карл был единственным монархом на Западе. Он был более могуществен, чем любой король в истории, и, хотя остатки былого величия и влияния Византии еще встречались на территории бывшей Римской империи, ничего подобного не было ни на севере, ни в англосаксонской и германской среде, в которой жил Карл. Поэтому у папы Адриана были все основания при обращении к Карлу величать его императором².

¹ «Нам надлежит, выполняя волю Божию, охранять и оберегать благочестивых, праведных, добропорядочных христиан от любых нападений и набегов извне со стороны армий язычников и неверных, сеющих смерть и разрушения, а также укреплять и оберегать изнутри общую веру, добросовестность и благочестие. Вам надлежит, наисвятейший отец, просить Господа нашего и Моисея даровать нам успех в военных делах, славные победы над врагами и богатую добычу, славить Господа нашего Иисуса Христа и благодарить его, что не оставляет он и оберегает словом и делом христианский народ наш и сирот наших».

² «Вы, властвующий император, украшающий мир своим императорским правлением».

Что касается Рима, то, хотя папа и признавал власть византийского императора, фактически он более не являлся его подданным. И разве не было неизбежно, чтобы ему пришла в голову мысль, коль скоро он признавал власть и авторитет короля франков, воссоздать в интересах Карла и на основе его власти ту империю, которой с V в. на Западе больше не существовало? Но он, конечно, хотел не просто восстановить власть императора *в западных провинциях* и передать ее, так сказать, преемнику последнего императора Западной Римской империи Ромула Августа. Сделать так означало вернуть императора в Рим, и папа оказался бы тогда в его власти. Но папа как раз хотел оставаться независимым от императорской власти. Это ясно видно из мозаичной картины, выложенной на стене *триклия* (трапезная) папской резиденции, на которой изображено, как св. Петр вручает папскую мантию Льву III, а Карлу — королевский штандарт. Папа хотел, чтобы в восстановленной империи Рим был городом св. Петра, а не резиденцией императора; чтобы Рим был столицей и главой церкви, воином которой считал себя Карл. Разве, обращаясь ко Льву III, Карл не называл народ, над которым он властвует, *христианским народом*?

Карл, конечно, сам мог произвести себя в императорское достоинство, либо же это могла сделать церковь его государства на заседании своего синода. Но он получил бы несравненно большее признание и уважение в христианском мире и приобрел бы высший авторитет в глазах христиан, если бы императорский венец на его голову был возложен по инициативе самого папы римского! В этом случае исчезло бы несоответствие между его статусом *патриция* и той реальной властью, которой он располагал. Он стал бы военным представителем св. Петра, его воином, как папа был его религиозным представителем, его апостолом и земным пастырем. Они тогда вместе, рука об руку, служили бы в рамках единого целого, в рамках воплощенной на земле церкви св. Петра.

К 800 г. Карл Великий захватил земли саксов и баваров, полностью подавил сопротивление аваров и совершил поход в Испанию. Почти весь христианский мир Запада был теперь в его руках.

И наконец, 25 декабря 800 г. папа возложил на голову Карла императорскую корону, благословив, таким образом, эту новую христианскую империю. Карл Великий получил свой новый титул в традициях Византии; в ходе церемонии Карл «был зван на царство и встречен шумными приветствиями и одобрениями». Затем папа возложил на голову Карла корону и поклонился ему, выразив благоговение и почтение¹.

Вступление Карла на императорский престол формально выглядело вполне законным и соответствовало законодательным нормам и традициям того времени. Как и в Византии, народ призвал его на царство. Однако на самом деле была существенная разница между восхождением на престол византийского императора и аналогичным восхождением Карла. Ведь на самом деле призвавшие его на царствование римляне, в отличие от жителей Константинополя, не были представителями империи; они были всего лишь жителями города, где новоизбранный император был патрицием. Их призыв на царство не накладывал абсолютно никаких обязательств на других подданных Карла от Эльбы до Пиренеев. Да и вообще весь этот призыв на царство был всего лишь хорошо организованным театрализованным представлением. На самом деле единственным действительно законным главой был глава церкви папа римский, и, таким образом, именно церковь вручила Карлу империю и титул императора, назначив его защитником церкви и веры. В отличие от прежних римских императоров для Карла императорский титул не имел никакого значения с точки зрения светской вла-

¹ Хартман не согласен с Эгингардом, считающим, что Карл был удивлен вышеупомянутой инициативой Льва III. По его мнению, вся процедура провозглашения Карла императором была в деталях согласована заранее.

сти. Вступление Карла на императорский престол не сопровождалось созданием каких-либо имперских органов, учреждений или институтов. Но посредством этого своеобразного *государственного переворота* патриций, защищавший Рим, превратился в императора, защищающего церковь.

Возложенная на него власть делала Карла не просто императором, но *единственным* императором. Не могло быть двух императоров, как не могло быть двух пап. В понимании папы Карл был императором церкви, римской церкви, которую папа считал всемирной, вселенской церковью¹.

Его титул звучал так: «Наисветлейший, наисчастливейший, увенчанный Богом, священный, могучий император миротворящий». Обратите внимание, что он не взял титулов, которые носили римские императоры: «император римский» или «вечно властвующий». К упомянутому титулу он добавил лишь фразу «высший повелитель римлян», которая звучала достаточно туманно и неопределенно, а реальное положение дел было отражено в титулах «правитель франков и лангобардов». В своих буллах папа писал: «Владыка и повелитель наш Карл, увенчанный Богом и отмеченный вечной благодатью, благочестивый и могучий император миротворящий»².

Центр реальной власти этого защитника церкви, святого и благочестивого императора, находился не в Риме, где он принял императорскую власть, а на севере Европы. Древняя средиземноморская империя, естественно,

¹ То, что Карл считался главой христианского мира, нашло дальнейшее отражение при чеканке монет, на которых была сделана надпись: «христианская вера». Эти монеты, как отмечает ряд исследователей, в частности Пру, были отчеканены после коронации Карла. На них изображен бюст императора, голова его повернута вправо, и имеется надпись: «Божьей милостью властвующий великий император Карл, повелитель франков и лангобардов». Голову Карла украшает классический лавровый венок, а плечи покрыты *палудamentумом* (пурпурный плащ римских полководцев), который носили императоры ранней Римской империи.

² К Юстиниану папа обращался следующим образом: «Наш повелитель и владыка, вечно царствующий несравненный Юстиниан».

группировалась вокруг Рима, который был ее центром. Новая империя группировалась вокруг Австразии, бывшей ее центром и ядром. Император Византии беспомощно наблюдал за тем, как на престол восходит новый император. Все, что он мог сделать, — это отказаться признать Карла императором. Но 13 января 812 г. оба императора заключили между собой мир. Император Византии признал новое положение вещей. Карл уступил Византии Венецию и Южную Италию, которую он признал частью Византийской империи. В целом политика Карла в Италии провалилась: его государство так и не стало средиземноморской державой.

Ничто лучше не демонстрирует нам коренные, глубокие изменения, произошедшие в том порядке, который существовал в Средиземноморье веками. Возникновение империи Карла Великого было критической точкой в процессе разрушения и слома бывших европейских порядков и прежнего расклада политических сил в Европе, вызванного вторжением арабов-магометан. Карлу Великому удалось создать свою империю потому, что, с одной стороны, отделение Востока от Запада значительно уменьшило власть и влияние папы в Западной Европе, а с другой — ввиду того, что захват арабами Испании и Африки сделал короля франков хозяином христианского Запада.

Поэтому совершенно справедливо утверждение, что без Мухаммеда не было бы и Карла Великого.

В VII в. Римская империя фактически стала империей Востока: государство Карла Великого было империей Запада.

В реальной жизни обе империи игнорировали друг друга¹.

И волею судеб центр этой новой империи находился на севере, куда и переместился новый центр тяжести Европы. Создание Франкского королевства — это было

¹ Коронация Карла и его возведение в императорское достоинство никоим образом не могут быть объяснены тем, что в то время в Константинополе императорский престол занимала женщина.

на самом деле австразийско-германское Франкское королевство — ознаменовало начало эпохи Средневековья. После периода, когда средиземноморское единство еще сохранялось, продолжавшегося с V по VIII в., произошло окончательное разрушение последнего, в результате чего ось мира сместилась¹.

Свою роль в истории начал играть германизм. До этого римская традиция была непрерывной. Теперь начинала формироваться новая своеобразная цивилизация — римско-германская.

Империя Каролингов, а точнее сказать, империя Карла Великого определила форму развития эпохи Средневековья. Государство, лежавшее в основе империи Карла, оказалось слабым и вскоре распалось. Но империя как высшая форма объединения западного христианского мира выжила и сохранилась.

Глава 3

НАЧАЛО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

1. Общественный строй и экономическое устройство общества

Согласно весьма распространенной, можно сказать, общепринятой точке зрения время правления Карла Великого рассматривается как период экономического возрождения. Некоторые зашли так далеко, что утверждают даже, что имело место возрождение не только в экономической сфере, но также и в области письменного творчества. Подобная точка зрения является откровенно ошибочной, и вызвана эта ошибка не только преклонением перед именем великого императора, но также

¹ Об этом совершенно недвусмысленно пишет Хартман: «Произошла перегруппировка христианских народов в географическом и экономическом, политическом и культурном смысле, что наложило своеобразный отпечаток на начинавшуюся эпоху Средневековья». Об этом же пишет и Доусон: «Мы должны считать окончанием последней фазы древней средиземноморской цивилизации не V, а VII в., век, когда закончилась христианская империя и началась эпоха Средневековья».

и тем, что на проблему смотрят, так сказать, под неверным углом зрения.

Историки всегда сравнивают время правления Карла Великого с последним периодом эпохи Меровингов; действительно, в этом случае нетрудно обнаружить возрождение. В Галлии на смену разгулу анархии пришел порядок; в покоренной и христианизированной Германии общественный прогресс был также налицо. Но если мы хотим прийти к действительно правильным выводам, то должны сравнивать эпоху Каролингов со всей предыдущей эпохой, а не с какой-то ее частью. В этом случае мы увидим, что в предшествующую эпоху наблюдаются два совершенно отличных друг от друга вида хозяйственной жизни, преобладавшие в различные ее периоды.

До VIII в. экономика Средиземноморья была продолжением той хозяйственной жизни, которая здесь существовала со времен ранней Античности. После VIII в. произошел полный разрыв с прежней хозяйственной традицией, и экономика стала совершенно иной. Море было закрыто. Торговля исчезла. Мы видим империю, все богатство и благосостояние которой связаны исключительно с землей, а торговля и оборот товаров сведены к минимуму. Мы не только не наблюдаем никакого прогресса, но, наоборот, видим явный регресс. Самые экономически развитые районы Галлии, где экономическая жизнь была наиболее активна, буквально била ключом и развивалась ускоренными темпами, теперь стали самыми бедными и отсталыми. Южная Галлия была наиболее бурно и успешно развивавшейся частью страны; теперь же определяющее значение для всей хозяйственной жизни играл север Галлии.

Однако в этой «антиторговой», основанной на натуральном хозяйстве цивилизации имелось одно исключение, не соответствующее всему тому, что было сказано выше.

Неоспоримым фактом является то, что в первой половине IX в. на севере империи Карла Великого — там,

где сейчас расположены Бельгия, Нидерланды и Люксембург, — сформировался очень активно действовавший и развивавшийся центр торгового судоходства, который ярко контрастировал с прозябавшими в упадке и застое другими районами империи.

Ничего нового и необычного в этом, правда, не было. Еще во времена Римской империи из этого района, где сливаются воды Шельды, Мааса и Рейна, осуществлялась морская торговля с Британией. Отсюда вывозили зерно для римских гарнизонов на Рейне, а сюда ввозили специи и другие товары, поставлявшиеся по Средиземному морю и связанным с ним торговым путям. Однако эта торговля была лишь составной частью торговли, которая велась через Тирренское море. Торговля этого района была составной частью всей торговли Римской империи, а сам этот район — ее крайней северной оконечностью на континенте. Сохранившаяся статуя богини Негалении, считавшейся у кельтов покровительницей торговли, и сегодня напоминает о тех важных торговых маршрутах, которые здесь проходили. Торговые суда доходили до устьев Эльбы и Везера. Позднее, во времена германских вторжений в III в., возникла необходимость создания военного флота для защиты от нападений саксов. Главным портом, где встречались морские и речные суда, был Фехте (Вехт), располагавшийся близ нынешнего Утрехта.

Торговое судоходство серьезно пострадало из-за вторжений германцев в V в. и завоевания Британии саксами. Однако впоследствии оно восстановилось, а в эпоху Меровингов получило дальнейшее развитие. Вполне вероятно, что в VIII в. торговые суда из этого района достигали Скандинавии. Место Фехте заняли новые порты: Дуурстед, расположенный на Рейне, и Кентавик на Канше (на севере Галлии). В Кентавике обнаружено множество монет, отчеканенных в эпоху Меровингов; их также немало найдено в Маастрихте; в этих упомянутых городах их найдено гораздо больше, чем в Кельне, Камбре и др. Также обнаружены монеты

в Антверпене; очень большое количество монет того времени найдено в Юи, Динане (бельгийском) и Намюре. Наконец, множество монет было отчеканено в Дуурстеде, во Фризии.

Почему же эта торговля, процветавшая в северных провинциях, исчезла в эпоху Каролингов? Ведь морские торговые пути вдоль северного побережья были по-прежнему свободны. Более того, производство одежды во Фландрии, стимулирующее торговлю еще со времен Римской империи, не исчезло, а сохранилось. Появились и новые факторы, способствовавшие развитию и расширению торговли: во-первых, то, что императорский двор располагался в Экс-ла-Шапель, практически на побережье Ла-Манша, а во-вторых, усмирение Фризии и включение ее в состав империи. Нам известно, что небольшие торговые суда (ладьи) фризов активно ходили по всем рекам данного региона и бассейну верхнего Рейна вплоть до вторжения норманнов, имевшего катастрофические последствия для жителей этого района¹.

Золотые монеты были обнаружены во Фризии. Наконец, все главные поставщики сборов от торговых пошлин в эпоху Каролингов — Руан, Кентавик, Амьен, Маастрихт, Дуурстед и Пон-Сен-Максанс — были расположены на севере Галлии².

¹ Как отмечает Пру, во время правления Карла Великого, Луи Благочестивого и Лотаря I в Дуурстеде было отчеканено множество монет. Серебряные денарии найдены также в Маастрихте, Визе, Динане (бельгийском), Юи, Намюре, Камбре, Вердене (здесь их обнаружено очень много), Арденбурге, Брюгге, Ганде, Касселе, Куртре, Туре, Кентавике (здесь их найдено очень много), Турне, Валансьене, Арасе, Амьене, Корби и Перонне.

² Ф. Веркотерен приводит следующее описание королевского подданного Гервольда, данное в 790 г.: «Это был всемогущий посланник императора, который в течение многих лет был уполномочен заведовать доходами императора в провинции; он много сделал для развития портов, гаваней, пристаней и торговых складов и был распорядителем налогов, пошлин, сборов, податей, а также добровольных даров и подношений, собирая их в большом количестве, а больше всего — в Кентавике». В 830 г. Луи Благочестивый освободил церковь Страсбурга от уплаты торговой пошлины на всей территории королевства, за исключением Кентавика, Дуурстеда и Клузе.

Торговля, таким образом, активно развивалась на северо-восточных окраинах империи; похоже, что она велась теперь даже интенсивнее, чем прежде.

Однако эта торговля была ориентирована на северное направление и больше уже не имела никаких связей со Средиземноморьем. Похоже, в ее орбиту помимо бассейна рек, расположенных на территории нынешних Бельгии, Нидерландов и Люксембурга, входили Британия и северные моря. В этом мы видим наглядное подтверждение того факта, что Средиземное море было закрыто для торгового судоходства. На этих северных торговых путях фризы играли такую же роль, как сирийцы в средиземноморской торговле.

Торговля от Амьена и Кентавика велась вглубь от прибрежных районов и достигала пределов Бургундии; но дальше не шла¹.

Судя по всему, торговля, ведшаяся из Турне, имела в IX в. весьма большое значение.

Впрочем, во второй половине IX в. этой торговле положили конец вторжения норманнов².

Однако до этого торговля здесь развивалась чрезвычайно активно и содействовала существенному подъему всей хозяйственной жизни в регионе. Объем этой торговли в значительной степени зависел от скандинавских торговцев, которые в IX в. поставляли французские вина в Ирландию. Скандинавы установили торговые отношения с арабами-магометанами, действуя по маршрутам, шедшим через Русь, и это давало их торговым операциям на северном направлении мощную подпитку как деньгами, так и товарами. В IX в. активно действовали скандинавские торговые

¹ М. Веркотерен приводит данные о том, что в сокровищнице Амьена имелись монеты, отчеканенные в районах, расположенных к югу от Луары, и что 90% всех монет были отчеканены в районах между Мезом и Сеной.

² Буге явно преувеличивает реальный объем торговли норманнов с франками.

порты на Балтике; точнее было бы назвать их *пунктами перевалки грузов*¹.

Благодаря археологам мы знаем, что торговля из Хедебю значительно расширилась за период с 850 по 1000 г.; она велась с Византией и Багдадом, районами, расположенными вдоль течения Рейна, а также с Англией и Северной Францией.

Цивилизация викингов достигла очень высокого уровня развития в IX в., о чем можно судить по погребальным принадлежностям, обнаруженным на судне, шедшем из Осеберга, которые сейчас выставлены в музее в Осло. Самые старые арабские *дирхемы*, обнаруженные в Скандинавии, датируются концом VII в. (698). Но наибольшего влияния викинги достигли в конце IX — середине X в.; именно тогда размах их деятельности был максимальным. В шведском городе Бирка обнаружены предметы арабского происхождения; также найдены предметы, выполненные в Дуurstеде и во Фризии. В IX в. скандинавские торговцы из Бирки вывозили на экспортную продажу вино из Дуurstеда².

Монеты, отчеканенные в Бирке в IX и X вв., обнаружены в Норвегии, Шлезвиге, Померании и Дании. Денарии «под Бирку» чеканились в Дуurstеде во время правления Карла Великого и Луи Благочестивого.

В империи Каролингов имелось два наиболее экономически развитых района, две, так сказать, точки экономического роста, которые были столь важны, столь и чувствительны к перемене обстановки как в положительную, так и в отрицательную сторону. Речь идет о Северной Италии, чье благосостояние и экономический рост основывались на торговле, которую вела Венеция, а также о территории нынешних стран Бенилюкса, где вели торговые операции фризские и скан-

¹ В 808—809 гг. король Дании уничтожил порт Рерик, чтобы заставить торговцев перебраться в Хедебю, поскольку это облегчало взимание с них торговой пошлины.

² Месту и роли Бирки в развитии торговли того времени посвящено специальное исследование Ватца.

динавские купцы. Именно в этих районах мы наблюдаем хозяйственное возрождение в начале XI в. Правда, этому возрождению не суждено было продлиться на протяжении всего XI столетия: северная точка была уничтожена норманнами, а южная нарушена арабами-магометанами и внутренними беспорядками, потрясениями и междоусобицей в Италии.

Нет нужды ломиться в открытую дверь и доказывать то значение и влияние, которым обладали скандинавы начиная с конца VIII в. Они захватили Фризию и обложили данью все территории, расположенные в долинах протекавших здесь рек, предложив фактически «откупиться от оккупации», то есть купить свою независимость, — совсем как делали в то же самое время арабы-магометане в Средиземноморье. Однако в отличие от Средиземноморья здесь не было своих Византии, Венеции и Амальфи, которые могли бы защитить от захватчиков. Викинги сокрушили всех на своем пути и остановились, лишь когда сами решили возобновить мирные переговоры.

В 834 г. норманны впервые напали на Дуурстед и сожгли часть города¹.

В последующие три года город ежегодно подвергался нападению. Именно с этого времени наблюдается период упадка как самого города, так и всей Фризии, хотя некоторые проявления экономической активности сохранились до конца IX в.

В 842 г. настала очередь Кентавика подвергнуться нападению, а в 844 г. город стал жертвой ужасного разграбления, от которого он так и не оправился. Семьдесят лет спустя, когда нашествия норманнов прекратились, торговля переместилась из Кентавика в расположенный неподалеку Этаплъ, который и заменил его в качестве торгового центра.

Процветающая торговля, экспортными портами которой были Дуурстед и Кентавик, коренным образом

¹ По мнению Холверды, Дуурстед, судя по всему, прекратил свое существование в 864 г.

отличалась от торговли скандинавов. Последняя неуклонно развивалась и подпитывалась благодаря постоянным контактам с миром Востока, которые осуществлялись через Византию, в то время как фризы, игравшие ключевую роль в северной торговле, не имели никаких контактов с Южной Галлией и Средиземноморьем. Эта торговля замыкалась исключительно на северном направлении. И в этом ее коренное отличие от торговли в Галлии в эпоху Меровингов, когда вместе со средиземноморской цивилизацией повсюду распространялись вино, пряности, шелк, а также другие товары с Востока.

В империи Каролингов больше не было таких центров торговли, как Кентавик и Дуурстед.

Можно считать, что определенное значение в плане развития торговли играл Нант, который был сожжен в 843 г. Небольшие торговые суда из Нанта осуществляли торговые перевозки в районе Луары, однако нельзя однозначно утверждать, что факт взимания торговой пошлины является достаточным доказательством существования полномасштабной транзитной торговли и транзитных перевозок¹.

Конечно, из работ Теодольфа, Эрмольда, Нигелла, из житий святых, из поэтических произведений того времени, не говоря уже о знаменитом монахе из Сент-Голл, нетрудно почерпнуть обрывочные сведения и упоминания о торговле и торговцах. И конечно, из этих обрывочных сведений можно сложить единую целостную картину, но она будет лишь игрой богатого воображения. Достаточно сказать поэту или человеку творческого склада, что на реке стоят лодки, как в ответ мы тут же получим утверждение, что существовало хорошо развитое, крупномасштабное торговое судоходство.

¹ Хорошей иллюстрацией этого является пример, приводимый в своем исследовании Вогелем. В 856 г. герцог Бретани Эриспоэ отдал епископу торговую пошлину, собранную с небольших торговых судов (баркасов или барок), стоявших в Нанте. В это же время вся городская торговля была практически уничтожена норманнами.

А присутствие нескольких паломников в Иерусалиме или какого-то художника либо ученого при дворе Каролингов будет достаточным основанием для утверждения о наличии постоянного судоходства и контактов по морю между Западом и Востоком.

Некоторые исследователи зашли столь далеко, что предложили включить морскую торговлю Венеции и городов Южной Италии, относящихся к сфере экономики Византии, в сферу экономики империи Каролингов.

И что из того, что было обнаружено несколько золотых монет и кусков золота, выделанных в IX в.? Ведь дело не в том, чтобы обнаружить какие-то отдельные подтверждения существования торговли и торгового обмена или ссылки на их существование, поскольку торговля и обмен товаров существовали во все времена. Важно понять, какова была реальная роль этой торговли и этого товарообмена и какой характер они носили. Для того чтобы понять сущность экономических явлений, надлежит располагать всесторонней информацией, а не отрывочными данными о каких-то отдельных и случайных проявлениях, которые, возможно, были исключением, а не правилом. На основе анализа именно всеобъемлющей и всесторонней информации надлежит делать серьезные выводы. Наличие отдельных корабейников или торговцев-лодочников еще не говорит о серьезном развитии товарообмена. Если же мы, опираясь на все известные факты, прямо скажем о том, что в эпоху Каролингов прекратилось производство золотых слитков и чеканка золотых монет, что ссужение денег под процент было запрещено, что более не существовало класса профессиональных торговцев, что товары с Востока (папирус, специи, благовония, шелк) более не ввозились, что оборот денег был сведен к минимуму, что организованной системы сбора налогов более не существовало и что города превратились в обыкновенные крепости, то мы обязаны сделать вывод о цивилизации, которая опустилась на сугубо сельскохозяйственный уровень и которой более не были нуж-

ны торговля, кредит, регулярный обмен товаров и денежный оборот для обеспечения существования общества, для поддержания прочности и надежности общественной ткани.

Как мы уже видели, подобное превращение произошло в значительной степени оттого, что Западное Средиземноморье было закрыто для нормальных и регулярных контактов арабами-магометанами. Каролинги сумели остановить продвижение арабов на север; но они не могли вновь открыть Средиземное море для нормального сообщения и судоходства; они были просто не в состоянии сделать это, а потому и не пытались.

Каролинги заняли сугубо оборонительную позицию по отношению к арабам-магометанам. Первые правители этой династии и даже сам Карл Мартелл лишь усилили хаос и неразбериху в королевстве, поставив это королевство, подвергавшееся нападениям со всех сторон, в положение круговой обороны. При Карле Мартелле все было безапелляционно подчинено необходимости противостоять военной угрозе, все решительно и безжалостно изымалось на военные нужды. Церковь была полностью разграблена и опустошена. Все было охвачено хаосом, вызванным повсеместной заменой римских аристократов и сторонников Эброина и герцога Аквитании Эда германскими вассалами. Складывается впечатление, что во время правления Карла Мартелла общество было охвачено такими же потрясениями, как и во времена вторжений германцев. Мы не должны забывать, что Карл разграбил и сжег города, расположенные на юге Галлии, уничтожив таким образом остатки торговли и городского управления и самоуправления, которые там еще существовали. Был нанесен сильнейший удар по церкви и ее общественно полезной деятельности; а ведь именно от ее благотворительности зависели больницы и школы; в результате школы перестали заниматься обучением, что привело к росту неграмотности.

Когда Пипин сменил на престоле своего отца, в стране, судя по всему, царила всеобщая неграмотность: неграмотной была вся аристократия, а соответственно и весь простой народ, неграмотным был и сам Пипин. Никаких объединений торговцев не существовало; торговцы в городах рассредоточились и в лучшем случае действовали в одиночку. Духовенство погрязло в варварстве, невежестве и безнравственности, о чем наглядно свидетельствуют письма св. Бонифация. «В это прискорбное время, — пишет Гинкмар (архиепископ Реймский), — из церкви в Реймсе не только было вынесено все ценное, что там имелось, но вдобавок к этому все дома, где жили священнослужители, были разрушены и растащены буквально «по камешку» с позволения епископа. Те несчастные священнослужители, которые остались, были вынуждены добывать средства к существованию с помощью торговли, и те скромные деньги, которые им удавалось заработать, те несколько серебряных монет, которые позволяли им не умереть с голоду, они прятали в церковных книгах, молитвенниках и рукописях».

Если такое творилось в одной из богатейших церквей королевства, то нетрудно себе представить, что происходило в других местах.

Из сообщений Лейдрада (архиепископа Лионского) о положении в Лионе мы можем сделать вывод, что в других местах как раз так все и происходило. Св. Бонифаций получал фимиам и ладан для церковных служб в небольших посылочках, которые присылали ему его друзья из Рима.

Что касается денежного обращения и вообще положения с национальной валютой, то есть, попросту говоря, с имевшимися в наличии деньгами, то здесь царили полная путаница и неразбериха. Золото практически исчезло из обращения. В контрактах, заключенных в VIII в., цены зачастую указывались в пересчете на зерно и скот. Чеканщики монет, бывших в обращении, хорошо нажились на этой ситуации, по-

скольку никаких стандартов веса монет, металлического содержания в них и чистоты металла более не существовало.

Пипин попытался преобразовать существующую денежную систему, правда без особого успеха. Его инициатива в этой области, состоявшая из двух основных пунктов, представляла собой полный разрыв с той денежной системой, которая была распространена в Средиземноморье и действовала в эпоху Меровингов. Отныне чеканились и имели хождение только серебряные монеты; золотой солид приравнивался к 12 серебряным денариям. Фунт, содержащий 327 г серебра (римский фунт), после реформы Пипина был приравнен к 22 золотым солидам, или 264 серебряным денариям; при Карле Великом эта цифра понизилась до 20 золотых солидов и 240 серебряных денариев.

Карл Великий завершил денежную реформу, начатую его отцом и, по сути, является основателем денежной системы Средневековья. Эта система была введена, когда денежное обращение упало до самого низкого уровня, какой когда-либо существовал. Карл Великий приспособил свою систему к периоду, когда оптовая торговля практически исчезла. В эпоху Меровингов, наоборот, золотые монеты активно чеканились и слитки выплавлялись именно вследствие интенсивного развития торговли, которая играла главенствующую и определяющую роль во всей системе хозяйства, и мы можем не сомневаться, что это была поистине эпоха активной торговли, причем имел активное хождение, особенно в Византии, главным образом золотой гиперпер — монета, пришедшая на смену золотому солиду. Новая монета стала важной составной частью византийской торговли; она также утвердилась и в исламском мире у арабов-магометан. Характерно, что и в империи Каролингов кое-где чеканились золотые монеты и выплавлялись золотые слитки, причем это происходило именно там, где была хотя бы более или менее развитая торговая деятельность; в частности, это

касается подножия Пиренеев, где проходили торговые пути из магометанской Испании, а также Фризии, где определенный уровень торговли поддерживался благодаря усилиям скандинавских купцов и торговым связям со Скандинавией.

При Карле Великом также чеканилось некоторое количество золотых солидов в Лангобардском королевстве, пока он не ввел там свою новую денежную систему; это подтверждает, что, как правило, при Карле Великом золотые монеты не чеканились и что хождение золота было для периода его правления исключением, а не правилом. Некоторое количество золотых монет было отчеканено в Юзесе, на юге Галлии; это также произошло в годы правления Карла Великого. Нам также известно, что золотые монеты чеканились и при Луи Благочестивом¹, причем на них была выгравирована надпись «дар Божий». Эти монеты, судя по всему, имели широкое обращение, поскольку их копировали, а проще сказать, подделывали те, кто занимался торговлей на северном направлении, в частности, это, скорее всего, были фризы. Большинство таких монет, образцы которых дошли до нас, были обнаружены во Фризии, однако их также находили и в Норвегии.

«Суммируя сказанное, — пишет Пру, — надо отметить, что, хотя действительно были обнаружены золотые монеты с именами Карла Великого и Луи Благочестивого, выполненные очень качественно, они являются исключением, а не правилом, и мы отнюдь не погрешим против истины, если не будем рассматривать их как составную часть денежной системы Каролингов. В эту си-

¹ При короле Мерсии Оффе (правил с 757 по 796 г.) также чеканились золотые монеты, но они копировались с арабских золотых монет. Золото для их чеканки поступало, безусловно, благодаря торговле со Скандинавией; это же золото использовалось и при чеканке монет во Фризии. В любом случае вышесказанное доказывает необходимость золотой валюты для обеспечения торговых операций на дальние расстояния и подтверждает тот факт, что там, где золотые монеты были заменены серебряными, торговля исчезла; короче говоря, золото — признак наличия торговли, серебро — признак ее отсутствия.

стему входили лишь серебряные монеты, и она, по сути, представляла собой денежную систему, основанную на монометаллизме, то есть на одном металле, коим было серебро». С этим утверждением вполне можно согласиться, поскольку некоторые случайные появления то там, то здесь золотых монет не могут быть основанием для утверждения, что денежная система Каролингов была основана на биметаллизме, то есть одновременно на двух металлах — золоте и серебре¹.

Мы должны помнить, что во времена Каролингов произошел полный разрыв с прежней денежной системой, да и вообще значение и роль денег резко уменьшились. Этот разрыв означал не только прекращение использования золота для чеканки монет, но и отказ от золотого солида как основной монеты всей денежной системы. Далее произошел отказ от римского фунта, который был заменен более тяжелым фунтом, составившим теперь 491 г вместо прежних 327. Фунт был разделен на 240 монет из чистого серебра, которые по-прежнему назывались денариями. Эти денарии, а также

¹ Допш категорически не прав в этом вопросе, и его точка зрения является полностью ошибочной. Согласно современным взглядам, которых придерживается большинство исследователей, серебряные монеты в эпоху Каролингов стали чеканить потому, что не было золота для чеканки золотых монет. Допш пытается доказать, что это не так и что золото в VIII в. было. В качестве доказательства своей точки зрения он приводит следующие факты: Карл Великий и Луи Благочестивый наложили штраф (форма обложения данью) на герцога Беневенто, который тот должен был выплатить золотом; золото было среди военной добычи, захваченной у аваров; золото было завезено в Южную Францию арабами-магометанами из Испании; майордом выдал св. Корбиниану 900 золотых солидов; в Иланце (Швейцария) было найдено несколько золотых слитков; золотые монеты чеканили фриз; для рассматриваемой эпохи была характерна невероятная роскошь, в которой жили высшие слои общества. По мнению Допша, Каролинги пошли на чеканку серебряных монет по той причине, что в стране разразился финансовый кризис и доверие к золотым монетам было серьезно подорвано, в связи с чем и было решено заменить их надежными, твердыми серебряными денариями. Как мне представляется, Допш коренным образом ошибается, сравнивая, а точнее сказать, смешивая реформу Карла Великого с реформой, проведенной в XIII в., когда были введены в обращение денарии увеличенной массы с большим содержанием серебра.

оболы, составлявшие полденария, были единственными реальными деньгами, находившимися в обращении. Однако существовали также и «расчетные» мелкие монеты, которыми расплачивались при покупке, но они были строго привязаны к денарию и являлись лишь цифровым выражением определенного количества денариев. Таковым являлось су, в котором, возможно, по причине двенадцатеричной системы счета и записи, принятой у германцев, было 12 денариев, а также ливр, в котором было 20 су. Очевидно, что эти мелкие монеты не были предназначены для оптовой торговли; они были средством платежа на мелких рынках, о которых так часто упоминается в капитуляриях — сборниках законодательных и административных актов того времени; однако платежи на этих рынках рассчитывались *в денариях*. В капитуляриях никакие другие монеты, кроме серебряных денариев, никогда не упоминаются.

Таким образом, денежная система Карла Великого означала полный разрыв со средиземноморской системой хозяйствования, которая существовала до вторжения арабов-магометан и которая стала теперь неприемлема и больше уже не работала, что наглядно показал финансовый кризис, разразившийся в VIII в. Эта реформа объясняется стремлением смотреть на ситуацию объективно, привести законодательство в соответствие с реальным положением дел и теми условиями, в которых общество оказалось, возможно само того не желая. Карл считал, что для того, чтобы покончить с хаосом и неразберихой и водворить и утвердить порядок, нужно называть вещи своими именами; этим он и руководствовался, осуществляя свою реформу. Новая система серебряного монометаллизма соответствовала тому экономическому упадку, который имел место в то время.

Когда было необходимо делать крупные платежи, использовали золото: это были либо золотые слитки, либо византийские и арабские золотые монеты.

Следует отметить, что запасы денег в то время были очень скудными, а денежное обращение весьма огра-

ниченным. Деньги ходили главным образом на мелких рынках, о которых мы еще расскажем ниже. Нетрудно понять, что деньги играли второстепенную роль в обществе, где больше не собирали пошлины и налоги. К такому же выводу мы приходим, когда убеждаемся в скудости королевской казны, которая была столь полна и играла столь важную роль ранее. Денежные ресурсы, содержащиеся в королевской казне, были поистине ничтожны по сравнению с имевшейся у короля недвижимостью.

Карл Великий ввел новую систему мер и весов, эталоны которых были выставлены во дворце. И в этом вопросе мы видим полный разрыв с античной традицией. Однако уже в 829 г. епископы сообщали Луи Благочестивому, что в разных провинциях использовали свою систему мер. Очевидно, что в этой области, как и во многих других, Карл Великий пытался сделать больше, чем мог; он очень хотел навести порядок в королевстве и часто просто пытался прыгнуть выше головы.

Каролинги восстановили королевский контроль за чеканкой монет. От имени короля за чеканкой следили графы округов и финансовые контролеры, причем король определял, сколько в королевстве должно быть монетных дворов. В 805 г. Каролинги попытались централизовать чеканку монет, ограничив ее Парижем, правда безуспешно. Начиная с правления Луи Благочестивого монеты чеканились чуть ли не во всех городах королевства. Во время правления Карла Лысого графы округов практически узурпировали контроль над монетными дворами, где чеканились деньги, действуя не как королевские представители, а по своему усмотрению. В 827 г. Луи Благочестивый предоставил церкви право чеканки монет, правда, отчеканенные в монастырях монеты были по-прежнему королевскими и на них имелось либо изображение короля, либо указанная королем надпись. В 920 г. некоторые церкви стали чеканить монеты с собственными надписями. Это бы-

ло откровенной узурпацией важной государственной функции и стало следствием того, что король отказался от одной из важнейших своих обязанностей, которую надлежало исполнять именно ему.

Мы можем сказать, что до эпохи Каролингов во всей христианской Европе существовала единая денежная система, созданная по подобию римской. Теперь были две денежные системы; одна существовала в хозяйственной системе Византии, то есть на Востоке, а другая — в экономике Каролингов, на Западе. На чеканке монет сказывался экономический хаос, царивший тогда в Европе. У Каролингов не обнаруживается абсолютно никакой преемственности с Меровингами в области ведения хозяйства. С экономической точки зрения, как, впрочем, и практически во всем остальном, они были столь же не похожи друг на друга, как золото и серебро. Оптовая торговля практически сошла на нет, и это стало причиной исчезновения золота из обращения. Данный вопрос мы рассмотрим более подробно ниже, поскольку по нему ведутся споры.

Является общепризнанным фактом, что упомянутая выше оптовая торговля основывалась на свободном судоходстве в Западном Средиземноморье, которое позволяло поддерживать регулярные и активные контакты между Востоком и Западом. Как мы уже видели, в VIII в. арабы-магометане закрыли Средиземное море для христианского судоходства; это произошло везде, где византийский флот был не в состоянии защитить западноевропейские торговые суда. Ну а захват арабами Прованса в VIII в. и разрушение и сожжение приморских городов Южной Галлии Карлом Мартеллом довершили дело. Да, Пипин сумел отвоевать позиции в прибрежной полосе Лионского залива, восстановив суверенитет своего королевства над городами Ним, Магелон, Агд и Безье; об их сдаче Пипину объявил готский наместник Ансимунд. Но в этих городах находились арабские гарнизоны и, чтобы города фактически освободились из-под власти арабов-магометан, горожа-

нам пришлось взяться за оружие. В конце концов эти вестготские города были очищены от сарацин (следует отметить, что называть арабов-магометан сарацинами неточно; сарацины — это лишь одно из арабских племен; однако во времена средневекового рыцарства и крестоносцев слово «сарацины» стало общим названием арабов-магометан подобно тому, как всех славян когда-то называли дулебами, а всех иностранцев в России одно время именовали немцами). Долше всех продержался арабский гарнизон в Нарбонне: лишь в 759 г. восставшие горожане уничтожили сарацинский гарнизон и согласились впустить в город войска франков на условиях, что город сохранит свои права на самоуправление.

В 765 г. представители династии Омейядов создали в Испании Кордовский эмират, отказавшись признать власть династии Аббасидов, которая теперь управляла в халифате; столица халифата была перенесена из Дамаска в Багдад. Упомянутые события в Испании привели к установлению более мирных отношений между арабами-магометанами и государством Каролингов. Но, несмотря на это временное успокоение, а также возвращение под суверенитет франков побережья Лионского залива, возрождения морской торговли не произошло¹.

Причина этого заключалась в том, что у Каролингов не было флота и они не могли обеспечить нормальное судоходство по Средиземному морю, хотя бы в западной его части. Для того чтобы это сделать, надо было очистить море от пиратов, которыми оно буквально кишело, а без флота это было невозможно.

Франки тем не менее пытались обеспечить безопасность на море; в 797 г. они заняли Барселону, а в 799 г. — Балеарские острова, которые арабы до этого

¹ У Карла Великого были прекрасные отношения с багдадским халифом Гаруном ар-Рашидом в 797—809 гг., который, помимо прочего, пытался не допустить сближения франков с Кордовским эмиратом.

полностью разорили и разграбили и которые сами сдались Карлу. В 807 г. Пипин выбил мавров с Корсики при помощи итальянского флота. В какой-то момент казалось, что Карл Великий решил начать войну на море; в 810 г. он отдал приказ о строительстве флота, но из этого ничего не вышло. По этой причине Карл не смог помешать маврам разграбить в 813 г. Корсику, Сардинию, Ниццу и Чивитавеккью.

Экспедиция против занятого арабами африканского побережья, предпринятая в 828 г. Бонифацием из Тосканы, также не дала никакого результата. Будучи не в состоянии обеспечить безопасность на море, Карл был вынужден ограничиться защитой прибрежной зоны от пиратских вылазок мавров, которые те постоянно предпринимали. Папа также был вынужден объявить побережье на осадном положении и в состоянии боевой готовности, чтобы таким образом обезопасить прибрежную территорию и ее жителей от разбойных нападений со стороны сарацин¹.

После Карла Великого, который мог хотя бы предпринимать оборонительные действия, государство франков оказалось совершенно бессильным и беспомощным. В 838 г. арабы взяли Марсель, а в 842 и 850 гг. дошли до Арля. В 852 г. арабы захватили Барселону. Побережье было совершенно беспомощным и не защищенным от постоянных нападений врага. В 848 г. оно было буквально наводнено греческими пиратами, а в 958 г. уже датчане, обогнув Испанию по Атлантике, появились в Камарге.

Около 890 г. часть арабов-магометан из Испании утвердилось между Йером и Фрежу, а также создала плацдарм во Фраксинетуме (Ла-Гард-Френе) в Шанде-Мор. Отсюда они постоянно предпринимали *крупномасштабные конные набеги* на Прованс и Дофине, где они действовали практически безнаказанно. В 931 г.

¹ В одном документе, составленном в 807 г., говорится: «Сарацины вторглись в провинцию и подвергли ее землю разорению и опустошению, обратив ее в пустыню».

произошло небывалое событие: арабы были разгромлены греческим флотом.

Лишь в 973 г. граф Арльского округа Гийом выбил арабов-магометан из пределов округа и прилегающей прибрежной зоны. А до этого арабы не только хозяйничали на побережье, но даже контролировали альпийские перевалы.

На итальянском побережье ситуация была не лучше. В 935 г. арабами была разграблена Генуя¹.

Нетрудно догадаться, что в таких условиях порты были практически закрыты для судов. Тем, кто хотел попасть в Италию с севера, отныне оставался лишь один путь: через альпийские перевалы, где их подстерегала опасность быть ограбленными или убитыми арабами, которые приходили сюда со своего плацдарма во Фраксинетуме и подкарауливали торговцев. И мы видим, что перевалы, ведущие в Прованс, совершенно обезлюдели; ими никто не пользовался, поскольку, как мы уже отмечали, торговля была там практически полностью подорвана.

Было бы ошибкой считать, что существовала какая-либо торговля между Франкией и занятой арабами-магометанами Испанией².

В то же время Испания в тот период весьма процветала. Как отмечают, в порту Альмерия в 970 г. были построены дополнительные жилые дома (типа сегодняшних общежитий); это говорит о том, что население там не только не сократилось, но и увеличилось. Нам практически ничего не известно о том, что привозили из Галлии в Испанию; единственное, что нам известно из дошедших до нас источников, так это то, что из Галлии

¹ В 979 г. архиепископ Генуи писал: «Наши приходы опустошены и разрушены, а жители и прихожане остались без помощи и поддержки и оказались брошенными на произвол судьбы».

² Как отмечает Леви-Провансаль, в X в. Лангедок, вне всякого сомнения, входил в экономическую орбиту Кордовского эмирата, «но поскольку не сохранилось абсолютно никаких документов по этому вопросу, то в этом вопросе, к сожалению, приходится ограничиться лишь предположением».

привозили рабов; вне всякого сомнения, этим занимались пираты, а также торговцы-евреи из Вердена.

Галлия была практически вычеркнута из мировой торговли начиная с VIII в.; полномасштабная торговля между Востоком и Западом была мертва. Лишь небольшое количество товаров с Востока попадало на Запад, где их продавали вразнос торговцы-евреи. Кроме разрозненных действий этих мелких торговцев-разносчиков никакой торговли не существовало. И безусловно, именно этих мелких торговцев и имеет в виду в своих работах Теодольф.

Возможно, и существовал какой-то объем торговли между Бордо и Британией; но даже если это и так, то товарооборот был крайне незначителен и практически никакой существенной роли эта торговля не играла. Таким образом, все сходится и все источники свидетельствуют согласованно.

Мы уже могли убедиться, что ввоз папируса, пряностей, благовоний и шелка во Франкию прекратился. Никаких торговых связей между Франкией и Арабским халифатом не существовало. То, что Липман пишет о производстве сахара, который распространялся в Южной Италии, но достиг северных районов Апеннинского полуострова только в XII в., звучит вполне убедительно. Жившие в Италии греки могли бы выступить в качестве торговых посредников по доставке сахара в северные районы; они не стали этим заниматься, и нетрудно догадаться почему.

Класс богатых и процветающих торговцев исчез. То там, то тут мы встречаем упоминания об отдельных *крупных торговцах* и *оптовых торговцах*, но класса профессиональных торговцев, которые осуществляли полномасштабную торговлю в эпоху Меровингов, более не существовало; не было деловых, предприимчивых людей, которые дарили земли церкви и помогали бедным; не было обладателей капитала, дававших на откуп сбор налогов и ссужавших деньги государственным служащим. Мы не встречаем какого-либо упоминания о

классе торговцев, действовавших в городах. Да, случайные торговцы попадались, но таковые были во все времена, а как класса торговцев более не существовало. Безусловно, были люди, пользовавшиеся общим упадком для того, чтобы нажиться, и продававшие зерно в голодающие провинции; продавалось даже и церковное имущество, к которому спекулянты имели доступ¹.

Помимо этого, были и те, кто следовал за армиями в поисках добычи и наживы. Некоторые авантюристы действовали на границах, занимаясь контрабандной продажей оружия врагу, а также бартерной торговлей с варварами. Конечно, это были лишь контрабандные операции авантюристов, которые никак нельзя отнести к нормальной торговой деятельности. Снабжение продовольствием королевского двора в Эксе также стало постоянным видом экономической деятельности. Но и это не было обычной торговлей; все поставщики жестко контролировались дворцовыми службами. Подтверждение скудности денежных средств, имевшихся в наличии в то время, мы находим в запрете на ростовщические операции и любые формы ссуд под процент. Конечно, здесь мы видим явное влияние церкви, служителям которой издавна запрещалось давать деньги в рост; однако тот факт, что этот запрет был распространен на торговлю и что он просуществовал практически в течение всех Средних веков, свидетельствует об исчезновении полномасштабной торговли к тому времени. В 789 г. в капитулярии ясно и недвусмысленно запрещались денежные операции с целью извлечения прибыли, как и любая другая форма предоставления ссуд².

¹ Епископы получили приказ проверять церковные и монастырские сокровищницы на предмет защиты от хищений, «поскольку приобрели уже дурную славу как евреи, так и другие торговцы, хвастающиеся тем, что они успешно зарабатывают, продавая добытое ими ценное церковное имущество».

² Там, в частности, говорилось: «Под ростовщичеством, то есть предоставлением ссуды в целях получить ее назад с излишком, понимается любое действие, приводящее к получению больше, чем отдано; например, является бесчестьем и позором дать взаймы 10 солидов, а получить назад больше, не считаясь с нанесением ущерба

И государство поддержало запрет, введенный церковью¹.

Таким образом, в эпоху Каролингов класса профессиональных торговцев не существовало. Нам известно лишь то, что во время голода случайные торговцы и монастырские крестьяне продавали продукты, выращенные на монастырских землях, либо сами покупали их в случае неурожая. Торговля сошла на нет, поскольку не было спроса; точнее сказать, во времена правления Карла Великого и Луи Благочестивого вся торговля свелась к поставкам продовольствия к королевскому двору в Эксе. Провизию во дворец поставляли купцы, но это были купцы, так сказать, особой категории, входившие в королевскую службу снабжения; они находились под юрисдикцией дворца и непосредственно подчинялись *распорядителю-казначею*².

Эти поставщики-снабженцы были освобождены от уплаты торговой пошлины в Клузе, Дуurstеде и Кен-

должнику; или же дать займы модий (римская мера сыпучих тел, равная 8,754 л), а взыскать назад сверх этого, не считаясь с тем, что должник останется в недостатке и скудости». М. Допш тщетно пытается доказать, что Каролинги не были против предоставления денег в рост; для этого он прибегает к откровенной увертке, говоря, что мирянам не запрещалось давать деньги под процент.

¹ По мнению М. Допша, Карл Великий не привнес ничего нового в законодательство, направленное против ростовщичества, а лишь подтвердил и закрепил существовавшее при Меровингах запрещение священнослужителям давать ссуды под процент. Тот же автор приводит ряд неубедительных примеров, которые, по его мнению, должны доказать, что практика ссужения в рост существовала и в эпоху Каролингов. Она, ясное дело, существовала, иначе нечего было бы запрещать. Но это были эпизодические полуподпольные операции, а не общепринятая полномасштабная практика. Конечно, сам факт запрета на подпольную практику вызывает интерес; но далее автор делает совершенно неверный вывод: «Нельзя говорить, что законодательно закрепленный запрет на ссужение денег под процент был одной из тенденций развития экономики в эпоху Каролингов».

² В капитулярии «О порядке во дворце» говорится о том, что некий Эрнальд должен следить за тем, чтобы «все торговцы, которым позволено торговать во дворце, будь то евреи или христиане, делали это в строго отведенных местах». Речь, думается, идет о постоянно действующих лавках. В одном из *императорских указов* говорится, что торговцы должны предоставить во дворец финансовый отчет в мае.

тавике. Однако похоже, деятельность этих торговцев не ограничивалась поставками к королевскому двору¹.

В некоторых городах, например в Страсбурге в 775 г., епископы организовали снабжение монастырей продовольствием, используя своих людей, которые по указу короля были освобождены от уплаты торговой пошлины на всей территории королевства, за исключением Дуurstеда, Кентавика и Клузе.

Такая же ситуация наблюдалась и в крупных монастырях².

Однако ясно, что подобную деятельность нельзя, строго говоря, назвать торговлей; те, кто ею занимался, были не купцами, а, скорее, привилегированными поставщиками-снабженцами. Речь тут шла не о торговле, а о снабжении высокопоставленных особ и крупных монастырей. С другой стороны, эта снабженческая деятельность имела очень широкий охват; она велась практически на всей территории королевства от Северного моря до Альп.

Казалось бы, тот факт, что в королевстве было большое количество рынков, которое к тому же постоянно росло, опровергает точку зрения об отсутствии полномасштабной торговли. Вполне можно предположить, что в каждом населенном пункте, в любом *месте проживания людей* был свой рынок, что они были в крепостях, в окрестностях монастырей и т. д. Однако не надо путать небольшие рынки с крупными торговыми ярмарками. Практически на протяжении всей эпохи Каролингов во всем королевстве была только одна крупная ярмарка, которая находилась в Сен-Дени.

Вся та информация, которой мы располагаем, говорит нам о том, что частыми посетителями, можно сказать, завсегдатаями этих рынков были окрестные крестья-

¹ В одном из указов говорится: «Тем, кто поставляет товар ко двору повелителя... мы благосклонно позволяем приумножать нажитое и к своей собственной пользе и выгоде».

² У монастырей были свои небольшие торговые суда для перевозки груза; об этом подробно написано в специально посвященном этому исследованию Эмбар де ла Тура.

яне, торговцы-коробейники и торговцы-лодочники. Товары продавали в розницу. На рынках также собирались для обсуждения тех или иных вопросов¹.

В капитуляриях, повествующих об этих рынках, отмечается, что в основном их посещали зависимые крестьяне (которые должны были отрабатывать повинности за предоставленную в пользование землю и которых могли передать другому землевладельцу-феодалу вместе с землей). На рынках бывали и подпольные торговцы (без разрешения на торговлю, чтобы не платить подать), в том числе торговцы краденым, подобные тому человеку, который украл меч у графа Бургундского и пытался продать его, а когда не смог продать, то вернул меч владельцу.

Евреи также были завсегдатаями рынков. Агобарт даже жаловался на то, что для их удобства торговый день переносили, если он выпадал на субботу (иудеям запрещено работать в субботу), то есть рынки в этом случае не работали два дня подряд, поскольку Карл Великий запретил торговать по воскресеньям.

Когда в монастырях отмечался день того или иного святого, а соответственно, и чьи-то именины, то на празднование съезжались все родственники и близкие, причем многие приезжали издалека, и при общей встрече они торговали между собой².

В «Чуде св. Ремакля» рассказывается о крепостном крестьянине, который отвечал за винные запасы мо-

¹ В одном капитулярии говорится: «Как только... люди наши освободятся от трудов своих, они, с благословенья Божьего, могут прийти на свободное место и устроить там собрание, а также купить и продать там все то, что им необходимо». Карл Великий запретил торговать по воскресеньям; рынки могли работать только «в те дни, когда каждый был занят своим полезным трудом». В этом же капитулярии рассказывается о священнослужителе, «которого со всех сторон обступали торговцы». Из этого же источника мы можем почерпнуть информацию о том, к каким уловкам с ходившими в обращении основными монетами прибегали на рынках женщины. Наконец, там же говорится и о мелкой розничной торговле: «При этом вам предложат хлеб, разную вареную снедь, сочное мясо и обязательно будут расхваливать вино, которое вам продают в розлив и с собой сектариями (римская мера веса, равная 0,5 л)».

² Этот сбор родственников назывался *ежегодной встречей*.

настыря; он пришел на рынок, чтобы купить двух волов, и потерял их по дороге из-за обильных возлияний, которым он предавался. Итак, день религиозного праздника совпадал с днем проведения ярмарки. Как отмечает Ватц, для открытия рынка королевского разрешения не требовалось, если только не шла речь одновременно об освобождении от уплаты торговой пошлины. Позднее по соседству с рынком стали создавать монетные дворы; на это уже требовалось разрешение короля. Из Питрского эдикта мы видим, что число рынков постоянно росло, поскольку в нем упоминаются рынки, существовавшие во время правления Карла Великого, организованные при Луи Благочестивом, и те, которые были открыты при Карле Лысом. К этому времени экономический упадок в королевстве был еще более усугублен вторжениями норманнов; это ясно показывает, что наличие рынков объясняется не развитием торговли, как некоторые считают, а как раз тем, что торговля королевства оказалась замкнутой в самой себе.

В городской книге Суассона есть запись от 744 г. о том, что епископам было предписано организовать в каждом городе «законно отведенные места для собраний и торговли». Ни один из этих мелких рынков не мог похвастаться большой посещаемостью¹.

Обычно на этих мелких рынках продавали яйца, дичь и т. п. Но безусловно, на других, более известных рынках можно было приобрести и ремесленные изделия, а также иные товары. Например, вполне вероятно, что во Фландрии продавали текстильные изделия. В городской книге галльского города Лауда приводится текст письма одного городского служащего, который направляет своему другу 5 су и просит купить ему капюшон. Однако из этого мы никоим образом не можем

¹ Ф. Веркотерен сообщает в своем исследовании, что М. Допш, пытаясь подчеркнуть значение рынка в Лаоне, ссылается на документ, который к этому рынку не имеет никакого отношения и где этот рынок вообще не упоминается.

сделать вывод о существовании в то время оптовой торговли и активного оборота товаров.

Мелкие рынки были очень многочисленны, и на них наверняка были представлены кустарные ремесленные изделия, выполненные сельскими гончарами, кузнецами и ткачами, обслуживавшими потребности местного населения в данной продукции, как было во всех примитивных цивилизациях, основанных на сельском хозяйстве. Но больше ничего на этих рынках, скорее всего, не было; мы не находим никаких следов существования профессиональных торговцев или ремесленников. Тот факт, что при мелких рынках создавались небольшие монетные дворы, говорит как раз о слабом денежном обращении. Более того, в 865 г. Карл Лысый дал епископу Шалона разрешение на открытие монетного двора, поскольку тот не мог получить денарии, чеканившиеся на королевских монетных дворах.

На этих рынках не было товаров из дальних стран. У Алкуина, например, был *оптовый торговец*, которого он посылал делать подобные закупки в Италии. В VIII в. ярмарка в Сен-Дени была единственным местом в королевстве, где можно было встретить торговавших саксов или фризов.

Заключение более серьезных сделок осуществлялось не на рынках. Специальных мест для их заключения не было, поскольку это происходило не слишком часто. Предметом подобных сделок были драгоценности, жемчуг, лошади, крупный рогатый скот. Из текста одного из капитуляриев того времени мы узнаем, что именно такие сделки заключались *крупными оптовыми торговцами*, которых в данном случае есть все основания так называть, причем «эти специалисты своего дела, эти профессионалы», как их называют в капитулярии, были почти исключительно евреями.

Эти еврейские торговцы были практически единственными, за исключением ряда венецианцев, кто жил только за счет торговли. Это становится очевидным, когда читаешь составленные в то время капитулярии,

в которых рядом со словом «еврей» обязательно стоит «торговец»¹.

Является вполне очевидным, что евреи-торговцы поддерживали контакты со своими соплеменниками-единоверцами, разбросанными по всему Средиземноморью еще до вторжений арабов-магометан².

Но теперь им приходилось работать уже в других условиях.

Известно, что евреи подверглись гонениям и преследованиям в Испании в заключительный период господства вестготов в этой стране. Наивысшей точки эти притеснения достигли при короле Эгике (правившем с 687 по 702 г.), который запретил евреям торговать с иностранцами, а также с христианами. Однако эти гонения не распространились на королевство франков, где не собирались следовать примеру вестготов. Наоборот, здесь еврейские торговцы пользовались поддержкой монархов, которые предоставили им всяческие привилегии и льготы, в частности освободили от уплаты торговой пошлины. Луи Благочестивый выпустил специальный реестр, где перечислялись предоставляемые евреям привилегии и льготы (этот документ не сохранился до наших дней); в частности, говорилось, что если евреи подвергнутся судебному преследованию, то «дело должно вестись и рассматриваться самым благожелательным образом»³.

Убийство еврея каралось штрафом, который выплачивался непосредственно в королевскую сокровищницу. Привилегии, предоставленные евреям, были очень важны и серьезны; ранее евреи таковыми не пользовались, и предоставление этих привилегий и льгот говорит о том, что, по мнению короля франков, без евреев государство не могло обойтись.

¹ Как отмечает Хопш, «практически всегда, когда речь шла о крупных торговцах, доставлявших товар морем, это были евреи».

² Мы обнаруживаем, что в IX в. евреев можно было встретить в Нарбонне и Вьенне, а также и в Лионе; а вероятно, и по всей Южной Галлии.

³ Все императорские указы в пользу евреев были приняты при Луи Благочестивом; судя по всему, они начали появляться до 836 г.

И Каролинги очень часто пользовались услугами евреев. Послы, направлявшиеся ко двору багдадского халифа Гаруна ар-Рашида, были евреями; евреев можно было встретить и среди торговцев, обслуживавших королевский дворец в Экс-ла-Шапель.

Луи Благочестивый взял на службу еврея из Сарагосы, которого звали Авраам; король оказывал Аврааму всяческое покровительство, а тот ему верно служил¹.

Нам неизвестен ни один торговец-христианин, который пользовался бы такими же благосклонностью и покровительством со стороны короля.

Около 825 г. Луи Благочестивый предоставил льготы и привилегии Давиду Давитису и Иосифу, а также их единоверцам, проживавшим в Лионе. Они освобождались от уплаты торговой пошлины и других сборов, взимаемых за перевозку товаров, и брались под непосредственную защиту императора («под защиту императора и всей государственной власти»). Им разрешалось жить в соответствии с требованиями их веры, исполнять религиозные обряды прямо во дворце, использовать христиан «в качестве помощников в делах и домашней прислуги», покупать рабов-иностранцев и продавать их в пределах империи, обмениваться товарами и торговать с теми, с кем им заблагорассудится; другими словами, если потребуется, они могли торговать и с иностранцами.

Наши сведения о евреях, почерпнутые из императорских указов, подтверждаются и тем, что говорит о них Агобард в своих записках, написанных между 822 и 830 гг. Он с раздражением, озлоблением и возмущением пишет о богатстве и роскоши, в которых жили евреи, о тех расположении и доверии, с которыми к ним относились во дворце, о тех жалованных грамотах, которые им присылал в Лион император франков через

¹ В императорском указе говорилось: «На наше покровительство везде и повсюду может рассчитывать тот, кто безупречно и добросовестно поставляет товары и приносит дары и обнаруживает на службе во дворце верность, честность и усердие».

своих приближенных доверенных лиц, и о той мягкости, с которой последние относились к евреям. Евреи, отмечает он, поставляли вино членам императорского совета; родственники принцев и жены царедворцев посылали подарки и дорогие одежды еврейским женщинам; возводились новые синагоги. Когда он пишет о еврейских «баронах», он почти что сбивается на откровенный антисемитизм. В данном случае речь, безусловно, идет о крупных торговцах, без которых государство не могло обойтись. Им даже разрешалось иметь прислугу из христиан. Евреи могли владеть землей; это мы видим на примере Нарбонна, где крупные имения управлялись и обрабатывались христианами, поскольку владельцы-евреи там постоянно не проживали. В 768—772 гг. папа римский выражал недовольство подобным положением дел, считая, что евреи пользуются чрезмерным влиянием. Кроме того, евреи владели имениями и виноградниками в Лионе, Вьенне и других городах Прованса, а также землями в городских пригородах. Вне всякого сомнения, они вкладывали в это накопленную прибыль.

Евреи занимались главным образом оптовой торговлей, причем это была торговля с зарубежными странами. Именно через евреев западный мир продолжал поддерживать связь с Востоком. Свое посредничество они осуществляли не напрямую по морю, как раньше, когда Средиземное море было открыто для торгового судоходства, а через Испанию; также через Испанию евреи поддерживали связь с мусульманской Африкой и Багдадом. Ибн-Кордабех в «Книге путей и государств» (это записки о путешествиях, совершенных им в 857—874 гг.) рассказывает о евреях-полиглотх, которые «говорили на персидском (фарси), латыни, арабском, а также франкском, испанском и славянских языках. Они перемещаются с Запада на Восток и с Востока на Запад как морем, так и сушей. С Запада они привозят евнухов, рабынь, мальчиков, шелк, меха и мечи. Они отправляются в путь из страны франков, с побережья

Западного моря (Бискайский залив) и прибывают морем в Фараму (Пелусий)¹...

Далее они продвигаются в Синд, Индию и Китай. Оттуда их караваны возвращаются доверху нагруженные мускусом, алоэ, камфорой, корицей и другими товарами из восточных земель. Некоторые купцы отправляются морем в Константинополь, чтобы продать там свой товар; другие направляются в страну франков». Вполне вероятно, что часть грузов для франков поступала по Дунаю, но, безусловно, большинство товара шло через Испанию. Стихи Теодольфа, посвященные богатству и роскоши Востока, безусловно, навеяны товарами, привезенными с Востока евреями. Испания присутствует в уже цитировавшемся нами указе Луи Благочестивого, в котором упоминается еврей Авраам из Сарагосы, а дошедшие до нас источники, содержащие информацию о торговцах из Вердена, ясно свидетельствуют, что те поддерживали связь с Испанией. Нам также известно, что евреи привозили текстильные изделия из Византии и стран Востока в Леонское королевство на севере Испании. Таким образом, именно евреи завозили на Запад пряности и дорогие ткани. Однако из записок Агобарда мы узнаем, что они также занимались и вином. А на берегах Дуная они торговали солью. В X в. евреи владели соляными копиями под Нюрнбергом. Они также торговали оружием и не пренебрегали предметами из церковных сокровищниц².

Но важнейшей, если не главной, специализацией евреев, дававшей им огромные доходы, как мы уже видели, была торговля рабами. Некоторые из этих рабов продавались в королевстве франков, но большинство вывозилось в Испанию. Нам известно, что в конце IX в. центром работорговли был Верден. Мы обладаем

¹ Ныне городские развалины рядом с Порт-Саидом.

² Как мы уже говорили выше, епископы получили приказ проверять монастырские и церковные сокровищницы на предмет защиты от хищений, поскольку «получили уже дурную славу евреи и другие торговцы, хвастающиеся, что они хорошо зарабатывают, продавая добытое ими ценное церковное имущество».

информацией о продаже евнухов начиная с X в., однако в «Чудесах св. Бертиния» говорится о торговцах из Вердена, посещавших Испанию с 891 по 900 г. По мнению Лиутпранда (а король лангобардов знал, что говорил), работорговля приносила баснословные прибыли. Этот вид торговли был строжайше запрещен в 779 и 781 гг.; новый запрет последовал в 845 г. Тем не менее работорговля продолжалась. Агобард показывает, что торговля рабами велась в течение очень длительного времени и, вне всякого сомнения, была продолжением той работорговли, которая процветала в эпоху Меровингов. Он приводит пример, когда в IX в. в Лион вернулся человек, бежавший из Кордовы, где его продал в рабство еврей из Лиона. Этот человек также поведал, что, как ему рассказывали люди, евреи крали или покупали детей, чтобы затем их продать.

Наконец, следует добавить, что евреи также торговали и серебром, однако по этому виду торговли у нас очень мало информации.

Помимо этих очень богатых евреев, которые относились к крупным торговцам, находившимся в постоянных разъездах, были, судя по всему, и мелкие торговцы-посредники и разносчики-коробейники, являвшиеся заведомыми небольшими рынками. Но оптовая торговля держалась именно на евреях. И статьями этой крупной оптовой торговли были, согласно документу, относящемуся к 806 г., золото, серебро, рабы, а также пряности¹.

В то время торговцами в настоящем смысле этого слова можно было назвать только евреев и фризов (я говорю о тех, кто жил исключительно за счет торговли и занимался ею постоянно и профессионально, а не от случая к случаю). Это видно из того привилегированного положения, которое занимали евреи; если бы без

¹ В капитулярии того времени говорится: «Торговали золотом, серебром, драгоценными камнями и драгоценностями, оружием и снаряжением, одеждой, а также рабами низкого происхождения, причем в таком избытке и разнообразии, чтобы покупатель мог выбрать именно того, кто ему нужен; именно этот товар и сами торговцы считали наиболее важным».

них можно было обойтись и их услуги не были бы столь необходимы, то они никогда не получили бы тех льгот и привилегий, которыми располагали, и никогда не имели бы того покровительства со стороны высшей власти, которое позволяло им чувствовать себя в полной безопасности и жить в роскоши. С другой стороны, поскольку евреям было разрешено нанимать христиан в качестве помощников в делах, то зачастую этих помощников считали уже торговцами-христианами, хотя заправляли всеми делами по-прежнему евреи. Более того, в языке того времени слова «еврей» и «торговец» были практически синонимами¹.

Помимо евреев, торговлей могли заниматься и некоторые венецианцы, специально для этого пересекавшие Альпы, но подобные случаи были, судя по всему, крайне редки.

Короче говоря, профессиональными торговцами в эпоху Каролингов были евреи. Однако при этом следует четко понимать, и это не требует особых разъяснений или доказательств, что евреи не могли ввозить импортные товары в больших объемах. Это отчетливо проявилось в том, что пряности и благовония стали редкостью, а количество предметов роскоши, имевшихся в наличии в королевстве франков, значительно сократилось. Сам факт того, что вместо поставок морем грузы приходилось везти сушей, естественно, приводил к значительному сокращению импорта. Однако по этой же причине спрос на импортные товары существенно вырос и поэтому торговые операции с ввозимыми из-за границы товарами приносили огромную прибыль. Объем импорта сократился, но прибыль с каждой единицы товара резко возросла.

Доказательством того, что торговля не играла в то время сколько-нибудь серьезного значения, является

¹ В капитуляриях того времени есть такие фразы: «торговцы, то есть евреи и иные торговцы», «поставщики товаров к королевскому двору, как христиане, так и евреи», «отдыхать здесь любили как торговцы-христиане, так и евреи»; «торговцы подходили к чаше для пожертвований: подошло уже десять евреев и одиннадцать христиан».

отсутствие упоминания о ней как в императорских указах, так и в хозяйственных записях того времени. В 840 г. в одной капитулярии упоминается о *письменной гарантии*, а также о серебре как *предмете оптовой торговли и финансовых операций*; в капитулярии от 880 г. говорится о *письменно оформленной фидуции* (вид залога товаров), однако все это относится к Венеции. Торговое право и торговое законодательство существовали до тех пор, пока развивалась средиземноморская торговля; а когда Средиземное море оказалось закрытым для торговли, то исчезли и торговое право, и торговое законодательство.

Из всего этого мы можем сделать вывод об упадке торговли и ее переходе на более низкий уровень по сравнению с предыдущим периодом. Она пошла не вперед, а назад. Земля и продукция, полученная от ее обработки, стали не просто основой экономической жизни, но приобрели теперь настолько довлеющее и определяющее значение, какого до этого никогда не имели. Земля и сельскохозяйственное производство играли важную роль и в эпоху Меровингов. Однако в то время очень большую роль играл и оборот товаров. До закрытия Средиземного моря для торговли по нему велась и торговля сельскохозяйственными продуктами; у нас мало информации на этот счет, но, вне всякого сомнения, торговля продуктами обработки земли в эпоху Меровингов велась. Об этом можно сделать вывод уже из того факта, что землевладельцы платили налог в денежной форме, а арендаторы, получавшие от них землю в пользование, отдавали часть дохода от сельскохозяйственной деятельности на арендуемой земле серебром. Это говорит о том, что произведенные продукты им удавалось продать. Но кому они могли их продать? Безусловно, жителям городов, население которых в то время было весьма многочисленным, а также, вероятно, и торговцам. В эпоху Каролингов все изменилось, мы не видим и намека на существование нормального оборота товаров и продуктов, полученных в результате обработки земли. Лучшим доказательством

этого является полное прекращение использования оливкового масла для церковных светильников, а также курильниц для ладана и фимиама. Да и сами церковные благовония, те же ладан и фимиам, стали большой редкостью, как мы уже говорили. Оливковое масло больше не поступало в королевство даже из Прованса. Неприятным новшеством было и введение *сбора, взимавшегося за наложение печати*, что было совершенно неизвестным в эпоху Меровингов. Эгингард не мог достать воск в Зеллигенштадте (ныне Северный Рейн—Вестфалия) и был вынужден просить прислать его из своего имения, расположенного в окрестностях Ганда.

Аналогичная ситуация наблюдалась и с вином. Причем по этой позиции упадок был еще более ощутимым. Количество вина на рынке уменьшилось очень существенно, и его элементарно не хватало. Достать его обычным способом, то есть, как раньше, просто купить на рынке, было практически невозможно. Вино можно было достать только с помощью евреев. Поэтому возникла естественная необходимость в буквальном смысле слова лелеять те имения, где производилось вино; это было необходимо хотя бы уже для того, чтобы бесперебойно поставлять вино для церковных обрядов. Сложившаяся ситуация особо явно проявилась на землях крупных монастырей в «низинных» странах — Бельгии, Голландии и Люксембурге. Весьма характерно, что по этой территории протекали и пересекались реки, по которым ходили торговцы-фризы, а значит, тот небольшой торговый оборот, который фризы обеспечивали по рекам на своих ладьях, не мог удовлетворить потребности монастырей. Тем не менее вплоть до вторжений норманнов некоторое количество вина вывозилось из Франции в Скандинавию.

Единственная возможность обеспечения вином состояла в том, чтобы изготавливать его самим, поскольку, даже когда его можно было купить по каналам торговли, не всегда были на руках серебряные деньги, чтобы за него расплатиться. Оставался один выход — покупка вино-

градников. Монастыри, расположенные в долине Мааса, приобретали виноградники на берегах Рейна и Мозеля, в то время как монастыри в долине Шельды (на севере Бельгии) покупали виноградники на берегах Сены¹.

Принадлежавшее монастырям вино доставлялось туда крепостными крестьянами, причем на самых благоприятных условиях, поскольку доставка вина в монастыри не облагалась торговой пошлиной. У каждого монастыря была своя служба пополнения запасов и доставки всего необходимого, обладавшая и средствами доставки. Монастыри не нуждались в посторонней помощи в плане обеспечения снабжения. Фактически они представляли собой самодостаточные общины, обеспечивавшие себя всем необходимым. Не следует считать эти монастыри, как это делает Имбар де ла Тур, привилегированными торговцами, но можно с ним согласиться, когда он говорит, что «именно используя повинности крестьян и *барщину* в самых разных ее формах, применяемых одновременно, церковь организовала необходимые ей поставки товаров как речным, так и наземным транспортом». А продукты, получаемые таким образом, использовались для внутреннего потребления; то есть монастыри выступали здесь как обычный потребитель².

Конечно, во времена голода крупных землевладельцев, обладавших запасами зерна и вина, просто умоля-

¹ Эти покупки, вне всякого сомнения, были связаны с недостатком вина у торговцев, это подтверждает тот факт, что купленные монастырями виноградники были сразу же проданы, как только нормальная торговля возродилась вновь.

² Допш пытается доказать, что монастыри производили товары для продажи на рынке. Я нигде не встречал каких-либо подтверждений этого. Нужно, конечно, признать следующее: когда сборщики винограда видели, что урожай скуден, то они пытались купить на рынке *редкие вина*, чтобы поставить их потом в *господское имение*. Купить такие вина можно было, по моему мнению, лишь тогда, когда в других местах был избыточный урожай винограда; из этого, однако, мы не можем сделать вывод о том, что велась постоянная крупномасштабная торговля вином, поскольку такие операции имели место лишь время от времени. Другие же тексты, на которые ссылается Допш, пытаюсь доказать, что на монастырских и других землях производили продукты для продажи на рынке, просто не относятся к делу, поэтому и ссылка на них неуместна.

ли продать их, а те поднимали до небес цены и наживались на этом. Это, однако, сразу приводило к вмешательству со стороны императора, который пытался не допустить получения нечестной и необоснованной прибыли. Однако из этого мы не можем сделать вывод о том, как это делает Допш, что существовала на постоянной основе торговля этими товарами, как мы не можем сделать аналогичный вывод из того факта, что была запрещена торговля этими товарами за пределами империи.

Если мы ознакомимся с письмами Лупа из Ферьера, то увидим, что он считал покупку и продажу товаров нежелательной и вынужденной мерой, продиктованной тем, что люди оказались в затруднительном положении, и подчеркивал, что люди делали все возможное, чтобы избежать этого.

Когда король Карл Лысый лишил монастырь в Ферьере его «кладовой» в Сен-Жоссе, это привело к тому, что монахи перестали получать одежду, а также рыбу и сыр; им пришлось питаться покупными овощами. Впрочем, упомянутый случай был исключением, а не правилом.

Хозяйство в монастыре Сен-Рике было поставлено таким образом, что на монастырских землях производилось все необходимое для жизнеобеспечения монахов¹.

В 858 г. епископы направили королю письмо, в котором советовали так организовать хозяйство на королевских землях, чтобы обеспечить снабжение всем необходимым всех тех, кто на них проживает, то есть перейти на самообеспечение².

¹ В хронике монастыря Сен-Рике, в частности, говорится: «Поскольку правилом и законом монастырской жизни является то, что каждый, владеющий тем или иным ремеслом либо умением, должен не покладая рук трудиться на монастырских землях и в монастырском хозяйстве, монастырь благодаря этому круглогодично имеет все необходимое.

² В письме, приведенном в вышеупомянутой хронике, в частности, говорится: «Достоин всяческого уважения и является в высшей степени благопристойным, когда вы чувствуете себя в своем доме, как в крепости, поскольку в состоянии обеспечить себя всем необходимым».

Устав монастыря Корби, составленный Адальгардом в первой половине IX в., представляет собой яркую и жизненную картину абсолютно самодостаточной, самообеспечиваемой и самоуправляемой общины, живущей в замкнутом мире своего хозяйства и своей системы управления. В этом уставе вы не найдете ни слова о продаже; все, производимое в монастыре, там и оставалось. Сроки поступления продукции в монастырь, число обитателей которого достигало 400 человек, были расписаны самым подробным и тщательным образом понедельно с 1 января текущего до 1 января следующего года. Указывалось, что и в каком количестве будет поставлено для нужд монастыря. В монастыре трудились *матрикулярии* (монахи, которые вели учетную книгу — матрикулу) и *миряне*, в частности сапожники, чеканщики, золотых дел мастера, плотники, мастера, изготовлявшие пергамент, кузнецы, лекари и др. Монастыри жили главным образом за счет оброка крепостных крестьян, выплачиваемого обычно натурой, а также за счет *барщины*, которую крестьяне отрабатывали на монастырских землях. Именно в то время, как мне представляется, возникло *прикрепление крестьян к земле и ограничение их в правах*¹.

Мы можем живо представить себе общество того времени, буквально оплетенное сетью монастырей и церквей, бывших важнейшей составной частью той эпохи. Именно там было возможно ведение хозяйства, именно там существовало то, что можно было назвать экономической жизнью; одной из причин этого было то, что там умели читать и писать.

Земли, принадлежавшие церкви, были единственными земельными владениями, которые постоянно расширялись, что происходило благодаря щедрым по-

¹ Как считает Ж. Хаве, слово «манс» (*mansus*), означающее на латыни «вверять», «доверять», «быть предназначенным», стало использоваться для обозначения *собственности зависимого крестьянина* именно при Каролингах. Брюннер, однако, отмечает, что латинское выражение *servi mansionari*, означающее «крестьянин-раб», использовалось еще во второй половине VII в.

жертвованиям верующих. Королевские же земельные владения непрерывно сокращались, поскольку они раздавались в качестве бенефициев приближенным короля на условиях, что те будут служить ему. Эти земли попадали в руки военной аристократии. А трудно себе представить что-то более вредное для эффективного использования этих земель, независимо от того, попадали они в руки представителей высших слоев военной аристократии или мелких вассалов, занимавших средние и низшие военные должности. Мы никоим образом не можем предположить, что на этих землях производилось что-либо для продажи и что представители военной аристократии содействовали развитию торговли либо сами ею занимались. Более того, эта знать пыталась наложить свою руку и на земли церкви, навязывая себя ей в качестве защитников и покровителей и истощая тем самым земельные и производственные ресурсы, сконцентрированные в церковных владениях. Строго говоря, свободные крестьяне-арендаторы могли теоретически производить продукты для продажи на рынке, однако они все более и более обременялись барщиной, оброком и другими повинностями и взысканиями¹.

Среди крестьян было немало тех несчастных, которые жили милостыней либо батрачили во время уборки урожая. У нас нет никаких оснований считать, что крестьяне производили продукцию на рынок. Самым страстным желанием тех, у кого имелся небольшой участок земли, было скорее попасть под покровительство монастыря, чтобы укрыться таким образом от вымогательства алчных сеньоров, обиравших их под видом сбора налогов.

Короче говоря, общество все более и более оказывалось в зависимости от землевладельцев и чиновников, отправлявших правосудие, в то время как власть в

¹ В одном из капитуляриев того времени говорится о том, как епископы в 858 г. брали под свою опеку крестьян, арендовавших королевские земли, вместе с земельными участками, на которых те работали.

обществе постепенно переходила из рук государства в частные руки; другими словами, государство все более и более распадалось на отдельные вотчины. Экономическая независимость, обеспечиваемая свободной хозяйственной деятельностью, как и денежное обращение, упали до самого низкого уровня, который когда-либо существовал.

В капитуляриях того времени, правда, время от времени упоминаются *вольнотпущенники*, но в подавляющем большинстве случаев, освободившись от одних повинностей, они получали другие, попадая под власть нового хозяина — *сеньора*.

Королевская власть, пока она обладала какой-то силой, влиянием и авторитетом, руководствуясь христианской моралью, пыталась не допустить угнетения бедных, незащищенных и обездоленных. Экономическое законодательство Карла Великого и Луи Благочестивого отнюдь не было направлено на защиту обогащения за счет угнетения и обирания этих людей; наоборот, подобные действия объявлялись незаконными, представляющими собой *бесстыдную, нечестивую наживу*.

Однако все попытки подобного вмешательства канули в пучине анархии феодальной системы, над которой все еще маячил призрак христианской империи. Наступило Средневековье.

2. Политическое устройство общества

Многие историки рассматривают то, что они называют франкской эпохой, как единое целое, в рамках которого период правления Каролингов рассматривается ими как преемственное продолжение и развитие периода правления Меровингов. Однако в этом они явно ошибаются, и вот по каким причинам.

1. Период правления Меровингов протекал, так сказать, в *окружающей среде*, коренным образом отличавшейся от той, в которой проходил период правления Каролингов. В VI и VII вв. Средиземное море было открыто для общения и взаимодействия и государство

Меровингов находилось в постоянном контакте со всем Средиземноморьем, а традиции Римской империи по-прежнему сохранялись во многих областях жизни.

2. Германское влияние ощущалось лишь в северных пограничных районах государства Меровингов, причем оно было очень слабым и проявлялось лишь в некоторых областях законодательства, основывавшихся на германских обычаях и традициях.

3. Между наивысшим уровнем развития меровингского периода, когда государство Меровингов достигло своего расцвета, продолжавшегося до середины VII в., и началом каролингского периода лежало столетие упадка и потрясений, в ходе которого были утрачены многие традиции античной цивилизации, в то время как ряд сохранившихся традиций получил свое дальнейшее развитие; именно этот период упадка, распада и потрясений и лежал в основе начавшегося периода правления Каролингов. Правители династии Каролингов были преемниками не королей меровингской династии, а майордомов. Карл Великий, с какой точки зрения ни смотреть, ни в чем не был преемником Дагоберта; он был наследником Карла Мартелла и Пипина.

4. Нас не должен вводить в заблуждение титул короля франков — *повелитель франков*. Надо правильно понимать его реальное содержание. Новое королевство простиралось до Эльбы и включало в себя часть Италии, и среди подданных короля франков было почти столько же римлян, сколько и германцев.

5. Наконец, в каролингский период отношения государства с церковью были совершенно иными, чем в меровингский. Государство Меровингов, как и Римская империя, было светским. Короли династии Меровингов носили титул «повелитель франков». Короли же династии Каролингов носили титул «Божьей милостью повелитель франков»¹.

¹ Это еще не стало официальным титулом при Пипине, но с момента вступления на престол Карла Великого франкских монархов именовали уже только так.

Это небольшое добавление несло в себе очень глубокий смысл и показывало серьезное изменение в отношениях между государством и церковью. Это изменение было чрезвычайно глубоким, но последующие поколения не понимали его и не осознавали его значение. Позднее переписчики и откровенные фальсификаторы «приукрасили» название титула королей Меровингов, добавив к нему *«Божьей милостью»*, считая, что по-иному он и не мог выглядеть.

Таким образом, между этими двумя монархиями — а королевство Каролингов, как я попытался продемонстрировать в данной книге, возникло в известной степени благодаря тому, что в европейский мир нахлынули арабы-магометане, — не только не существовало никакой преемственности, но они были прямой противоположностью друг другу.

В ходе глубочайшего кризиса, приведшего к тому, что созданное Хлодвигом государство рухнуло, весь римский фундамент, лежавший в его основе, был полностью разрушен и канул в небытие.

Изменилось само понятие королевской власти; у Меровингов и Каролингов оно наполнено совершенно разным содержанием. Конечно, надо отметить, что в государстве Меровингов король не обладал такой же абсолютной властью, как римский император, стоявший во главе стройной системы абсолютизма; власть короля не была простым перенесением на почву меровингского государства системы римской императорской власти. В то же время, хотя короля династии Меровингов нельзя было назвать абсолютным монархом, я соглашусь с утверждением, что монархия Меровингов в значительной степени представляла собой *фактическую* деспотию. И для короля, и для его подданных действовало фактическое правило, что вся власть в государстве сконцентрирована в руках монарха.

Все, что принадлежало королю или находилось под его покровительством, считалось священным; он мог ставить себя над законом, и никто не смел перечить

ему; он мог наказывать своих врагов и конфисковывать их владения под предлогом нарушения ими закона об оскорблении величества¹.

Король мог не считаться ни с кем и ни с чем. Его фактическая власть напоминала власть византийского императора, однако следует учесть, что тут речь идет о двух цивилизациях, находившихся на разных уровнях развития.

При всех королях династии Меровингов система управления сохраняла, хорошо это или плохо, тот же бюрократический характер, что и в Риме, — все назначения делались сверху. Королевская администрация, включая королевскую канцелярию, в которую входили советники и помощники из мирян, была буквально «списана» с римского образца; король сам выбирал людей, которые должны были служить в его окружении, даже из числа своих рабов².

Королевские дружинники-телохранители, как их называли, *верные*, напоминали личную стражу римского императора. И по правде сказать, те, кем управляли короли, просто не знали другой формы правления, кроме монархической. Короли правили тогда везде — и у остготов, и у вестготов, и у вандалов. Следует отметить, что, даже когда короли убивали друг друга в ходе междоусобицы, это не вызывало возмущения в народе. Одержимые тщеславием и гордыней, люди убивали друг друга, а народ безмолвствовал.

Причиной упадка государства Меровингов была все возрастающая слабость королевской власти. А слабость эта была вызвана беспорядком в управлении денежно-финансовой системой, которая была полностью поза-

¹ Во время каролингского периода преступление, которое еще с римских времен определялось как *нарушение закона об оскорблении величества*, получило иное определение: оно теперь называлось *неверность повелителю*, или же *измена и предательство*. Как мы видим, не стали сохранять то определение, которое действовало со времен Античности.

² В этом смысле характерен пример графа Левдаста, врага Григория Турского.

имствована у Рима. Как мы уже убедились, королевская казна пополнялась главным образом за счет налогов и пошлин. А с исчезновением золотой валюты в результате сильнейшего кризиса, произошедшего в VIII в., прекратились также и налоговые поступления в казну. Само понятие общественного налога, обязательного к взиманию на всей территории королевства и идущего в государственную казну для использования к общественной пользе, было практически забыто с исчезновением городских *куруалов* — тех, кто непосредственно отвечал за обеспечение налоговых поступлений.

Чеканщики монет, непосредственно доставлявших налоги в виде золотых солидов в казну, больше не существовало. Мне кажется, что последний раз они упоминались во время правления Пипина. Таким образом, майордомы больше налоговых поступлений не получали. Монархия, которую они создали в результате *государственного переворота*, представляла собой форму правления, в которой римское понятие общественного налога было упразднено.

У королей новой династии, как и у других королей Средневековья, правивших долгое время спустя после них, единственным источником регулярных поступлений в казну были доходы от принадлежавших им земель¹.

Конечно, повинности и сборы (*почтовые и транспортные сборы, подушная подать с крестьян*), существовавшие еще в римскую эпоху, все еще действовали, особенно *торговая пошлина*. Но поступления от них все уменьшались. *Право на постой* использовалось лишь самими приближенными короля к их собственной выгоде, а в казну это средств никаких не давало, да и непосредственно сам король со своими людьми этим правом не пользовался. А что касается торговой пошлины, то из-за сокращения оборота товаров средств

¹ От четко организованной и практически отлаженной римской системы налогообложения осталось лишь *налоговое законодательство*.

от нее поступало все меньше и меньше и короли разрешали монастырям и крупной земельной аристократии оставлять эти средства у себя.

Некоторые авторы пытаются доказать, что в государстве Каролингов существовал сбор налогов. Действительно, в германской части империи существовала практика ежегодных «даров». Также король издал указ об уплате податей серебром во время вторжений норманнов. Но это были разовые мероприятия, которые не стали правилом и не получили продолжения. В реальной жизни единственным источником королевских доходов были его земли; королевское хозяйство и являлось королевской казной, если хотите. Если взять время правления Карла Великого, то к этому источнику пополнения казны можно также добавить и военную добычу, полученную в ходе войн. Но в мирное время основой королевской власти были сельскохозяйственные угодья; главной опорой власти была земля. Именно поэтому майордомы конфисковывали так много земель у церкви. Король для того, чтобы сохранить свою власть, должен быть крупнейшим землевладельцем в королевстве. Не было больше службы земельного кадастра, не было сборщиков налогов и составителей списков плательщиков и неплательщиков, не было финансовых контролеров и ревизоров; соответственно, не велось больше записей и архивов, не существовало финансовых учреждений, не было бухгалтерского учета и финансовой отчетности. У королей больше не было денежных ресурсов, им на смену пришло нечто новое. Короли из династии Меровингов подкупали людей или оплачивали их услуги золотом; короли из династии Каролингов рассчитывались частью своих земельных владений. Это было причиной серьезного ослабления королевской власти, и если это как-то компенсировалось военной добычей во времена правления Карла Великого, когда государство практически постоянно вело войны, то после него пагубные последствия подобной политики становились все более и более ощутимыми.

И, повторимся еще раз, в этом аспекте мы видим явный разрыв с римской традицией.

К этому первому существенному различию между государствами Меровингов и Каролингов следуют добавить еще одно. Король новой династии, как мы видели, был королем по милости Божьей. Обряд освящения королевской власти, или венчания на царство, который стал осуществляться начиная с правления Пипина, придавал королевской власти священный ореол и в известном смысле накладывал на короля личную ответственность перед Богом и церковью¹.

Король династии Меровингов был во всех отношениях светским королем. Представитель династии Каролингов был коронован лишь при непосредственном участии церкви; пройдя обряд освящения королевской власти, обряд венчания на царство, он благодаря этому стал частью церкви, образно говоря, как бы повенчался с нею. Отныне он следовал религиозному идеалу, и на его власть накладывала ограничения христианская мораль. Мы видим, что венчаные на царство короли более не творили убийств, произвола, не допускали превышений личной власти и злоупотреблений ею, что было фактически ежедневной практикой в эпоху Меровингов. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочитать работу Седулия из Льежа «О христианских правителях» или «Королевскую дорогу», написанную Смарагдом, как считает Эберт, между 806 и 813 гг.

Через обряд помазания церковь получила возможность оказывать влияние на короля. Отныне светский характер государства отошел на задний план. В этом смысле характерны два документа, написанные Хинкмаром. «Именно помазанию, этому духовному акту, совершаемому церковью, — писал он Карлу Лысому в 868 г., — именно этой благодати в гораздо большей степени, чем Вашей земной власти, Вы обязаны своим королевским достоинством». В итоговых документах

¹ В Византии в то время обряда помазания восходящего на императорский престол не было.

собора, созванного в Сент-Макре, мы далее читаем: «Папское достоинство выше королевского достоинства, поскольку папы помазывают королей и освящают их восхождение на королевский престол, в то время как короли не могут освятить восхождение пап на папский престол. Папы возводят королей на престол, а не короли пап». После обряда помазания у короля появлялись определенные обязательства перед церковью. Как пишет Смарагд, король должен был использовать всю свою власть для того, чтобы исправлять те недостатки в церковном устройстве, которые туда проникли. Но он в то же время был обязан защищать и оберегать церковь и возвращать ей долг за возведение его на королевский трон.

Понятно, что в подобных условиях монархия действовала согласованно с церковью. Из капитуляриев того времени мы видим, что и государство, и церковь были в одинаковой степени озабочены состоянием морали и дисциплины как среди священнослужителей, управлявших церковной жизнью, так и среди светских официальных лиц, управлявших государством; все были заинтересованы в положительном решении вопросов, стоявших как перед церковью, так и перед государством.

По мнению королей династии Каролингов, для того чтобы успешно управлять своими подданными, было необходимо привить им такие же моральные нормы, которых придерживались священнослужители. Мы уже видели, что при выработке экономической политики государства определяющую роль играла церковь. Епископы становились королевскими советниками и занимали официальные посты в системе государственного управления. Короли доверяли им функции своих ближайших помощников и назначали их на должности в королевскую канцелярию и королевский совет. Здесь мы видим разительный контраст с практикой Меровингов, которые награждали своих советников и приближенных тем, что назначали их епископами. Что же

касается Каролингов, то после того, как Хитерий стал первым священнослужителем, вошедшим в королевский совет, этот совет, как и королевская канцелярия, на протяжении веков формировался только из священнослужителей; мирян там больше не было. Бреслау ошибается, считая, что заполнение королевского дворца священнослужителями объясняется желанием первых королей династии Каролингов заменить римлян, служивших при Меровингах, на австразийцев, и приглашением на эти должности священнослужителей, поскольку те были единственными в Австрии, кто умел читать и писать. Это не так: Каролинги хотели заручиться поддержкой церкви.

В то же время конечно же Каролинги стремились использовать именно грамотных и образованных людей из среды священнослужителей. Во время кризиса, охватившего систему образования, обучение мирян прекратилось. Сами майордомы не умели писать. Благородные попытки Карла Великого распространить грамотность и образование в народной среде ни к чему не привели; даже в королевской школе, располагавшейся во дворце, было немного учеников. Наступал период, когда слова «священнослужитель» и «ученый», «ученый муж», а то и просто «грамотный человек» стали синонимами. Отныне важность церкви в обществе была исключительно велика; церковь была единственным институтом в королевстве, где сохранили знание латыни; и церковь добилась от государства того, что начиная с того времени в течение столетий латынь была и языком государственного управления. Мы должны серьезнейшим образом вдуматься в этот факт и глубоко осознать его значение; оно было поистине громадным. С этого времени стал отчетливо проявляться один из важнейших признаков Средневековья: подчинение государства замкнутой касте священнослужителей. Государство отныне находилось под полным влиянием церкви.

Помимо церковной касты, королю пришлось выстраивать отношения и с военной кастой, в которую входили

ла вся земельная аристократия, состоявшая из мирян, а также все те свободные граждане, которые сумели сохранить свою независимость. Конечно, всплески роста влияния военных мы видим и в эпоху Меровингов. Но аристократия эпохи Меровингов отличалась от аристократии эпохи Каролингов. Крупнейшие римские землевладельцы, *сенаторы*, независимо от того, жили они в городах или в сельской местности, никоим образом не создавали о себе впечатление, что они в первую очередь были воинами и стремились обеспечить свою жизнь при помощи военного дела. Они были образованными людьми, и прежде всего их интересовало получение хорошей должности в королевском дворце или в церкви. Вполне вероятно, что король подбирал военачальников и воинов-телохранителей из числа своих *верных*, которые были германцами. Наверняка земельная аристократия в эпоху Меровингов пыталась добиться того, чтобы король оказался под ее полным влиянием; но у нее это никогда не получалось¹.

Мы не обнаруживаем признаков того, что в эпоху Меровингов король управлял при помощи аристократии или хотя бы «подпускал» ее к управлению государством; до тех пор, пока король был в силе, не то что какой-либо функции госуправления, но и ее малой толики аристократии не доставалось. И хотя король освободил последнюю от ряда налогов, никаких своих прав и полномочий королевская власть ни аристократии, ни церкви не делегировала. У короля было два страшных вида оружия против тех и других: наказание за нарушение *закона об оскорблении величества* и конфискация земли и имущества.

Для того чтобы держать в подчинении аристократию и пресекать ее попытки вмешиваться в управление государством, король должен быть исключительно могущественным, а значит, очень богатым. Ведь аристократия, как и церковь, постоянно увеличивала свое влияние на

¹ Об этом красноречиво говорят примеры Эброина и Брунгильды, которые мы рассматривали в предыдущей главе.

народ. Общество пришло в движение еще во времена поздней Римской империи, и этот процесс продолжался. У крупных землевладельцев-аристократов были свои собственные дружины и многочисленные *вассалы*, которые сами себя рекомендовали будущим хозяевам (проще говоря, попросили взять их под свое покровительство) и которые образовывали многочисленную свиту, служащую своему *сеньору*.

В меровингский период крупные землевладельцы пользовались властью сеньоров исключительно в рамках тех прав и полномочий, которыми они располагали, то есть эта власть носила весьма ограниченный, можно сказать, местный характер. Однако в период анархии и упадка, когда между майордомами разразилась междоусобная война и они стали искать поддержки той или иной части аристократии, институт вассальной зависимости претерпел существенные изменения. Этот институт стал играть все большую роль, и именно его военная составляющая, позволявшая опираться на военную силу верных людей, обеспечила триумф Каролингов над своими противниками. Со времени правления Карла Мартелла основой власти короля в значительной степени являлась военная сила его вассалов в северной части королевства¹.

Король предоставлял вассалам бенефиции — земельные владения — в обмен на военную службу, а эти владения он конфисковывал у церкви. «Теперь, — отмечает в своем исследовании Гильермоз, — отношения с вассалами стали столь важны, что вассальская служба стала привлекать не только людей низкого и среднего происхождения и общественного положения, но и *сильных мира сего*».

Подобное положение вполне устраивало сеньора, нанимавшего вассала, поскольку отныне он предостав-

¹ Империя Карла Великого основывалась на отношениях вассальной зависимости. Карл рассчитывал на то, чтобы успешно управлять королевством, опираясь на своих вассалов, поэтому он всячески поощрял людей становиться вассалами его вассалов.

лял вассалу крупные земельные владения в качестве бенефиция «на условиях, что получатель обязан служить ему не только самолично, но и вместе со своими вассалами, количество коих, привлекаемое к службе, зависело от значимости предоставляемого бенефиция». Не подлежит сомнению, что именно таким способом Карл Мартелл сумел собрать вокруг себя могущественную свиту из числа австразийской аристократии и ее вассалов, с которой он и пошел на войну. И эта система продолжала действовать и после Мартелла.

В IX в. вассальную присягу королям приносили все крупные землевладельцы в королевстве и даже епископы. Становилось все яснее, что действительными подданными короля являются лишь те, кто принес ему феодальную присягу. А вассал присягнувшего королю как бы «прятался» от прямой подчиненности монарху за спиной своего сеньора. С учетом сложившейся ситуации Хинкмар пошел на то, что недвусмысленно предупредил Карла Лысого о прямой угрозе королевской власти, которую несло в себе подобное положение дел. Майордомам были необходимы верные войска, состоявшие из принесших присягу обладателей бенефициев; и это привело к тому, что государство претерпело серьезные изменения. Ведь отныне король был обязан считаться со своими вассалами, если не сказать зависел от них, поскольку именно они обеспечивали военную мощь государства. Управление графствами пришло в полный беспорядок, поскольку вассалы не находились в подчинении графов округов. На поле боя вассалы сами командовали своими людьми, а граф вел в бой лишь тех свободных людей, которые подчинялись ему непосредственно. Вполне вероятно, что земельные владения королевских вассалов были освобождены от налогов. Их называли *правлящей аристократией*.

В хронике Муассака за 813 г. этих людей называют «членами Государственного совета» либо же «самой природой предназначенными главенствовать среди франков». Именно они вместе со священнослужителя-

ми и графами округов входили в королевский совет. Король, таким образом, допускал их к политической власти. Государство оказывалось в зависимости от того, на каких условиях договорятся взаимодействовать король и его вассалы.

Это было началом периода феодализма.

Все было бы хорошо, если бы королю удалось удерживать вассалов под своей властью. Но в конце IX в. вассалы стали подчиняться графам округов. Это произошло оттого, что королевская власть, начиная с гражданской войны, разразившейся в конце правления Луи Благочестивого, неуклонно ослабевала и графы округов становились все более и более самостоятельными. Единственное, что связывало их с королем, — это отношения вассальной зависимости: король — сюзерен, формальный начальник; графы — вассалы, формальные подчиненные. Графы осуществляли королевскую власть на местах; они также подбирали для короля *королевскую резиденцию* на случай его приезда и поддерживали ее в соответствующем виде, с подобающими пышностью и великолепием; иногда они объединяли несколько графств в одно¹.

Монархия перестала быть формой управления всем королевством; последнее превратилось в набор независимых княжеств, которые были связаны с королем договорами о вассальной зависимости, причем король не имел возможности реально осуществлять власть над своими вассалами и понуждать их выполнять достигнутые договоренности. Монархи сами позволили королевской власти утечь у них между пальцев.

И это было неизбежно. Не следует делать неверных выводов о силе королевской власти, исходя только из авторитета и влияния Карла Великого. Он был в состоянии управлять государством и в целом держать ситуацию под контролем благодаря своей военной мощи, своему богатству, которое преумножала военная добы-

¹ В этом смысле в высшей степени типично формирование государства Фландрия, которое было образовано упомянутым образом.

ча, и *фактическому* господствующему положению, которое он занимал по отношению к церкви. Благодаря этим факторам он был в состоянии править, не располагая отлаженной системой постоянных финансовых поступлений в казну, и добиваться подчинения со стороны своих подданных, которые, будучи все как один крупными землевладельцами, могли прекрасно существовать независимо от королевской власти. Да и какой смысл и какая польза от системы управления, если не платится жалование самим управленцам, являющимся ее основными звеньями? Как можно опираться на такую систему управления и таких управленцев? А если все управленцы, а соответственно и вся система начнут работать на свой собственный интерес, а не на короля и государство? Как реально предотвратить такое развитие событий? Какая реальная польза от *представителей короля на местах*, которые должны следить за ситуацией? Вне всякого сомнения, Карл Великий очень хотел добиться управляемости королевства и навести в нем порядок силой своей власти, но он был не в состоянии это сделать. Когда мы читаем капитулярии того времени, мы поражаемся огромному разрыву между указами Карла и их выполнением в реальной жизни. Карл предписал каждому главе семейства отправлять сыновей в школу; он постановил, что в королевстве должен существовать только один монетный двор; что во время голода установление завышенных спекулятивных цен и ростовщичество деньгами и зерном категорически запрещаются. Он ввел максимальный потолок цен. Но реализовать все это на практике было невозможно, поскольку для осуществления этого требовались покорность и подотчетность представителей высших слоев общества — крупной аристократии. А вот этого-то гарантировать Карл и не мог. Землевладельцы-аристократы осознавали свою власть и возможности и от молчаливо-скрытого саботажа при Карле Великом, которого, помимо прочего, просто боялись, после его смерти перешли к практически открытому неповино-

вению королевской власти. То же можно сказать и о священнослужителях; если при Карле епископы еще соблюдали формальные приличия, то после смерти этого великого императора открыто заявили о том, что духовная власть стоит выше светской.

Экономическая основа государства не соответствовала той системе управления, которую Карл Великий пытался сохранить. Хозяйственная жизнь государства была основана на огромных земельных владениях, которые были замкнуты сами в себе и не имели выходов в виде развитой торговли как внутри королевства, так и за его пределами.

Крупные землевладельцы не имели потребности в обеспечении безопасности, поскольку они не вели торговли. Такая форма собственности и система ведения хозяйства прекрасно сочетается с анархией в государстве. Тем, кто владел землей, король был не нужен.

Не по этой ли причине Карл Великий пытался сохранить класс свободных крестьян? Он предпринял такую попытку, но в конечном счете она оказалась безуспешной. Крупные землевладельцы прибирали к рукам все новые и новые земли; «территория земельной аристократии» постоянно увеличивалась, а «территория свободы» неуклонно сокращалась.

Когда в страну вторглись норманны, государство уже было практически беззащитным. Оно было не в состоянии предпринять согласованные и четко организованные меры по обеспечению обороны и собрать войска, чтобы дать отпор захватчикам. Между защищавшимися не было единения. Вполне можно согласиться со сказанным по этому поводу Хартманом: «Войско и государство были раздроблены на отдельные ленные владения, предоставляемые сюзереном вассалу за несение военной службы; каждый защищал себя, а не королевство».

Король не использовал те властные полномочия, которые у него оставались. Он отдал свое право и на сбор торговой пошлины, и на чеканку монет. Своими соб-

ственными руками монархия отдала полномочия, которых и так уже осталось немного, унаследованные ею от прежних времен. В конце концов монархия превратилась в форму, лишенную содержания. Точка в ее развитии во Франции была поставлена при Гуго Капете, когда королей стали выбирать.

3. Формирование новой цивилизации

Как мы видели, вторжения германцев не привели к исчезновению латыни на занятых ими территориях Римской империи, за исключением районов, где значительную часть населения составляли салические (приморские) и рипуарские (береговые) франки, алеманны и бавары. Во всех других районах романизация германцев происходила удивительно быстрыми темпами¹.

Вторгнувшиеся в Римскую империю германцы рассредоточились по ее территории; они брали в жены местных жительниц, говоривших на родном языке, и сами осваивали латынь. Никаких изменений в язык они не внесли, лишь добавили в него ряд слов в таких областях, как право и законодательство, охота, война и сельское хозяйство, причем эти слова имели употребление в районах к югу от нынешней Бельгии, где германцев было довольно много.

Еще быстрее проходила романизация бургундов, вестготов, остготов, вандалов и лангобардов. Как отмечает Гамильшег, когда арабы-магометане вторглись в Испанию и покорили ее, готского языка там практически уже не было; от него остались лишь имена людей и географические названия.

С другой стороны, вторжение арабов-магометан внесло хаос, неразбериху и сумятицу в мир Средиземноморья; это привело и к глубоким изменениям в языке. В Африке латынь была заменена арабским. В Испании, правда, латынь выжила и сохранилась, но она была ли-

¹ Как отмечает в своем исследовании Гамильшег, германцы были в значительной степени романизированы уже к 600 г., а к 800 г. этот процесс был полностью завершен.

шена основ ее изучения, развития и распространения: не было больше школ, где ее преподавали, латынь не изучали и ею не пользовались и в монастырях, не было уже образованных священнослужителей, знавших этот язык. Покоренные народы говорили на римском диалекте, который не являлся классической письменной латынью. Латынь, столь успешно сохранявшаяся и развивавшаяся на Пиренейском полуострове до вторжения арабов-магометан, теперь исчезла; люди стали говорить по-испански.

В Италии судьба латыни сложилась более благоприятно; в Риме и Милане существовало несколько школ, где изучали этот язык.

Однако наиболее рельефно языковая сумятица и ее последствия проявились в Галлии; именно по полученному здесь материалу мы можем судить и о причинах этого явления.

Латынь эпохи Меровингов представляла собой, безусловно, свою народную вариацию; однако это была по-прежнему разговорная латынь. Судя по всему, ее даже преподавали в школах в том объеме, в каком это было необходимо для повседневной жизни. В то же время и епископы, и сенаторы-землевладельцы по-прежнему читали, а иногда и пытались писать на классической латыни.

Латынь эпохи Меровингов никоим образом не была вульгаризированным языком. В нем мы практически не обнаруживаем германского влияния. Те, кто пользовался латынью в королевстве Меровингов, могли общаться и с жителями любого другого района Романии; они понимали собеседников и собеседники понимали их практически по всей бывшей Римской империи. Судя по всему, на севере Франции латынь была наиболее далека от классической ее формы, чем в каких-либо других районах, но и здесь это был язык и устной речи, и письма. Церковь охотно использовала именно этот язык в богослужении, в государственном управлении, а также в сфере законодательства и права.

Язык преподавали в школах. Миряне изучали его и писали на нем. Он был ближе к скорописи, нежели к классической письменной латыни римской эпохи. И, поскольку этот язык активно использовался для письма в таких областях, как управление и торговля, он прочно вошел в жизнь и занял в ней устойчивое место.

Однако ему было суждено исчезнуть в горниле потрясений и хаоса VIII в. Политическая анархия, реорганизация церкви, а фактически в немалой степени ее разрушение и ослабление влияния в обществе, исчезновение городов и торговли, фактическая ликвидация системы управления в масштабе как городов, так и всего государства, особенно упразднение финансово-налоговой системы управления, исчезновение светских школ — все это сделало невозможным сохранение языка, душой которого была латынь. Язык огрубел, упростился и опустился на более низкий уровень; фактически он распался на ряд римских диалектов, которыми пользовались в разных районах страны. Материалы и документы, по которым можно в деталях судить о ходе этого процесса, были безвозвратно утеряны, однако можно точно сказать, что около 800 г. жители королевства, за исключением священнослужителей, перестали пользоваться латынью¹.

Именно с того момента латынь перестала быть языком живого общения: она была заменена огрубленными диалектами, говорами и наречиями, из которых в дальнейшем и сформировались национальные языки западноевропейских стран; латынь же превратилась в язык ученых и книжников, коим она и продолжает оставаться в течение многих столетий; это ее новое качество, зародившееся в эпоху Каролингов, продолжает сохраняться и поныне.

¹ В решении, принятом местным синодом в 813 г. в Туре, говорится: «Каждый, находящийся в лоне семьи нашей, должен упорно и усердно изучать язык, на котором мы общаемся друг с другом и на котором взываем о заступничестве к Пресвятой Богородице, чтобы облегчить этим как выполнение нашего общего долга, так и понимание друг друга».

Интересно, что это явление зародилось в стране — единственной из входивших в состав Римской империи, — где в результате германских вторжений римское влияние и традиции были полностью искоренены: речь идет о Британии и англосаксах.

Как мы видели, христианство пришло в эту страну с берегов Средиземноморья, а не из близлежащей Галлии. Именно св. Августин и сопровождавшие его монахи, которых направил в Британию папа Григорий Великий в 596 г., завершили дело обращения жителей Британии в христианство, которое было начато кельтскими монахами из Ирландии.

В VII в. св. Теодор из Тарса и его товарищ Адриан обогатили привезенную ими религию греко-римскими классическими культурными традициями. Новая культура стала немедленно приживаться на Британских островах и давать всходы. Доусон совершенно справедливо замечает, что это «самое важное событие за период между эпохой Юстиниана и эпохой Карла Великого». Среди англосаксов, которые были чистокровными германцами, латинская культура распространялась одновременно с религией латинян — христианством, и именно симпатия к этой религии содействовала распространению и привитию латинской культуры. Именно когда в Британии благодаря влиянию и содействию Рима утвердилось христианство, англосаксы всерьез обратили свой взор к Вечному городу. Они постоянно посещали Рим, увозя назад с собой мощи святых и рукописи. Они сами открывали себя, буквально распахивали душу навстречу римскому культурному влиянию, задающему вполне определенное направление мировосприятия, мыслей и действий, и изучали латынь, которая была для них не вульгаризованным языком, а языком священным, изучать и пользоваться которым было огромной честью и ни с чем не сравнимым доверием, оказанным свыше. В VII в. такие представители англосаксов, как Беда Достопочтенный и поэт Альдгелм были согласно за-

падноевропейским стандартам исключительно образованными и учеными людьми.

Тот расцвет культуры и человеческой мысли, который наблюдался во время правления Карла Великого, произошел благодаря англосаксонским проповедникам-подвижникам. Конечно, еще до них к франкам приезжали ирландские монахи, включая самого выдающегося из них — св. Колумбу, основателя монастырей в Луксее и Бобио, который прибыл в Галлию около 590 г. Они проповедовали аскетизм, когда в Галлии наблюдался упадок религиозной жизни и падение нравов даже среди священнослужителей; однако они не оставили после себя никаких письменных творений и работ и нет никаких свидетельств того, что они оказали какое-либо влияние на богословие, культуру и творческую мысль того времени.

С англосаксами картина была совсем иной: их цель состояла в распространении христианства в Германии, а для этого церковь государства Меровингов сделала очень мало, если не сказать ничего. И эта их цель совпадала, точнее сказать, лежала в русле политики Каролингов, считавших, что они быстрее добьются успеха в распространении своего влияния там, где принято христианство. Именно поэтому св. Бонифаций, основатель германской церкви, пользовался такими огромными возможностями и влиянием, и благодаря этому он стал посредником, связующим звеном между папой римским и Пипином Коротким.

Карл Великий посвятил себя одновременному выполнению двух задач: культурному возрождению и восстановлению церкви и оживлению церковной жизни. Главный носитель и представитель культуры англосаксов Алкуин, являвшийся руководителем школы в Йорке, поступил на службу к Карлу Великому в 782 г. в качестве руководителя расположенной во дворце королевской школы и с тех пор оказывал решающее влияние на развитие культуры и образования того времени.

Таким образом, по иронии судьбы произошла своего рода «рокировка», вызванная вторжением арабов-магометан: север Европы занял место юга в качестве культурного и политического центра.

Именно с севера Европы стала распространяться культура, привнесенная туда с берегов Средиземного моря. Латынь, которая была живым языком на дальней стороне Ла-Манша, с самого начала стала для англосаксов именно и исключительно тем языком, который использовался в церковной жизни. Латынь, которую учили англосаксы, была не упрощенной, искаженной латынью, используемой в деловой жизни и в государственном управлении, не той латынью, которая была приспособлена для повседневного общения в светской (мирской) жизни, а той классической латынью, которую изучали в средиземноморских школах. Теодор приехал из Тарса и до того, как оказаться в Риме, учился в Афинах. Адриан, уроженец Африки, был настоятелем монастыря, расположенного под Неаполем, и получил прекрасное образование; он великолепно владел и классическим греческим, и классической латынью.

Теодор и Адриан прививали жителям Британии, ставшим новообращенными христианами, культурные традиции Античности и обучали их правильной классической латыни, которую не приходилось коверкать, приспособлявая к нуждам повседневной жизни, поскольку в обиходе в Британии использовали англосаксонский язык. Таким образом, английские монастыри получили классическое античное наследство напрямую, без всяких посредников. Аналогичным образом в XV в. ученые из Византии привнесли в Италию не огрубленный и вульгаризированный греческий язык, которым пользовались «на улице», а тот настоящий классический греческий, который преподавали в школах.

Таким образом, англосаксы стали преобразователями одновременно и языка, и церкви. Церковь скатилась в откровенное варварство, и это проявлялось в общем упадке церковной жизни: страдали нравствен-

ные устои священнослужителей, изучение латыни, церковные службы, грамотность и письменные труды. Для того чтобы преобразовать и возродить церковную жизнь, нужно было изменить к лучшему положение во всех этих областях. Отныне вопросы знания грамматики и письма напрямую связывались с вопросами веры и долга пастырского служения. Чистота веры восстанавливалась вместе с чистотой языка. Римская организация церковной жизни, включая проведение обрядов и служб, которую англосаксы приняли и усвоили практически сразу, распространилась по всей Европе вместе с латинской культурой. Именно последняя дала те *шедевры*, которые стали составной частью явления, названного каролингским Возрождением, — его деятелями были Павел Диякон, Петр Пизанский и Теодольф. Однако важно понимать, что это возрождение носило сугубо церковный характер и затрагивало лишь церковь и церковную жизнь. Оно никак не затронуло народ, который не имел о нем никакого представления. Это было одновременно и возрождение античных традиций, и разрыв с римскими традициями, который был вызван захватом Средиземноморья арабами-магометанами. Светское (мирское) общество того времени было чисто сельскохозяйственным и военным; латынь в нем более не была востребована, и миряне ею не пользовались. Латынь теперь была языком лишь замкнутой касты священнослужителей, которая все более и более отрывалась от народа, считая себя его поводырем, которому предназначено свыше наставлять людей на путь истинный. В течение столетий образование и знания можно было получить только в церкви. Это привело к тому, что, с одной стороны, для получения знаний и приобщения к культуре требовалось больше усилий и настойчивости, а с другой — такая возможность представлялась немногим. Всесторонне образованные и культурные люди имелись, но это было исключением, а не правилом. Каролингское Возрождение совпало со временем практически полной неграмотности мирян.

При Меровингах миряне еще умели читать и писать, но при Каролингах ситуация изменилась на противоположную. Карл Великий, пытавшийся привить обществу культуру и образование и давший толчок каролингскому Возрождению, сам не умел писать, как и его отец Пипин Короткий. Не следует придавать слишком большое значение его попыткам, хотя они были вполне искренними, привить культуру и тягу к знаниям среди королевского двора и своей семьи. Для того чтобы сделать императору приятное, некоторые царедворцы стали учить латынь. Такие люди, как Эгингард, Нитард и Ангильберт, были своего рода переходящими светилами, яркими кометами, которым было суждено лишь промелькнуть на небосклоне среди общего мрака невежества. В целом следует отметить, что стремление к приобретению знаний и повышению культурного уровня абсолютно не коснулось большей части аристократии; это «движение к высотам культуры» заинтересовало лишь тех ее представителей, которые хотели сделать карьеру в церковной иерархии.

В эпоху Меровингов для зачисления на королевскую службу от мирян требовался определенный уровень культуры и образованности; особенно если речь шла о более или менее ответственных должностях. При Каролингах же те образованные люди, которые по-прежнему требовались, например, для работы в королевской канцелярии, набирались из числа священнослужителей. А поскольку система госуправления, точнее сказать, королевского управления, на этом уровне и заканчивалась и, соответственно, в большом количестве управленцев не было необходимости, то и образованность не была востребована и государство умудрялось существовать при практически неграмотной верхушке. Подавляющее большинство графов округов наверняка были неграмотными. Тип образованного сенатора-землевладельца эпохи Меровингов исчез вместе с самой эпохой. Аристократия более не говорила на латыни, и, за редкими исключениями, которые

лишь подтверждали правило, почти вся была неграмотной¹.

Наконец, характерной чертой каролингского Возрождения, о которой хотелось бы сказать в заключение, была реформа письма. Скоропись (курсив) заменили минускульным письмом (из строчных букв), представлявшим собой, по сути, изысканную каллиграфию. До тех пор пока сохранялась римская традиция, все народы Средиземноморского бассейна писали римским курсивом. Это было своего рода обычное деловое письмо того периода, когда записи были повседневной необходимостью, поскольку постоянно приходилось вести переписку и учет. Эти записи вели на папирусе, которым тогда активно торговали. Сильнейший кризис VIII в. привел к резкому сокращению письменных документов. Теперь письмо было востребовано практически только для переписывания книг. Для этих целей использовали маюскульное (прописными буквами) или унциальное письмо (каллиграфический вариант обычного письма). Этот вид письма появился в Ирландии, когда в стране было принято христианство².

Не позднее VII в. в Ирландии на смену унциальному (и полуунциальному, то есть приближенному к курсивному) письму пришло минускульное, которое уже использовалось в рукописях Бангора (680—690), где приведены тексты церковных гимнов и песнопений. Англосаксы использовали их, а также рукописи, привезенные из Рима, как образец для создания своего собственного письма. Именно из британского минускульного письма и римского *скриптория*, напоминающего полуунциальное письмо, возникло так называ-

¹ Как отмечает Брюннер, после смерти Карла Великого не был осуществлен изданный им указ о наборе судебных писарей, что объяснялось почти всеобщим презрением и пренебрежением со стороны германцев-мирян к *образованности и знаниям*.

² В Ирландии приняли христианство под влиянием прибывших из Англии бриттов во главе со св. Патриком; это произошло в V в., незадолго до появления на Британских островах саксов.

емое каролингское минускульное письмо, которое в основном применялось в начале IX в.

Первым образцом этого письма был текст Евангелия, написанный Годескалком в 781 г. по просьбе Карла Великого, который сам не умел писать¹.

Алкуин превратил монастырь в Туре в центр распространения нового письма, который оказал определяющее воздействие на все письменное творчество Средних веков².

Целый ряд монастырей, которые можно в этом смысле назвать «типографиями» эпохи Возрождения, удовлетворял растущий спрос на книжную продукцию, обеспечивая выпуск книг и их распространение. Помимо монастыря в Туре, центрами письменности и выпуска книг стали монастыри в Корби, Орлеане, Сен-Дени, Сен-Вандриле, Фульде, Корвее, Сен-Галле, Рейхенау и Лорше. В большинстве этих монастырей трудились монахи-англосаксы; наиболее характерна в этом плане Фульда. Следует отметить, что все эти монастыри располагались на севере королевства франков между Сеной и Везером. Это был тот самый район, где на земельных владениях, принадлежавших династии Каролингов, сформировался центр возрождения церковной жизни, центр обновленной церкви; именно здесь мы наблюдаем наибольший расцвет каролингского Возрождения.

Таким образом, в различных областях жизни мы видим одно и то же явление: культура, ранее процветавшая в Средиземноморье, теперь перекочевала на север Европы. Именно здесь формировалась цивилизация Средних веков. И поразительно, что большинство писателей и авторов того периода были по происхождению ирландцами, англосаксами или франками; другими словами, все они были родом из районов, расположенных к севе-

¹ По мнению М. Ранда, минускульное письмо встречалось и до Каролингов; в частности, в качестве образца такого письма он приводит работы, написанные Эвгиппием в Париже; по мнению Ранда, они датируются 725—750 гг.

² Тур был также и центром изобразительного искусства.

ру от Сены. Таковыми, в частности, являются Алкуин, Насон, Этелвульф, Гиберник, Седулий, Скот, Ангильберт, Эгингард, Рабан Мавр, Валафрид Страбон, Готшалк, Эрменрих, Вандальберт, Агий, Теган Трирский, Нитард, Смарагд, Эрмольд Нигелл, архиепископ Лиона Агобард, Пашаз Радвер, Ратрам, Хинкмар, Милон Сент-Амандский. А вот кто был родом из Южной Галлии или Средиземноморья: Павел Диакон, Теодульф Орлеанский, Паулин Аквилейский, Жонас, епископ Труа Прудентий, настоятель монастыря в Монте-Кассино Бертарий, Аудрад, Флор Лионский, Эрик Осерский, Серват Лупу Санский.

Таким образом, мы видим, что после того, как в Германии было принято христианство, она стала играть важную роль в формировании и развитии цивилизации, в которой она прежде чувствовала себя посторонней. Культура, которая ранее была полностью и исключительно римской, теперь постепенно превращалась в римско-германскую; однако, строго говоря, распространение этой культуры носило ограниченный, так сказать, локальный характер, поскольку она была полностью сосредоточена в лоне церкви.

Тем не менее было очевидно, что намечалось и формировалось новое направление цивилизационного развития Европы, и германское влияние в этом процессе было очень существенным. И сам Карл Великий, и его приближенные находились в гораздо меньшей степени под влиянием римской культуры, чем короли и королевский двор при правлении династии Меровингов. В новых условиях на ответственные посты назначались выходцы из Германии, а королевские вассалы из Австрии обосновались на юге. Все жены Карла Великого были германского происхождения. Ряд судебных реформ, касавшихся контроля за соблюдением закона на местах, был изначально проведен именно в тех районах, откуда были родом короли династии Каролингов. При Пипине Коротком начался процесс германизации священнослужителей, а при Карле Великом многие

германские епископы служили в районах, ранее полностью романизированных. Ангелельм и Герибальд, служившие в Осере, оба были баварами; Бернольд из Страсбурга был саксом; в Мансе подряд один за другим служили три епископа, которые были родом из Вестфалии; Гилдуин из Вердена был германцем; Эрульф и Ариольф, служившие в Лангре, оба были родом из Ауксбурга; Вульфериус из Вьенна и Лейдрад из Лиона были баварами. И я не думаю, что есть свидетельства обратного процесса, то есть что представители романизированных районов служили в германских приходах. Для того чтобы «почувствовать разницу», достаточно сравнить двух королей: Хильперих из династии Меровингов писал стихи на латыни, а Карл Великий дал указание составить и опубликовать сборник древних германских песен и баллад!

Все это должно было привести к разрыву с римской и средиземноморской традициями. И, хотя в результате этого разрыва Запад все более и более становился самодостаточным и замкнутым в самом себе, он порождал аристократию смешанного происхождения и культурного наследия. Разве не в то время в обиходе появились слова, которые имели более раннее происхождение? Варваров больше не существовало. Было одно великое христианское сообщество, душой которого являлась *церковь*. Эта *церковь* конечно же обращала свой взор к Риму, но Рим, порвав с Византией, был вынужден обратить свой взор на север Европы. Запад теперь жил своей собственной жизнью. Он готовился к тому, чтобы раскрыть свои внутренние резервы и возможности, опираясь на собственные силы и не оглядываясь на окружающий мир, за исключением вопросов религии.

Теперь складывалась цивилизация, в основе которой лежало единое сообщество, причем символом и инструментом этой цивилизации была империя Каролингов. Хотя германская составляющая этой цивилизации была вполне ощутима, она была романизирована бла-

годаря усилиям церкви. Конечно, внутри этого сообщества присутствовали различия. Империя была расчленена, но каждая ее часть выжила и сохранилась, поскольку феодалы поддерживали существование монархии. Короче говоря, культура периода, продолжавшегося от Средних веков до Возрождения XII в. — а это было настоящее возрождение, — несла, и продолжала и позже нести, отпечаток эпохи Каролингов. Политическому единству пришел конец, но культурное единство народов выжило и сохранилось. Как государства, созданные на Западе в V в. варварами, несли на себе отпечаток Римской империи, так и Франция, Германия и Италия сохранили на себе отпечаток империи Каролингов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Из всего вышесказанного можно сделать два главных вывода.

Вторжения германцев не уничтожили средиземноморское единство античного мира; они также не оказали сколько-нибудь существенного влияния на римскую культуру, поскольку она продолжала существовать в V в. уже после окончательного распада Западной Римской империи.

Германские вторжения носили разрушительный характер и вызвали общественные потрясения, но в то же время они не привнесли ничего принципиально нового ни в общественный строй и общественные порядки, ни в хозяйственную жизнь и экономическое устройство общества, ни в язык, ни в основные общественные институты. Средиземноморская цивилизация выжила и сохранилась. Главными очагами культуры являлись именно те районы, которые были расположены на побережье Средиземного моря, и именно отсюда стали распространяться такие новые для того времени явления, как монашество, обращение англосаксов в христи-

анство, распространение скифско-причерноморского, или *варварского*, искусства и т. д.

Благотворное и созидательное влияние шло с Востока: Константинополь был тогда крупнейшим мировым центром во всех отношениях. В 600 г. картина мира была такой же, как и в 400-м: глубоких изменений внутреннего содержания не произошло.

Причиной разрыва с античной традицией стало быстрое и неожиданное распространение ислама в результате вторжений арабов-магометан. В итоге Восток был окончательно отделен от Запада и средиземноморскому единству пришел конец. Такие регионы, как Северная Африка и Испания, всегда являвшиеся частью западного сообщества, отныне оказались в орбите Багдада и тяготели именно к нему. Здесь появилась другая религия и совершенно иная по сравнению с предыдущей культура. Западное Средиземноморье, превратившись в «мусульманское озеро», перестало быть тем главным средством торгового и культурного обмена, коим оно всегда было.

Запад оказался в блокаде и был вынужден опираться на собственные силы и ресурсы. Он был вынужден развиваться, замкнувшись в самом себе. Впервые в истории мировая ось сместилась от Средиземноморья на север. Упадок, в который погрузилась монархия Меровингов, привел в результате к появлению новой династии — Каролингов, корни которой уходили на пронизанный германским влиянием север Европы.

Папа римский вступил в союз с новой династией, порвав с императором Византии, который, будучи поглощен борьбой с арабами-магометанами, не мог более обеспечить Риму реальную защиту. И далее церковь действовала в соответствии с новым сложившимся порядком вещей. В Риме и в созданной им империи у церкви не было никаких противников и конкурентов. Власть и влияние церкви еще более усиливались оттого, что государство, в первую очередь королевская власть, оказалось не в состоянии управлять и позволив-

ло поглотить себя феодалам, что стало неизбежным следствием экономического упадка и регресса, который переживало общество. Все последствия этих перемен можно было со всей наглядностью наблюдать после смерти Карла Великого. В Европе, где главенствующую роль теперь играли церковь и феодалы, сложился вполне определенный общественный порядок, который лишь слегка видоизменялся в различных ее районах. Европа явила свой новый лик. Начинались — используя традиционный термин — Средние века. Переходный период затянулся. Можно сказать, что он продолжался сто лет — с 650 по 750 г. И именно в ходе этого периода анархии и потрясений античная традиция исчезла и обнаружились новые элементы.

И это развитие событий получило логическое завершение в 800 г., когда была создана новая империя, что подтвердило разрыв между Западом и Востоком. Запад получил новую Римскую империю — и это является убедительным свидетельством разрыва со старой империей со столицей в Константинополе, которая по-прежнему продолжала существовать.

Анри Пирен

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая

ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА ДО ВТОРЖЕНИЯ АРАБОВ-МАГОМЕТАН

<i>Глава 1.</i> Сохранение средиземноморской цивилизации в Западной Европе после вторжений германцев.....	7
<i>Глава 2.</i> Социально-экономическое положение в Западной Европе после вторжений германцев и средиземноморское судоходство	83
<i>Глава 3.</i> Культурная жизнь в Западной Европе после вторжений германцев	134
Заключение	163

Часть вторая

АРАБСКИЙ ХАЛИФАТ И ГОСУДАРСТВО КАРОЛИНГОВ

<i>Глава 1.</i> Захват арабами-магометанами Средиземноморья и включение его в орбиту ислама	170
<i>Глава 2.</i> Захват власти династией Каролингов и резкое изменение политики папы римского.....	218
<i>Глава 3.</i> Начало Средневековья	282
Заключение	348

Пирен Анри
ИМПЕРИЯ КАРЛА ВЕЛИКОГО
И АРАБСКИЙ ХАЛИФАТ
Конец античного мира

Ответственный редактор *Л.И. Глебовская*

Художественный редактор *И.А. Озеров*

Технический редактор *Н.В. Травкина*

Корректор *О.А. Левина*

Подписано в печать 06.05.2011.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская. Гарнитура «Ньютон».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,48. Уч.-изд. л. 15,38.

Тираж 3 000 экз. Заказ № 4366

ЗАО «Центрполиграф»

121471, Москва, Можайское ш., дом 29/2

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

Отпечатано в ОАО ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Исследование известного бельгийского историка Анри Пирена посвящено истории Западной Европы, тому влиянию, которое оказало на ее развитие вторжение варваров в пределы Римской империи, а затем завоевание арабами-магометанами части этой территории и включение ее в состав Арабского халифата. Автор отмечает, что вторжение германцев не нарушило средиземноморского единства античного мира. Разрыв с античной традицией произошел позже, и причиной послужило быстрое распространение ислама в результате вторжения арабов-магометан. В итоге Восток был окончательно отделен от Запада и средиземноморскому единству пришел конец. Упадок, в который погрузилась монархия Меровингов, привел к появлению династии Каролингов. Папа римский вступил в союз с новой династией, порвав с императором Византии, уже неспособным обеспечить Риму реальную защиту. Главенствующую роль в Европе стали играть церковь и феодалы.

Европа явила миру свой новый лик. Начинались Средние века.

ISBN 978-5-9524-4969-5

9 785952 449695

ЦЕНТРОЛИГРАФ®